

Институт истории Академии наук Татарстана
Серия «Этнополитическая история татар»

Д. М. Исхаков, И. Л. Измайлов

**Этнополитическая история татар
в VI — первой четверти XV в.**

Научное издание

Казань 2000

*Обратимся еще раз к истории:
она — ключ к пониманию народов.*
П. Я. Чаадаев

Введение.

Подлинная история татар - народа во всех отношениях исторического, еще не написана. Зародившаяся в трудах Ш. Марджани, национальная историография в начале XX в., благодаря усилиям целой плеяды талантливых историков (Р. Фахретдинов, Х. Атласи, Г. Ахмаров, Г. Губайдуллин, А. Рахим, М. Худяков и др.), получила значительное развитие и состоялось как течение общественной мысли. Но в годы сталинского тоталитаризма, да и позже, она находилась в глубоком застое, не имея возможности и не смея выйти за узкие рамки истории национальной «автономии». Правда, и тогда имелись некоторые исключения: в 1960-1970-х гг. были опубликованы важные для развития национальной исторической науки работы М. Сафаргалиева, М. Усманова, А. Мухамадиева, Р. Фахрутдинова, вел, постоянно расширяя круг своих интересов, этногенетические исследования А. Халиков.

Однако с конца 1980-х гг. в Татарстане явственно обнаружилось кризисное состояние исторической науки. На фоне общего подъема национального самосознания татар в 1990-х гг. в ходе национального движения «третьей волны», это стало особенно заметно. Крупные недостатки прежней квазиматериалистической методологии явственно обнаружались при первых же попытках перехода от «урезанных» (= «автономных») историй к полноценной и цельной общенациональной истории татар. В ходе дискуссии выявились два подхода к постановке данной проблемы: одни исследователи стали обращать повышенное внимание на этническую составляющую истории, а другие предложили сосредоточиться на истории государственности.

Мы полагаем, что оба эти направления являются достаточно односторонними. Дело не только в том, что, вне всякого сомнения, главным субъектом истории являются люди, объединенные в конкретную этническую общность (народ, нацию), а, скорее, в том, что на ранних этапах истории (древность и средневековье) этническая и

социально-политическая идентификация не может быть однозначно разделена. Одновременно, стоит отметить, что роль государства в процессах становления татар нельзя недооценивать, поскольку она была чрезвычайно велика и важна. Отсюда следует, что проблемы формирования и дальнейшей трансформации татарского этнополитического единства образуют некое ядро национальной истории, познание которого вообще немыслимо без учета этого аспекта исторического процесса.

Именно поэтому, учитывая особую роль и значение этнической проблематики в историческом исследовании, в настоящей работе была предпринята попытка изучения этнополитической истории татар в период средневековья (III - первая четверть XV вв.), как комплексной этно-исторической проблемы. Естественно, что в достаточно сжатом труде все этапы этногенеза (становления предков татар) и этнической истории татарского этноса с достаточной полнотой невозможно. Свою задачу авторы видят в том, чтобы последовательно проследить некоторую основную канву исторического процесса, уделяя внимание проблемам развития традиций государственности и формирования этничности, которая привела к возникновению средневекового татарского этноса.

Разумеется, многие проблемы, поднимаемые в настоящем исследовании требуют дополнительных изысканий и более развернутой аргументации, как в концептуальном плане, так и в контексте специальных частных проблем. В этой связи, работа открыта для любой критики, а ее положения могут быть скорректированы. Но только в том случае, если эти замечания и уточнения будут основаны на фактах, изложенных в рамках еще более непротиворечивой схеме, чем авторская модель этнополитической истории татарского этноса. В этом и состоит одна из целей публикации этой работы - начать более плодотворную и продуктивную дискуссию вокруг поднятых в ней научных проблем. Надеемся, что данная работа послужит не только началом дискуссии по проблемам истории татарского народа, но и откроет в ней новые страницы.

В движении к истине важен первый шаг, также как и каждый последующий. Дорогу осилит идущий. Надеемся, что и эта работа послужит ступенькой на этом пути.

В целом, представляется, что этот вводный очерк к цельной этнополитической истории татарского народа за период более тысячи лет, является одним из первых опытов подхода к написанию нашей национальной истории, которая будет определять и развитие науки в XXI веке, и послужит делу укрепления татарской национальной идентичности.

Глава I.

Теоретические предпосылки исследования этногенеза татар и важнейшие этапы их этнической истории.

Татары прошли длительный путь этнического становления и их этногенез до сих пор остается предметом дискуссий. Ранний период их этнической истории сравнительно мало освещен в письменных источниках, что затрудняет полноценное изучение древних и средневековых этапов этногенеза. В немалой степени острота проблемы объясняется сложностью и неоднозначностью трактовки этнических процессов в эпоху средневековья со стороны специалистов различных наук.

По традиции роль важнейшей дисциплины, призванной выявлять и анализировать источники по ранним периодам истории этносов, играет археология. Однако механическое отождествление археологических реалий с исторической социальной действительностью (хозяйственно-культурные типы, этнокультурные общности и т.д.) ведет к искажению истории происхождения этносов и процессов их изучения. Кроме разнообразных чисто источниковедческих ошибок и противоречий, концепции «археологической этногенетики» (об этом направлении см.: *Клейн* 1993: 43-44) имеют один общий недостаток — отсутствие теоретической проработанности общих и единообразных понятий, ведущее к противоречивости применяемых разными авторами терминов и методик реконструкции прошлого. Особенно это касается понятий теоретической археологии и этнологии, что выражается в произвольном, часто квазинаучном употреблении таких определяющих терминов, как «археологическая культура», «тип памятника», «этнос», «племя» и их соотношения. Незавершенной остается и проблема эвристических возможностей археологии и, конкретно, самой логики и этапов реконструкции этнических процессов на базе археологии (*Кнабе* 1959; *Арутюнов* 1989; *Клейн* 1991; *Шнирельман* 1984; 1993). Теоретическая несопоставимость и случайность в употреблении базовых понятий науки и их неадекватность, побуждают к перескакиванию через промежуточные стадии анализа материала и стимулируют появление упрощенных трактовок характера этнических процессов в древности и средневековье.

Между тем, признание этнического самосознания ведущим и наиболее важным признаком этноса (*Крюков* 1976: 42-63; *Бромлей* 1983: 176-189; *Дробижева* 1985: 3-16; *Козлов* 1999: 201-224; анализ зарубежных концепций см.: *Коротеева* 1999), позволяющим судить о процессе трансформации данной этнической общности, означает, что в случае отсутствия собственных памятников, на основании которых можно реконструировать основные элементы картины мира, мы вообще не вправе судить об элементах и символах его этничности. Но поскольку в большинстве случаев письменные источники появляются в сравнительно поздние периоды истории (античность или средневековье), то характер более ранних по времени этнических процессов может быть восстановлен на основе комплекса иных источников только в самом общем виде, причем результаты этих исследований иногда невозможно соотнести с выводами, сделанными посредством анализа письменных памятников. Поэтому, строго говоря, этническая история народа может быть с уверенностью реконструирована лишь на отрезке, соответствующем хронологической глубине нарративных источников. Оптимизм археологов и этнографов, порою уверенных в возможности изучения этнических процессов бесписьменных периодов истории народов, видимо, в очень значительной мере преувеличен (*Крюков и др.* 1993: 372-374).

В последние годы в отечественной этнологии активно обсуждается вопрос о необходимости различать этногенез и этническую историю или последующую трансформацию этноса (*Волкова* 1985; *Томилов* 1993). Суть этого выделения состоит в том, чтобы на плавной составляющей эволюции этноса выявить критические точки «перерыва постепенности» и определить момент, когда количественные изменения приводят к качественному сдвигу в формировании этноса, после чего можно уже говорить о его этнической истории. Одновременно подчеркивается, что подобное противопоставление носит достаточно условный характер и нередко исследователи имеют дело с полициклической моделью развития современного этноса, когда можно выявить несколько точек «перерыва постепенности».

История татарского народа представляет подобную модель. За точку отсчета следует взять современное состояние этнической общности татар, самосознание которой характеризуется употреблением самоназвания «татар» (*Сагитова* 1998). Как показывают предварительные исследования, время, когда завершился этногенез татар и сформировалось их самосознание, охватывает период XIII-XIV вв. (*Исхаков, Измайлов* 1999). Однако зафиксировав это событие мы можем продолжить ретроспективное движение к более ранним этапам истории татарского народа,

когда происходило становление его непосредственных предков, которые также имеют свою историю и свой этногенез. Поэтому можно сказать, что этногенез татарского средневекового этноса есть в то же время этническая история тюрко-татарских народов. Проблема эта еще требует определенного изучения, но уже при такой постановке ясна ее сложность и высокий уровень требований к фиксации и интерпретации этнической эволюции и качественных сдвигов в самосознании.

Изучение этих проблем, как представляется, невозможно без определения феномена этничности и структуры этнических свойств. Исходя из принятого в ряде этнологических трудов принципа противопоставления, с одной стороны, этнообразующих факторов, обусловивших само появление этноса (общая территория, государственность, язык, письменность и т.д.) и, с другой — собственно этнических признаков, эти последние можно, в свою очередь, разделить на два уровня. Первый из них относится преимущественно к сфере культуры в ее широком понимании, а второй — производный от него — проявляется в осознании самой этнической общностью своих отличий от других коллективов и этносов (Крюков 1976: 42-63; Крюков и др. 1993: 376). Именно такое представление о структуре свойств этноса заставляет считать, что, вопреки мнению ряда историков и археологов (Халиков 1978; 1989; Казаков 1992; 1999; 1999а; Хузин 1995), говорить о завершении процесса формирования этноса позволяет не возникновение тех или иных культурных особенностей этнической общности, а появление отчетливого самосознания своей общности и отличия от других, которое, разумеется, базируется на основе всех объективных признаках первого уровня, но очень часто не осознается.

Важнейшим внешним проявлением этнического самосознания (идентификации) народа является самоназвание (эндоэтноним), который не всегда совпадает с названием, данным ему соседями (экзоэтноним). Именно анализ этнонима и, стоящего за ним самосознания, а не пустая лингвистическая эквилибристика названиями (например, см.: Закиев 1986; 1995) или ненаучная попытка объяснить смену этнонима «навязыванием» его этносу извне (Каримуллин 1988; Халиков 1992), дает исследователю ключ к пониманию последовательной эволюции этноса со «взрывами» этничности, ведущими или к коренной смене этничности и формированию нового этноса или к его трансформации.

В свете вышесказанного, очевидно, что построение современной концепции этногенеза и этнической истории татарского народа требует развития исследований в области изучения символов и образов этничности, развернутых описаний сюжетов и мифологем, харак-

терных для этнополитической истории древних татарских обществ, а также их отражения в материальной, предметной этнокультурной сфере (см.: *Крюков и др.* 1983; 1979; 1984; 1987; 1993; *Развитие...* 1982; 1989; *Петрухин, Раевский* 1998).

История этнонима и локальные самоназвания. Этноним «татары» является общенациональным и употребляется всеми группами, образующими татарскую этническую общность — Поволжья и Приуралья, Западной Сибири, Крыма, Буджака (Румыния) и исторической Литвы. В прошлом у всех этнотерриториальных групп татар имелись и локальные этнонимы: у поволжско-приуральских татар — мөселман, казанлы, мишәр (мещеряк), типтәр, керәшен, нагайбәк, кәчим и др.; у астраханских — нугай, карагаш, юрт татарлары и др.; у сибирских — тоболлык, туралы, бараба, төмәнлек, бохарлы и т.д.; у литовских — мөслим, липка (литва), липка татарлары.

Впервые этноним «татар» появился у тюркских и монгольских племен Центральной Азии в VI-VIII вв. К началу XIII в. объединения татар оказались в составе Монгольского государства во главе с Чингис-ханом и участвовали в его военных походах. В возникшем в результате этих походов Улусе Джучи (Золотой Орде) в XIII-XIV вв. численно преобладали кыпчаки, которые, однако, были подчинены господствовавшим тюрко-монгольским кланам, что привело к усвоению большинством населения государства этнонима «татары», так как последний среди кочевников являлся символом знатности и могущества, употребляясь для обозначения военно-служилого сословия, составлявшего элиту общества. Не случайно в арабо-персидской, русской и китайской традиции это имя использовалось для обозначения войск и населения империи Чингис-хана, а позже — Золотой Орды. В период средневековья термин «татар» в качестве экзоэтнонима использовался на Руси, в Европе и в мусульманских странах в качестве обозначения всего населения Золотой Орды. Возникшее в этот период этнополитическое самосознание (официальная историография, символы и мифологемы общности и т.д.) сыграли ключевую роль в распространении этнонима «татары» на обширной территории Золотой Орды, особенно в среде кочевой и чиновной джучидской знати.

Основные теории этногенеза. Дискуссии об этапах и ключевых точках этнической истории татарского народа имеют давнюю историю. Можно выделить три основных концепции происхождения татар (*Исхаков, Измайлов* 1999: 14-22).

Булгаро-татарская теория основывается на положении, что этнической основой татарского народа являлся булгарский этнос, сложившийся в

Среднем Поволжье и Приуралье с VIII в. н.э. (в последнее время некоторые сторонники этой теории стали относить появление тюрко-булгарских племен в крае к VIII-VII вв. до н.э. и ранее). Наиболее важные положения этой концепции формулируются следующим образом. Основные этнокультурные традиции и особенности современного татарского (булгаро-татарского) народа сформировались в период Волжской Булгарии (X-XIII вв.), а в последующее время (золотоордынский, казанскоханский и русский периоды) они претерпевали лишь незначительные изменения в языке и культуре. Княжества (султанаты) волжских булгар, находясь в составе Улуса Джучи (Золотой Орды), пользовались значительной политической и культурной автономией, а влияние ордынской этнополитической системы власти и культуры (в частности, литературы, искусства и архитектуры) носило характер чисто внешнего воздействия, не оказавшего заметного влияния на булгарское общество. Важнейшим следствием господства Улуса Джучи стал распад единого государства Волжской Булгарии на ряд владений, а единой булгарской народности — на две этнотерриториальные группы («булгаро-буртасы» улуса Мухша и «булгары» волго-камских булгарских княжеств). В период Казанского ханства булгарский («булгаро-казанский») этнос упрочил ранние домонгольские этнокультурные особенности, которые продолжали традиционно сохраняться (включая и самоназвание «булгары») вплоть до 1920-х гг., когда ему татарскими буржуазными националистами и советской властью был насильственно навязан этноним «татары».

Все остальные группы «татар» возникли на самостоятельной основе и к этнической общности булгаро-татар Волго-Уральского региона не имеют прямого отношения, являясь фактически этносами с самостоятельными этногенезом и этнической историей (например, сибирские, крымские и польско-литовские татары). Данная концепция была разработана в основных чертах в 1920-е гг. с появлением теории стадильности развития языка и автохтонного происхождения народов («учение Марра о языке») (Н.И.Фирсов, М.Г.Худяков). В советской исторической и лингвистической науках с середины 1940-х гг. (после постановления ЦК ВКП(б) от 9 августа 1944 г. и научной сессии по происхождению казанских татар (25-26 апреля 1946 г.) эта теория была официально утверждена в качестве основной концепции этногенеза татарского народа и активно разрабатывалась в 1950-90-е гг. (А.П.Смирнов, Х.Г.Гимади, Н.Ф.Калинин, Л.З.Залая, Г.В.Юсупов, Т.А.Трофимова, А.Х.Халиков, М.З.Закиев, А.Г.Каримуллин, С.Х.Алишев, в определенной степени Ф.А.Валеев, Н.А.Томилов и др.).

Теория татаро-монгольского происхождения татарского народа, основывается на факте переселения в Европу кочевых татаро-монгольских (центральноазиатских) этнических групп, которые, смешавшись с кыпчаками и приняв в период Улуса Джучи (Золотой Орды) ислам, создали основу культуры современных татар. Сторонники этой теории отрицают, либо приуменьшают значение Волжской Булгарии и ее культуры в истории казанских татар, считая, что Булгария была слаборазвитым государством, без городской культуры и с поверхностно исламизированным населением. В период Улуса Джучи местное болгарское население было частично истреблено или, сохранив язычество, сдвинулось на окраины, а основная часть подверглась ассимиляции со стороны пришлых мусульманских групп, принесших городскую культуру и язык кыпчакского типа. Теория возникла в начале XX в. (Н.И.Ашмарин, В.Ф.Смолин) и активно развивалась в трудах татарских (З.Валиди, Р.Рахмати, М.И.Ахметзянов, в последнее время Р.Г.Фахрутдинов), чувашских (В.Ф.Каховский, В.Д.Димитриев, Н.И.Егоров, М.Р.Федотов) и башкирских (Н.А.Мажитов) историков, археологов и лингвистов.

Тюрко-татарская теория происхождения татарского этноса подчеркивает тюрко-татарские истоки современных татар, отмечает важную роль в их этногенезе этнополитической традиции Тюркского каганата, Великой Болгарии и Хазарского каганата, Волжской Булгарии, кыпчакско-кимакских и татаро-монгольских этнических групп степей Евразии. Основным элементом в процессах этногенеза и этнической истории ее сторонники считают факторы становления и развития самосознания (выражающегося в этнониме, исторических представлениях и традициях), религии, государственности, письменной культуры и системы образования, указывая на более широкие этнокультурные корни общности татарской нации, чем Урало-Поволжье.

В качестве ключевого момента этнической истории татарского этноса данная теория рассматривает период Улуса Джучи (Золотой Орды), когда на основе пришлых монголо-татарских и предшествующих местных — болгарских и кыпчакских традиций, возникли новая государственность, культура, литературный язык. В Улусе Джучи, в первую очередь в среде мусульманизовавшейся военно-чиновной знати, возникли новые исторические традиции и татарское этнополитическое самосознание. После распада Улуса Джучи (Золотой Орды) на несколько независимых государств, произошло разделение татарского этноса, группы которого начали развиваться самостоятельно. Большое значение в этот период, и, особенно, после русского завоевания татарских ханств, стало играть религиозное (мусульманское) самосознание.

Во второй половине XIX в., в период убыстрения развития буржуазных социально-экономических отношений, особенно заметных в среде татар Волго-Уральского региона и подъема национальной культуры, были актуализированы представления о культурно-историческом единстве татарского этноса и воссоздана историческая традиция в форме татарской идеологии (Ш. Марджани, И. Гаспралы, Х. Атласи, Г. Исхаки и др.). Благодаря культурной трансформации, волго-уральские татары стали центром притяжения тюрко-мусульманских народов России и ядром развития татарской нации. Результатом культурно-интеграционных процессов явилось формирование современной («этно-политической») нации, что выразилось в сложении татарского национального самосознания и утверждении общего самоназвания «татары».

Теорию эту в тех или иных аспектах развивали в XX в. в своих трудах Г.Губайдуллин, Г.Баттал-Таймас, А.Н.Курат, М.Г.Сафаргалиев, Э.Н.Наджиб, Н.А.Баскаков, Ш.Ф.Мухамедьяров, Р.Г.Кузеев, М.А.Усманов, Н.Девлет, Д.М.Исхаков, Ю.Шамильоглу, А.Каппелер, А.-А.Рорлих, А.Дж. Франк, И.Л.Измайлов и др.

В истории становления средневекового татарского этноса можно выделить этапы: образования основных этнических компонентов (середина VI — середина XIII вв.) и формирования единой татарской этнополитической общности (середина XIII — первая четверть XV в.). В первом периоде происходило образование основных этнических компонентов народа, на базе которых во втором периоде консолидировался единый татарский этнос, который затем в результате феодальной раздробленности распался на ряд взаимосвязанных этнических общностей, получивших окончательное оформление в рамках отдельных позднезолотоордынских государственных образований. Сущность первого этапа состояла в постепенном формировании основных компонентов татарской общности, которые развивались самостоятельно. На этом этапе истории татарское этническое самосознание было явлением локальным, характерным для центральноазиатских и западно-сибирских этнических групп, развивавшихся далеко от регионов исторической консолидации татарского этноса, а признаки, ставшие на последующих этапах определяющими для этнокультурной специфики татар (ислам, городская культура, общегородское койне, литературный язык и т.д.) развивались в Волго-Уральском регионе. На втором этапе произошло слияние различных этнокультурных компонентов и элементов этнополитической общности, что привело к формированию внутри Улуса Джучи единого средневекового татарского этноса.

Глава II.

Предыстория татарского этноса.

Образование основных этнических компонентов татар (VI — середина XIII в.).

Тюрки евразийских степей. Прототюркский этно- и глоттогенез охватывал обширную область Центральной Азии и Южной Сибири. В формировании этнокультурных и антропологических, а, во многом, и языковых особенностей этого населения основную роль сыграло постепенное смешение монголоидных тюрко-монгольских групп с европеоидным иранским и индоевропейским, а также с субстратным угро-финским, самодийским и кетоязычным населением. Процесс этого взаимодействия, протекая в течении длительного периода времени, начался, очевидно, с эпохи каменного века (*Чебоксаров* 1980: 315-319; *Баскаков* 1969; *Golden P.B.* 1992; *Decsy* 1998).

В результате социально-политических и этнокультурных процессов тюркские племена создали целый ряд этнополитических объединений (Хуннская держава в Центральной Азии, объединения сяньби, тоба и другие). Всплеск этнополитической активности тюркских племен пришелся на эпоху Великого переселения народов, когда различные тюркские (огурские) и угорские группы были сдвинуты движением племен, на обширных просторах Евразии стали распространяться единые этнокультурные и этнополитические традиции (*Vasary* 1993: 27-34). Именно в этот период произошло становление и закрепление тех особенностей, которые в той или иной мере присущи всем тюркским народам. Наиболее активно формирование этих традиций происходило в древнетюркское время, когда определились оптимальные формы хозяйственной деятельности (кочевое и полукочевое скотоводство), в основном сложился комплекс материальной культуры (тип жилища, одежда, средства передвижения, пища, украшения), приобрела известную завершенность духовная культура, семейная организация, социальная структура и терминология, народная этика, изобразительное искусство и фольклор, а также была выработана собственная система письма и государственная традиция (мифология, идеи сакральности власти и т.д.) (*Вайнштейн* 1991 283-290; *Кляшторный*,

Савинов 1994: 6-7). Именно в эту эпоху уходят корнями истоки этнокультурных и этнополитических компонентов татарского этноса.

Этническая ситуация в евразийских степях в I тыс. до н. э. — первой половине I тыс. н. э. может быть охарактеризована как сосуществование и постепенное смешение ираноязычных и тюркоязычных скотоводческих племен, представленных различными археологическими культурами. Эта картина резко изменилась в начале I тыс. н. э. после начала движения племен *гуннов* (*хунну/ сюнну*). Объединение кочевых племен *хунну*, этноним которых в Европе стал звучать как *гунны*, сформировалось в степях Монголии и Забайкалья. Испытав давление Китая, хунну консолидировались и, подчинив соседние тюрко-монгольские племена (*сянби, дунху* и др.), создали свою державу. Государственность хунну и ее институты испытали влияние китайской цивилизации, хотя и имели некоторые существенные отличия. Власть принадлежала правителю — *шаньюю*, правившему страной, которая делилась на два крыла (западное и восточное), управляемых особыми князьями — родственниками шаньюя (*Кляшторный* 1982: 243-254; *Кычанов* 1997: 6-38). Установление господства клана хунну над другими народами потребовало выработки сложной государственной системы управления и социальной структуры, а также создания идеологической системы легитимации власти (шаньюй как правитель, «порожденный Небом и Землей, поставленный Солнцем и Луной»), что вызвало внутреннюю консолидацию хунну, которая, очевидно, усиливалась в ходе противостояния Китаю и ираноязычным народам (*юечжи*). В результате войны юечжи были разбиты и изгнаны в Среднюю Азию, что открыло эпоху господства тюркских народов в степях Евразии и ускорило процессы их расселения. В середине I в. н. э. держава хунну распалась (*Бернштам* 1940; 1951; *Гумилев* 1950; *Кляшторный* 1982). Часть хунну подчинилась Китаю, а часть двинулась на запад, вовлекая в движение различные тюркские (огурские), угорские и иранские племена.

В середине II в. н. э. античные источники (Дионисий, Птолемей) фиксируют появление народа «хуны» к востоку от Каспийского моря (*Известия...*: 186). Несомненно, что гунны, пришедшие к границам античного мира, были уже не теми хуннами, которые обитали в Центральной Азии, как в культурно-бытовом, так и в языковом отношении. Недаром так остро стоит вопрос о соотношении азиатских хунну и европейских гуннов (о культуре и языке гуннов см.: *Иностранцев* 1926; *Засецкая* 1994; *Зарубежная тюркология*; *Хауссиг* 1977). Очевидно, что в значительной мере сохранились лишь

социальная организация и этноним. Характерной чертой этой эпохи стало возникновение тюркских этнополитических объединений, распространение элементов общевразийской культуры, касающиеся в первую очередь социально престижных деталей костюма, оружия и быта, богато украшенных золотом и обильно инкрустированных драгоценными и полудрагоценными камнями, а также элементов духовной культуры, выразившихся, в частности, в сходных типах погребального обряда, представлениях о социальной исключительности (обряд деформации черепа), а также формах государственности и политической идеологии. В этот период началось резкое усиление тюркизации в Евразии и началось продвижение на запад, в Европу, кочевых групп и кланов из Центральной Азии, усиливавшее эти процессы (*Бернштам* 1951; *Ермолова* 1999; *Петрухин, Раевский* 1998: 140-144).

В середине III в. гунны усилились и, став реальной силой, в 375 г. вышли к границам Римской империи, сокрушив алан и готов, частично покорив их, частично выдавив в пределы империи. Тем самым они дали заключительный толчок Великому переселению народов, которое разрушило античный мир, на развалинах которого возникли различные варварские королевства. Держава европейских гуннов, возникшая в Паннонии, включала, видимо, европейские степи вплоть до Волги. Конгломерат различных и разноязычных народов был непрочен. Вскоре после гибели их вождя Атиллы (452 г.) держава распалась, а восставшие народы нанесли поражение гуннам в битве при Недао (454 г.), заставив гуннское племя *акацир* отступить в Поволжье (*Иордан*: 37, 262-263), где их поглотила новая сила: *болгары*. Возможно, именно в это время или даже несколько ранее одна из групп огуро-тюркских племен, разбитая в степи, отступила в леса Окско-Свияжского междуречья, дав начало формированию современных *чуваши* (*Халиков* 1987: 8-24).

Первоначально булгарские племена, бывшие частью народа *теле* и входившие в союз огурских племен, обитавшие, очевидно, в лесостепной и степной зоне Казахстана и Западной Сибири, испытали влияние социальных изменений, связанных с движением гуннов. Первое ясное упоминание этих народов в Восточной Европе содержится в хронографии Приска Панийского, который отмечает, что около 463 г. откуда-то из глубин Азии в Причерноморье вторглись некие неизвестные дотопле племена — *огуры (уроги)*, *сарагуры* и *оногуры* (*Кляшторный, Савинов* 1994: 63; *Ермолова* 2000: 133-137). Их вторжение было вызвано натиском *савир* в середине V в., которые были сдвинуты в результате движения в Европу *авар (жуаньжуани*

китайских источников) (*Материалы* 1984: 278, 404; *Савинов* 1984: 26-28, 50), потерпевших поражение от тюрков.

Огурский союз, в котором усилились *болгары*, стал главенствовать в Северном Причерноморье после распада державы гуннов во главе с Аттилой. Достаточно уверенно это событие письменные источники фиксируют в 480 г., когда византийский император Зенон обратился к болгарам за помощью против остготов. Это было важным свидетельством геополитической значимости болгарских племен (*кутригуров* и *утигуров*) для Византии, привлекавшей их для борьбы с балканскими соседями. В конце V — начале VI вв. болгары представляли собой главенствующую силу в причерноморских степях (*Гадло* 1979: 58-59, 78-88; *Golden* 1980: 30-34). Во второй половине VI в., подорвавшие силы в войнах с Византией и междоусобицах, кутригуры и утигуры были завоеваны аvaraми, создавшими свой каганат в Подунавье.

Племя *савир* (*сувар*) появилось на Северном Кавказе в начале VI в. (*Гадло* 1979: 88-92) Около 515 г. за влияние на них уже соперничали Византия и Сасаниды. Есть данные о том, что савиры имели этнические контакты с огурскими племенами (*Golden* 1980: 34-36). Среди тюркских племен Предкавказья в арабских источниках упоминаются *баланджары/баранджары* (*Гадло* 1979: 120-126; *Golden* 1980: 38). С приходом авар в 558 г. объединению савир был нанесен мощный удар и они утратили главенство в степи, позднее войдя в состав Хазарского каганата. Господство авар оказалось недолгим и в 568 г. они отступили в Паннонию (*Гумилев* 1967: 36-39; *Эрдели* 1982: 50-58; 1986: 317-33) под натиском тюрков, завоевавших степи Северного Кавказа.

Тюркский каганат (551-603 гг.), в период наивысшего подъема имевший огромную территорию — от Манчжурии до Северного Причерноморья, от верховьев Енисея до верховьев Амударьи, позднее распался на Восточный (603-630 гг.) и Западный (около 583-657 гг.) Тюркские каганаты, которые спустя некоторое время были разбиты империей Тан. Но затем тюрки под руководством клана Ашина восстали и вновь на короткое время воссоздали Тюркский каганат (687-745 гг.), который позднее пал под ударами китайцев и восставших покоренных племен (*Кляшторный* 1995; 1995а).

Сами создатели этого государства *тюрки*, повествуя о возникновении своего народа и государства, в официальной истории, которая сохранилась в строках надписи на надгробии в честь Кюль-тегина — младшего брата кагана, поставленного в 732 г., писали о начале своей истории:

*«Когда вверху возник свод Неба голубой,
а бурая земля раскинулась внизу,
меж ними род людской был утвержден и жил,
Тот род людской сперва хранил Бумын-каган,
а Истеми-каган продолжил труд его» (Поэзия... 1993: 27-28).*

Легенды связывают происхождение тюрков с Восточным Туркестаном и позднехуннскими племенами. Китайская историческая хроника «Чжоу-шу» прямо пишет: «Туцзюе (*тюрки*) есть особое племя хунну (сюнну). Их родовое имя ашина». Согласно этой легенде, предки тюрков, жившие на краю большого болота, были истреблены воинами соседнего племени. Уцелел лишь изуродованный врагами 10-летний мальчик, которого выкормила волчица, став его женой. Скрываясь от врагов, убивших покалеченного воина, волчица бежит в горы к северу от Турфана (Восточный Туркестан). Там и рождаются у нее 10 сыновей, которые женятся на девушках из Турфана. Один из этих сыновей по имени Ашина, стал вождем нового племени и дал ему свое имя (*Кляшторный* 1964: 103-106). Позднее, в середине V в., вожди племени *ашина* уводят своих сородичей на Алтай, где они, возглавив местные племена, принимают имя *тюрк*. Название племени Ашина стало династийным именем тюркских каганов. (*Кононов* 1947: 40-47; *Кляшторный* 1964: 108-112).

Тюрки Ашина к середине V в. подчинили часть племенного союза *теле*, из состава которых вышли огузские и огурские племена. Новое объединение, состоявшее из 12 племен, стало называться Тюркским государством /*Тюрк эль*. Под предводительством вождя Бумына из рода Ашина тюрки восстали против жуаньжуаней (аваров) и в 551 г. нанесли им поражение. После победы Бумын принял титул кагана и основал новую державу (*Гумилев* 1967: 26-30; *Кляшторный* 1995: 60-61). Надпись в честь Кюль-тегина (732 г.), передавая тюркскую историографическую традицию, так повествует об известности и могуществе основателя каганата:

*«Каганы, отходя в мир мертвых,
всем живым старались завещать устроенную жизнь.
На погребенье их — оплакивать и почитать —
с восхода шел союз беклийских степняков,
с других углов земли — тибетцы, татабы,
табачи шли сюда, отуз-татары шли,
уч-курыккане, Рум, кидани — не счесть
народов, что влеклись на погребальный сход:*

*так тюркский каганат был славен и силен,
так был каган его силен и знаменит»* (Поэзия 1993: 28-29).

Удачные завоевательные войны продолжались и при потомках Бумын-кагана Муган-кагане и Истеми-кагане. К 576 г. Тюркский каганат, являвшийся первой евразийской державой — империей мирового значения, имел огромную территорию: от Маньчжурии до Крыма, от верховьев Енисея до Памира. Китайская хроника «Чжоу шу» сообщает, что Муган «привел в трепет все владения, лежащие за границами (Великой стены). С востока от Корейского залива на запад до Западного (Каспийского) моря до 10 тысяч ли, с юга от Песчаной степи (пустыня Гоби) на север до Северного моря (Байкал) от пяти до шести тысяч ли, — все сие пространство земель находилось под его державой. Он сделался соперником Срединному царству» (Кычанов 1997: 95; Кляшторный 1995: 61-62).

Прямых свидетельств проникновения тюрков в Поволжье практически нет. Несомненно, что Южный Урал и Нижнее Поволжье входили в состав каганата. Труднее с археологическими доказательствами. С одной стороны — археологи не всегда ясно представляют критерии именно тюркских этносов древности, а с другой — в Среднее Поволжье доходили лишь отголоски раскатов грома этнополитических событий бушевавших в Великой степи: новые элементы культуры, вторжение новых племен, выброшенных потоком событий из степи и т.д. (Генинг, Халиков 1964; Халиков 1971; 1989; Казаков 1999).

Уже к 560-м годам Тюркский каганат включается в мировую систему дипломатических и экономических отношений с Византией, Ираном и Китаем. Основным стержнем и важнейшим двигателем мировой политики того времени были контроль за Великим шелковым путем, по которому двигались караваны с различными товарами (Лубо-Лесниченко 1994; Радкевич 1990). Тюрки стремились получить возможность сбывать через согдийских купцов военную добычу и дань, выплачиваемую им китайскими царствами. Торговля шелком приносила огромную прибыль согдийским и персидским купцам и тюркским каганам и шахам Ирана. Основным покупателем шелковых тканей и других восточных товаров (фарфор, пряности и др.) была Византия. Однако Иран не был заинтересован в резком увеличении потока шелка на рынки Византии, что снизило бы доходы ее купцов и производителей шелка (Гумилев 1967: 42-52; Петров 1995: 51-54).

Первая попытка сбыть накопившийся у тюрков шелк была предпринята в 566 г., когда их посол, согдиец Маниах, прибыл в Иран с предложением наладить регулярную торговлю. Однако шах Хосров,

купив привезенный посольством шелк, демонстративно сжег его. Тогда турки начали активно искать прямые пути в Византию, которая в свою очередь была чрезвычайно заинтересована в политическом союзе с тюрками против персов. Тюркское посольство Маниаха было с почетом принято в Константинополе и между тюрками и Византией был заключен политический союз. Вместе с посольством к тюркам отправился византийский посол Земарх. Каган принял посла в своей ставке в предгорьях Тянь-Шаня. Пораженный роскошью и могуществом тюркского кагана, которого он сопровождал в его успешном походе против Ирана, Земарх оставил восторженное описание своего путешествия (*Бернштам* 1947: 61; *Гумилев* 1967: 42-52).

Вслед за этим, Истеми-каган перенес военные действия за Волгу и в 571 г. завоевал Северный Кавказ и вышел к Керченскому проливу, подчинив себе алан, праболгар и другие народы Предкавказья. Тем самым каган расчищал себе обходной путь в Византию через Хорезм, Поволжье и Кавказ. Интенсивность контактов между тюрками и византийцами резко возросла, в течении десяти лет после приезда Маниаха страны регулярно обменивались посольствами, каждый из которых сопровождался торговцами (*Гумилев* 1967: 33-36; *Кляшторный* 1995: 61; *Кляшторный, Савинов* 1994: 20-22).

Апофеозом военных успехов тюрков стал поход Тон-йабгу-кагана против Сасанидов (627-628 гг.). Выполняя договорные обязательства с Византией каган возглавил поход своих войск против Ирана и вторгся в Закавказье. Разгромив противника он встретился под стенами Тбилиси с императором Ираклием и тот возложил на его голову свою корону и обещал выдать за него свою дочь Евдокию. Все эти годы, с большей или меньшей регулярностью, караваны с шелком и другими товарами шли на запад через Иран, Поволжье и Кавказ. Свидетельством этого, в частности, служат многочисленные находки шелковых тканей, найденных в могильниках Северного Кавказа. Так в могильниках Предкавказья (Мошевая Балка, Хасаут) было найдено 143 фрагмента шелковых тканей (*Иерусалимская* 1967: 55-78; 1972). Уникальным свидетельством их согдийского происхождения является надпись «занданечи» (от местечка Зандана), обнаруженная на одном фрагменте (*Кляшторный, Савинов* 1994: 20-22; *Петров* 1995: 50-54).

Боеспособность тюрков была достаточно высокой для своего времени. Воюя практически непрерывно, живя во враждебном окружении, подавляя силой оружия сопротивление племен в самой Центральной Азии, они совершали далекие походы в Восточную и Среднюю Азию и Восточную Европу. В момент наибольшего территориального роста

(576 г.) Тюркский каганат простирался от Маньчжурии до Западного Предкавказья, от верховьев Енисея до верховьев Амударьи. Таким образом, тюркские каганы стали создателями первой евразийской империи, этнополитическое и культурное влияние которой на историю Центральной Азии и Юго-Восточной Европы было огромным.

Устойчивости кочевой империи тюрков, сохранению ее единства, способствовали сложная социальная система и жесткая организация власти. Государь тюрков из рода Ашина носил титул *каган*, жена имела титул *катун/хатун*. Тюркские каганы, согласно официальной традиции, получили свое место в мироздании по воле Неба, они были «рождены Небом» и одновременно были «подобны Небу». Бильге-каган титулует себя «Небоподобный, неборожденный тюркский мудрый каган». (*Кляшторный* 1981: 136-137; *Трепавлов* 1993: 66-70; *Кычанов* 1997: 247-254).

Кагану в управлении *элем* (государством) помогал клан его сородичей. В целом тюрки были народом — правящим социальным слоем, возвышавшимся над всеми другими народами степи, но внутри, в свою очередь, имели сложную социальную структуру. Судя по древнетюркским надписям, выделялось четыре категории «управляющих»: члены правящего клана; правители союзных тюркам племен; чиновники-администраторы, располагавшиеся справа от кагана; чиновники-администраторы, располагавшиеся слева от кагана. Ближайшее окружение кагана составляла гвардия, именовавшаяся «волки» по ее знамени, украшенному золотой волчьей головой (*Бернштам* 1946: 87-147; *Кляшторный, Савинов* 1994: 66-72; *Кычанов* 1997: 101-107).

Вся территория каганата была разделена на три части — центр, в котором сидел каган — глава государства, и два крыла — восточное и западное, которыми управляли два других члена рода Ашина с титулом каган. Внутри крылья также делились на части. Например, в Западнотюркском каганате каган разделил страну на 10 частей, каждому правителю которой в качестве символа власти была дана стрела из каганского лука и с тех пор западная часть каганата стала именоваться «десять стрел»/«он ок». Все «десять стрел», в свою очередь были разделены на левый (пять кочевий племен *Дуло*) и правый (пять кочевий племен *Нушиби*) крылья. Это традиционное, еще с хуннских времен, деление страны на части, обеспечивало стабильность управления и концентрацию военной мощи в условиях господства кочевого скотоводства, а также способствовало относительной стабилизации правящего дома, когда наиболее опасные соперники кагана получали в управление свой удел. Но одновременно наличие

других каганов, кроме верховного, ограничивало центральную власть и привело позднее к разделению тюрков на западных и восточных (*Кляшторный, Савинов* 1994: 18-19; *Кычанов* 1997: 101-107).

Следует сказать, что представления о тюркском государстве как стихии кочевой жизни имеют мало общего с действительностью. Вместе с четкой военно-административной структурой Тюркский каганат имел достаточно полно разработанное уголовное законодательство. Например, укравший стреноженную лошадь предавался смертной казни, а укравший не стреноженную и не на привязи лошадь должен был возместить краденное в десятикратном размере. В состав каганата входили развитые в хозяйственном отношении согдийские города Семиречья и Восточного Туркестана, издавна занимавшие выгодные позиции в трансасиатской торговле по Великому шелковому пути. При кагане Тон-ябгу установился жесткий политический контроль над среднеазиатскими княжествами. В Тохаристане была учреждена ставка сына кагана, а в столицы владений посланы полномочные представители кагана — *тудуны*, призванные контролировать сбор дани и обеспечить лояльность местных владык (*Кляшторный* 1964: 114-122; *Кляшторный, Савинов* 1994: 22-26).

Военным успехам тюрков способствовал целый ряд обстоятельств. Важнейшими из них стали освоение нового и технически совершенного для того времени оружия и конского снаряжения, а также передовая военная организация и тактика боя. Для дальнейшей истории военной культуры особо следует отметить распространение седел с широкими арочными луками, металлических стремян, а также изогнутых сабель. Именно благодаря хорошо оснащенной коннице, в которой выделялись отряды панцирной кавалерии, вооруженной пластинчатым доспехом, длинными копьями, палашами и саблями, а также сложносоставными луками с костяными накладками, тюрки разгромили соседей и утвердили свою власть в степи. Источники содержат лишь отрывочные сведения о военной организации тюрков, основу которой составляла их военно-административная система, позволявшая в краткие сроки проводить мобилизацию войск. Судя по китайским источникам, численность их отборной армии достигала 100 тысяч всадников. Во время военных действий тюрки использовали передовые приемы военного искусства (*Худяков* 1986: 137-169; *Савинов* 1984; *Кляшторный, Савинов* 1994: 95-102).

В этот период на огромной территории Евразии распространились сходные, а некоторых случаях даже идентичные типы вооружения, украшений, посуды из драгоценных металлов. Все эти элементы кочевой культуры имели не этнический характер, а были связаны с

дружинной культурой степной феодальной аристократии. Важной ее частью, ставшей одним из символов социальной системы тюрков, являлись боевые пояса с металлическими накладками. Пояс средневекового степного рыцаря был своеобразным паспортом, свидетельством его социального статуса и места в военно-дружинной иерархии (*Васильев, Горелик, Кляшторный* 1993), о чем свидетельствуют тюркские эпитафии: «Так как у него была доблесть, то у своего кагана мой бек, Аза тутук, достиг пряжки (чиновного пояса)», «Моя геройская доблесть. Мой пояс с сорока двумя (чиновными) пряжками — украшениями» (*Ковалевская* 1970). Обязательной принадлежностью этой культуры были также сосуды для питья из золота или серебра, оружие — меч, сабля, лук и конское снаряжение. Эти традиции были переняты у тюрков соседними оседлыми народами — китайцами, иранцами и византийцами, у которых пояс с золотыми или серебряными накладками также стал играть роль символа власти и наивысшего воинского достоинства; появились новые символы моды в одежде, украшениях, оружии (*Амброз* 1971).

В среде тюрков выработались также некоторые элементы облика и культуры, которые, видимо, можно трактовать как этноопределяющие (*Вайнштейн, Крюков* 1966: 177-187). К ним можно отнести осознание своей монголоидности, явной, очевидно, в среде знати, что подчеркивают тюркские каменные изваяния (*Кубарев* 1984; *Шер* 1966), которая стала особенно заметной в государствах, основанных тюркскими кланами в Восточной Европе (Ашина, Дуло). При этом «знатность» и престижность монголоидности, подчеркивающей принадлежность к правящему роду, видимо, специально сохранялась в среде аристократии с помощью эндогамности. Другим элементом принадлежности к тюркам была прическа — волосы, заплетенные в косы (от одной до трех). Среди других отличительных черт тюрков, судя по китайским источникам, следует отметить одежду с запахом направо (левая пола сверху) (*Вайнштейн, Крюков* 1966: 183).

Постепенно каганат утрачивал военную силу и могущество. Уже к 634 г. каганат потерял свои владения к западу от Сырдарьи. Государство вступило в полосу затяжного кризиса, главной причиной которого была борьба за власть между знатью различных племенных объединений. В 638 г. племена дуло провозгласили каганом одного из присланных к ним принцев. После тяжелой и кровопролитной войны, произошедшей между племенами дуло и нушиби, каганат распался на две части. Межплеменная гражданская война в каганате продолжалась 17 лет, пока вторгшиеся в Семиречье китайские войска (657 г.)

не разгромили ополчение «десяти стрел», подчинив себе весь Восточный Туркестан (Кляшторный 1995: 63-64).

После разгрома Восточнотюркского каганата в 630 г. тюрки были расселены императором династии Тан Тайцзуном в Ордосе и превращены в федератов империи. Часть тюркской аристократии поступила на имперскую службу. Но для основной массы кочевников, принудительно переселенных в ограниченный район, условия существования были трудными. Этим были вызваны многочисленные восстания и мятежи, возглавляемые потомками каганов. В 679-681 г. такое восстание поднял Кутлуг-чора. Он сумел привлечь на свою сторону большинство тюрков и нанес ряд поражений китайским войскам. Уже в 687 г. во главе небольшой, но закаленной в боях армии, он вторгся в степи Монголии и подчинил себе племена *теле* во главе с *уйгурами*. Так возникло новое государство тюрков — Второй Тюркский каганат и в честь этого Кутлуг принял имя Ильтериш-каган, положив начало новой династии. В рамках нового объединения возродилась традиционная структура Тюркского государства (Гумилев 1967: 269-284; Кляшторный 1995а: 151-152).

Наивысшего расцвета новая держава достигла при Капаган-кагане (692-716 гг.), когда тюрки объединили территорию почти всей Центральной Азии. Однако во время вторжения в Среднюю Азию войска тюрков потерпели поражение от арабов. Последовали восстания покоренных племен и междоусобные распри, закончившиеся гибелью Капагана. После его смерти к власти пришел его племянник Бильге-каган. Он и его брат Кюль-тегин вернули на определенное время власть в степи и заставили китайского императора в 727 г. выплатить дань. Но уже при их потомках новые поражения и восстания *тюргешей*, *уйгуров*, *басмылов* и *карлуков* разорвали державу тюрков и в 745 г. Второй Тюркский каганат перестал существовать. На просторах Великой степи начиналась эпоха новых тюркских государств (Гумилев 1967: 285-327; Кляшторный 1995а: 153-154).

Духовная культура тюрков, судя по целому ряду источников, представляется довольно развитой и сложной. В отличие от многих других центральноазиатских народов древности и средневековья, сведения о культуре которых мы черпаем из отрывочных сведений оставленных соседями, тюрки оставили собственные письменные памятники, позволяющие реконструировать их собственную картину мира. Исходным для такой реконструкции становится описание древнетюркской религии орхонскими памятниками. Во преамбуле эпитафии в честь Кюль-тегина так излагается концепция начала мира:

*«Когда вверху возник свод неба голубой,
а бурая земля раскинулась внизу,
меж ними род людской был утвержден и жил» (Поэзия 1993: 27).*

Картина мироздания тюркам, судя по всем источникам, представлялась такой: вверху было голубое небо, внизу — бурая земля, между небом и землей — люди, «человеческие сыны». Над человеческими сынами — династия тюркских каганов, «поддерживающая и устраивающая» государство (*эль*) и закон (*тор*) тюркского народа, если не всего рода людского, то их лучшей и достойной части.

Владыкой Верхнего мира и верховным божеством древнетюркского пантеона являлся *Тенгри* (Небо). В отличие от Неба — части космоса, оно никогда не именуется кёк (голубое/синее небо). Именно Тенгри распоряжается всем происходящим в мире и, прежде всего, судьбами людей. Тенгри «распределяет сроки жизни», но рождением «сынов человеческих» ведаёт богиня Умай — богиня плодородия и новорожденных, олицетворяющая женское начало (*Потанов* 1973: 265-286). Вместе с Тенгри она покровительствует воинам. Тенгри и Умай олицетворяли божественную пару небесных владык. Как каган подобен (по своему образу) Тенгри, так его супруга — хатун — подобна Умай. Тенгри дарует каганам мудрость и власть, даёт санкцию на управление народом, «организуя и устраивая» его, а также наказывает согрешивших против его воли и власти правителя.

Главным божеством Среднего мира была покровительствующая тюркам «Священная Земля-Вода» (Ыдук Йер-Суб). Именно на этой земле располагалась священная земля тюрков — Отюкен-иш. Судя по тюркским надписям, каганы по их представлениям правили не только силой неба, но и силой «земли-воды»:

*«Но сверху Небеса, а снизу Мать-Земля
т.е. Священная Земля-Вода)*

сказали тюркам: «Вы не смете погибать!»

*«Да не исчезнет род — да будет жив народ!» —
так Небо и Земля их обязали быть» (Поэзия 1993: 30-31).*

Смертью, согласно представлениям тюрков, ведал грозный бог Эрклиг — владыка царства мертвых. Это был важный и яркий персонаж тюркского пантеона, «разлучающий» людей и посылающий к ним «вестников смерти». Культ его был связан с почитанием душ умерших. С этими представлениями связаны погребальные обряды тюрков. Вот как описывает китайская историческая хроника погребение тюркской знати: «Они (тюрки) выбирают один день, берут лошадь, одежду и предметы обихода умершего и сжигают их с

трупом. Затем собирают пепел, чтобы похоронить пепел... Тогда выкапывают яму и погребают (пепел). В день похорон родственники снова приносят жертвы, ездят верхом и царапают свои лица... На могиле сооружается помещение, в котором рисуется изображение мертвого и военные сцены из его жизни. Если умерший однажды убил человека, ставится один камень. При этом случается, что выставляются сотни, даже тысячи камней» (Савинов 1984: 34-35). На основе этого описания можно сделать заключение об основных элементах погребального обряда тюрков: трупосожжение с конем и вещами покойного. Устройство надмогильного сооружения и установка в нем изображения покойного и мемориального памятника с описанием событий его жизни. Это в определенной мере подтверждают и археологические раскопки в Центральной Азии (Новгородова 1981: 206-213). При этом полного соответствия описанному обряду не обнаружено. Объясняется это, скорее всего, с одной стороны, различиями погребальной обрядности каганов и знати тюрков от обычаев основного населения, то есть эти обряды имели не этнический, а социальный характер, а с другой — постепенной культурной ассимиляцией тюрков основным тюркским населением степи, унификацией их культуры (например, телесские племена перенимали у тюрков ритуал установки рядов камней-балбалов, детали костюма, оружия и конского снаряжения и т.д. (Трифонов 1973: 351-374)).

Важным элементом культуры тюркского времени были каменные изваяния, среди которых выделяются изображения воинов с оружием в одной руке и сосудом в другой, фигуры без оружия с сосудом в обеих руках и простые изваяния с личиной. Все типы изваяний отличаются по деталям оформления, но идейное содержание их — преследующее цель сохранить облик умершего для совершения определенных поминальных обрядов — идентично. Подобные ритуалы были широко известны у многих народов Восточной и Центральной Азии и зафиксированы в письменных источниках. (Шер 1966; Савинов 1984: 57-60, 71-74; Кубарев 1984). Позднее данный ритуал распространился с волнами тюркских племен в Западную Сибирь, Южный Урал и Восточную Европу (Федоров-Давыдов 1966; Плетнева 1974).

Археологические памятники древнетюркского времени в Центральной Азии и Южной Сибири, выявленные и изученные исследователями, образуют сложную этнокультурную общность, которая характеризуется тремя основными видами памятников: погребения с конем или соответствующим набором инвентаря, поминальные сооружения и изваяния, схематические изображения горных козлов (Грач 1973: 316-333),

которая и может быть названа алтае-телесскими тюрками (Савинов 1984: 50-64). Этнокультурные традиции этих племен оказали впоследствии определяющее влияние на особенности культуры практически всех средневековых кочевых тюркских народов Евразии.

Важнейшими достижениями тюрков, сделавшие их народом не только сыгравшим выдающуюся роль в средневековой истории, но и основавшим тюркскую цивилизацию, чьи традиции продолжали все последующие кочевые государства, были государственное устройство (традиции имперской надплеменной державы, со своей иерархически организованной социальной системой, военно-дружинной феодальной культурой и собственной государственной историографией), синтез кочевого и оседлого укладов и письменность, которая произвела настоящую революцию в кочевой культуре. Впервые традиции общей письменной цивилизации оказались распространены на обширной территории, став достоянием не отдельного племени (какими были рунические письменности кочевников до тюрков), а всей империи. Одновременно распространялись литература, внедрявшая тюркские картину мира, традиции государственности, мифологемы этнополитического единства страны, а также кодифицированное право. Письменность способствовала формированию нормативного литературного языка и лексики, ставших основой для тюркских литератур более позднего времени (Кляшторный 1964; 1981; Кляшторный, Савинов 1994: 76-88; Гумилев 1967: 65-85; Трепавлов 1993; 1993а; Худяков 1998: 33-61).

В границах этой первой евразийской империи находились и другие группы, которые могут быть отнесены к этническим предкам татар. Этнополитическое объединение *татар (отуз-татар)* сформировалось в степях Монголии после распада каганата жуаньжуаней в результате объединения группы тюркских и монгольских племен. Впервые отуз-татары были упомянуты в надписи на памятнике Кюль-тегину, свидетельствующей о подчинении их во второй половине VI в. кагану тюрков Бумыну. Позднее, в VIII в. объединение отуз-татар под военно-политическим давлением китайцев и тюрков распалось на несколько союзов племен. Наиболее известным и сильным из них стало объединение *токуз-татар*. О языке и культуре древних татар (VI-VIII вв.) нет достаточно достоверных сведений — некоторые языковеды считают их тюркским (П. Пеллио), другие — монгольским (М.Ц. Мункуев, Ж. Жэле) народом. В политических событиях Центральной Азии токуз-татары являлись союзниками кыргызов и выступали на их стороне против тюрков (война 723-24 гг.). Распад Тюркского каганата позволил татарам создать свое государственное объединение

в Восточном Туркестане, которое в союзе с *огузами* вело войну против Уйгурского каганата. После поражения в ней часть западных татар вошла в состав Уйгурского каганата, а отдельные группы переселились в Южную Сибирь, где вместе с *кимако-кыпчакскими* племенами образовали Кимакский каганат (по кимакской исторической традиции, сохраненной в труде Гардизи «Зайн ал-ахбар»/«Украшение известий» (XI в.), правитель каганата происходил из племени татар). В 842 г. Уйгурский каганат был разгромлен *кыргызами*, а татары включены в их владения (надпись в долине р. Тес). После изгнания кыргызов, во второй половине IX в. татары вошли в состав уйгурских княжеств (Ганьчжоуского, Турфанского и др.), создав позднее свои этнополитические объединения на границе Восточного Туркестана и китайской провинции Ганьсу. В X–XII вв. различные татарские государства и крупные племенные объединения занимали значительную территорию Южной и Восточной (степной и горно-степной) Монголии и Северного Китая. Вся эта территория к востоку от Восточного Туркестана получила в мусульманской восточной историографии название «Дашт-и татар» («Татарская степь»), а термин «татар» закрепляется за немусульманским населением степей Монголии. В Восточном Туркестане между государствами Караханидов и *тангутов* (Си-Ся) образовалось несколько государств (княжеств) западных татар. Контролируя часть Великого шелкового пути, они вели активную внешнюю политику в Центральной Азии (посольства в Китай 958, 996, 1039, 1084 гг.) и Среднюю Азию (965, 981 гг.), заключали военно-политические союзы с Ганьчжоуским и Турфанским княжествами уйгуров, а в конце XI — начале XII в. вошли в их состав. Правители этих татарских княжеств носили титул «апа текин/тегин». В X–XI вв. язык татар Восточного Туркестана был зафиксирован как тюркский (Махмуд Кашгари), а государственная религия — буддизм (частично манихейство и ислам). В 1130-х гг. княжества западных татар и уйгур были завоеваны государством Каракитаев (западных *киданей*) (Кляшторный 1993; *Кадырбаев* 1993: 25–46).

В составе народов Тюркского каганата были известны также *чигили* (*изгили*, *эсегели*), являвшиеся вначале частью конфедерации теле, затем — карлуков. Чигили фиксируются вблизи племени *аз/ас*, чья территория находилась в Западной Туве (Саяно-Алтайская зона). Позже они оказались в обширном ареале — от р.Или и до р.Сырдарьи (по соседству с огузами). Там с ними контактировала и группа *тухчи*, бывшая в каких-то особых отношениях с чигилиями (Гардизи упоминает титул «чигил тухчин») (*Golden* 1992).

Великая Болгария. Хазарский каганат. К середине VII в. в Западной Евразии власть тюркских каганов ослабла и в причерноморских степях возникло государство «Великая Болгария» во главе с Кубратом.

Булгары, жившие в степях Кубани и Причерноморья, объединенные около 603 г., очевидно, племенем *унногундур*, во главе с кланом Дуло, сформировали свое этнополитическое объединение. Некоторое время оно находилось в зависимости от Аварского каганата, но в 635 г. правитель болгар Органа и его племянник Кубрат (его имя с тюркского трактуют как «ты должен собрать народ» (*Чичуров* 1980: 113), выросший при дворе византийского императора и, видимо, там крещеный (около 619 г.), сбросив власть Аварского каганата, создали в степях Восточного Причерноморья союз племен, вошедший в историю под названием «Великая Болгария» (*Мерперт* 1957: 15-18; *Гадло* 1979: 108-111; *Golden* 1980: 44-45). Это государственное объединение выступало как союзник Византии, а Кубрат даже принял от императора Ираклия титул патрикия. После смерти Кубрата (640-60-е гг.) его держава распалась (*Чичуров* 1980: 60-62, 161). Хотя Великая Болгария существовала исторически недолго, однако в этот период сформировалось особое этнополитическое самосознание, так как и после распада и переселения различные группы болгар и на новой родине сохраняли свой этноним и характерные элементы духовной культуры, в том числе, видимо, династийную историю («Именник болгарских ханов» (*Тихомиров* 1969: 282-283; *Именник...*). Факт расселения болгар достаточно хорошо зафиксирован письменными источниками, а также сходством археологических материалов, обнаруженных в Нижнем Подунавье, Паннонии, Среднем Поволжье, Подонье и Северном Кавказе. Пять сыновей Кубрата во главе своих племен оказались на разных территориях: «расстались друг с другом, и каждый из них отделился с собственной частью народа» (*Чичуров* 1980: 162). Двое — Баян (Батбаян) и Котраг, оставшиеся в причерноморских степях («Черные болгары» византийских и русских источников), подпали под власть Хазарского каганата (*Чичуров* 1980: 61). Аспарух со своей ордой около 679 г. ушел за Дунай, основав Первое Болгарское царство (*Литаврин* 1985: 132-154). В Дунайской Болгарии долгое время сохранялся дуализм в организации власти и языке, но вскоре после принятия христианства (864 г.), и подавления мятежей болгарской знати, болгары были ассимилированы славянами. Еще двое сыновей Кубрата, вероятно, ушли в Паннонию, к аварам. Одна из групп болгар, руководимая, возможно, сыном Кубрата, Кувером, играла важную роль в политике каганата. В период образования

Дунайской Болгарии Кувер поднял мятеж и перешел на сторону Византии, впоследствии эта группа, видимо, вошла в состав болгар (*Литаврин* 1985: 150). Другая группа болгар во главе с Альцеко/Алзеко (возможно более ранних переселенцев), вмешалась в Аварии в борьбу за престолонаследие и была вынуждена просить убежища у франкского короля Дагоберта (629-639 гг.) в Баварии, а потом бежать в Италию (близ Равенны), где вплоть до конца VIII в. часть болгар сохраняла свой язык (*Мернерт* 1957: 11; *Golden* 1980: 45).

Начальный период образования Хазарского каганата известен недостаточно. Во всяком случае, в 60-80-х гг. VI в. *хазары* уже регулярно упоминаются в источниках среди племен Северного Кавказа. Судя по различным источникам (в том числе и хазарским), хазары, разгромив болгар, к 80-м годам VII в. стали господствовать на Северном Кавказе (*Чичуров* 1980: 61; *Golden* 1980: 49-67). Вероятно, что хазары стояли во главе реорганизованного союза савиров (*Новосельцев* 1990: 89 и сл.). Правящий род хазар был, очевидно, связан с тюркским кланом Ашина. Но в VI в. византийские источники (*Гадло* 1983: 79-81; *Гмыря* 1995: 14-19) их обычно предпочитали локализовать во «внутренней Скифии», имея в виду землю аланов — Барсилию (во время правления императора Маврикия (582-602 гг.)). Хазарский каганат, являвшийся одним из крупнейших раннесредневековых политических объединений Восточной Европы, просуществовал до X в. Его территория включала на севере Среднее Поволжье, доходя на западе до Киева, на юге гранича с византийскими владениями в Крыму, с государством Сасанидов — в районе Дербента, доходя на востоке до Приаралья, где западные огузы признавали его власть. Аланские и болгарские группы, часть которых вела уже оседлый образ жизни, играли важную роль в этом государстве (*Плетнева* 1967). Такие города Хазарского каганата, как Баланджар, Варачан/Вараджан, Самандар, Итиль/Атиль, Саркел (Шаркил), известны не только по письменным источникам, но и по археологическим материалам (*Артамонов* 1962; *Плетнева* 1986; *Новосельцев* 1990: 122-134). О языке собственно хазар есть разные точки зрения. Согласно одним из них, хазарский язык был родственным с болгарским и относился к огурскому типу (*Golden* 1980: 26, 112 и сл.). Это, в определенной мере, подкрепляется легендой, приведенной в труде Михаила Сирийца, согласно которой, во внутренней Скифии обитали три брата. Один из них, Бургариос (т.е. Булгар), переселился в Мезию (территория современной Болгарии), другой, Хазариг, родоначальник хазар, остался в Прикаспии. Текст легенды, таким образом

показывает, что хазары и булгары в глазах современников составляли этнополитическое единство (*Новосельцев* 1990: 80). Возможно, что близость их объясняется наличием у них общего субстрата иранского (аланского) происхождения, который, в частности, скрывается под именем *барсил* (*барсула*), так как «Барсилия» было традиционным античным обозначением сармато-аланских племен, возможно смешавшихся с одной из тюркских центральноазиатских групп (парсил) (*Гадло* 1983: 79-81). После тюркизации они в Восточном Предкавказье слились с хазарами, а в Западном — с булгарами. Недаром у Ибн Русте и Гардизи племя барсула упоминается в составе болгарских племен (*Хвольсон* 1869: 22; *Заходер* 1967: 28; *Golden* 1980: 143-147).

После крушения, сильно ослабленного уже к 40-м годам Х в., Хазарского каганата, которое произошло вслед за походами русов и печенегов (965 г., 968-969 гг.), остатки хазарского населения сохранялись в Нижнем Поволжье, Западном Предкавказье и Крыму, еще вплоть до XII в. (*Плетнева* 1986: 62-73; *Новосельцев* 1980: 219-248). Видимо, часть их осталась в районе р. Волги, где они вместе с булгарами и суварями были основным населением г. Саксин. Необходимо особо отметить, что после походов русов и печенегов правитель Хазарского каганата принял ислам (до этого в 737 г. после поражения от арабских войск один из каганов уже ненадолго принимал ислам). Это явно усилило влияние ислама на хазарское население, до того частично исповедовавшее иудаизм. Одновременно среди хазар расширилось влияние хорезмийцев. Примерно в 50-60-х гг. XI в. Хазарское государство окончательно было ликвидировано, в результате чего в Нижнем Поволжье закрепилась Волжская Булгария. В XII в., жившие в Саксине булгары и сувары, имели даже своего «эмира» (*Новосельцев* 1990: 231).

Печенеги и торки (огузы). Одним из сильных тюркских союзов племен, обитавших в Восточной Европе и Средней Азии в IX-XI вв., были *печенеги* (этноним их звучал как «беченек» по-тюркски и как «*баджанак/баджнак*» в восточных, «*пачинакин*» в латинских и «*печенег*» в русских источниках (*Дробинский* 1948: 119-124; *Щербак* 1959: 362 и сл.; *Moravcsik* 1958 II: 247-249; *Pritsak* 1981a). Происхождение печенегов связано с территорией Южного Приаралья и средним течением Сырдарьи, где в середине I тыс. н. э. локализуется страна *Канга* и этносоциальная группа *кангар* (*канга/канглы*) (*Кляшторный* 1964: 177), ставшая господствующим кланом печенежского союза племен, что можно заключить из слов Константина Багрянородного: «Должно сказать, что пачина-

киты называются также кангар, но не все, а народ трех фем: Иавдиирти, Куарцицур и Хавуксингила, как более мужественные и благородные, чем прочие, ибо это и означает прозвище кангар» (*Константин Багрянородный*: 159).

Во второй половине IX в. эти племена, под натиском *гузов* (*огузов*), двигавшихся в Восточную Европу, отошли в Заволжье, где стали соседями Хазарского каганата (*Артамонов* 1962: 336 и сл.; *Плетнева* 1986: 66-68; *Новосельцев* 1990: 219 и сл.). Стремясь обезопасить свои границы хазары заключили договор с венграми (мадьярами), которые однако были побеждены печенегами и отступили в Днепро-Днестровское междуречье (*Kristo* 1996: 107-138). Стремясь ослабить давление печенегов, хазары заключили договор с огузами. Разбитые огузами, печенеги неудержимо хлынули в степи Восточной Европы.

Разорив земли каганата, печенеги утвердились в Северном Причерноморье от Подунавья до Подонья (*Moravcsik* 1958 I: 87; *Плетнева* 1958: 214; 1990: 11-13; *Расовский* 1933: 3). Вторжение печенегов вызвало в конце IX — середине X вв. массовое переселение болгар (барсилы, сувары, баранджары и т.д.) из Подонья в Предкавказье и Среднее Поволжье. В Восточной Европе печенеги в 898 г. нанесли поражение венграм (мадьярам), вытеснив их в Дунайскую котловину и Паннонию (*Bartha* 1975; *Kristo* 1996: 138-158). Преследуя венгров, печенеги столкнулись с Русью и в 915 г. заключили первый договор (*Расовский* 1933; *Pritsak* 1981a; *Плетнева* 1990: 9-23).

В период расселения в Северном Причерноморье печенеги были разделены на два крыла (части), которые включали ряд племен: западное — *йула/гила*, *харавой/харабои*, *иртим/иавдииртим*, *хопон/гиазихопон* и восточное — *цур/куарцицур*, *кулпей/сирукалпей*, *талмат/вороталмат*, *цопон/вулацопон* (*Константин Багрянородный*: 155; об их этимологии см.: *Баскаков* 1969: 49-56). Правила печенегами ханы, опиравшиеся на военные дружины. В середине XI в. печенеги были объединены под властью одного хана — Тираха. В период борьбы с торками выдвинулся новый хан Кеген. Он пытался безуспешно свергнуть власть Тираха, потерпел поражение и отступил к границам Византии. Судя по данным Константина Багрянородного, власть ханов не была наследственной: «После их смерти (т.е. ханов — Д.И., И.И.) должно было избрать или их двоюродного брата, или сыновей двоюродных братьев, чтобы достоинство не оставалось постыжно в одной ветви рода, но чтобы честь наследовали и получали также и родичи по боковой линии. Из постороннего никто не становится архонтом» (*Константин Багрянородный*: 155).

Основным занятием печенегов являлось полукочевое скотоводство. О религиозных воззрениях печенегов известно мало, но, скорее всего, они были язычниками и шаманистами, имея пантеон близкий тюркскому. Погребальный обряд их, как показывают археологические материалы, включал подкурганное захоронение, с западной ориентировкой умершего, в могилу которого укладывали также шкуру коня (с головой и ногами), а также определенный набор вещей: оружие, украшения, конское снаряжение, предметы быта и т.д. Основная масса связываемых с печенегами археологических памятников IX-X вв. обнаружена в бассейне Дона (*Плетнева* 1958: 153-154; *Федоров-Давыдов* 1966: 134-142; *Плетнева* 1990: 9-22).

Печенеги всегда находились в тесном взаимодействии с волжскими булгарами. Кроме отмеченных в письменных источниках политических (Алмыш был женат на сестре или дочери огузского вождя Этрека) и военных (набеги на Булгар, поход торков в союзе с Русью на булгар в 985 г.) контактов (*Агаджанов* 1969: 79-84), есть археологические данные об инфильтрации в среду булгар печенегов, о чем могут свидетельствовать элементы южной культуры на булгарских памятниках (*Казаков* 1991: 167-176; 1999: 70-71).

В период наивысшего могущества, печенеги играли значительную роль в политике Восточной Европы и Западного Причерноморья. Печенеги неоднократно воевали с Русью (915, 944 и 968 гг.), в союзе с русскими князьями воевали с Византией (943-944 гг.) и Хазарией (965 г.). Но чаще они находились в союзе с Византией и нападали на ее врагов (в разные годы — Болгария, Русь), так печенеги в 971 г. напали на Святослава с частью дружины и уничтожили ее, убив князя. Опасность набегов печенегов на Русь (993, 996 гг.) была так велика, что князь Владимир создал даже целую систему обороны на южных границах Руси. В 1015-1019 гг. печенеги участвовали в междоусобной войне на Руси на стороне князя Святополка, но потерпели поражение. В 1036 г. киевский князь Ярослав Мудрый нанес им крупное поражение в битве под Киевом (*Расовский* 1933: 1-66; *Плетнева* 1990: 15-22; *Толочко* 1999: 53-79).

В 1040-е гг. в степи Подонья и Северного Причерноморья вторглись *тюрки-огузы* («торки» русских летописей) — тюркское племя, жившее в Приаралье, где создало государство, а также оседлые поселения и города. В XI в. они начали движение на запад в двух направлениях: сельджуки в Среднюю Азию, Иран и Малую Азию, а огузы (торки) — в Восточную Европу (*Агаджанов* 1991: 19-26). В 50-х гг. XI в. торки практически завоевали степи Северного Причерно-

морья и начали набеги на Русь, но в 1055 г. были побеждены русскими князьями и отошли в степи (*Плетнева* 1990: 22-25).

В конце XI в. огузы были разбиты двигавшимися вслед за ними *кыпчаками*, которые частично завоевали, частично изгнали прежнее население степей. Печенег, отброшенные тюрками-огузами в Нижнее Подунавье и гонимые кыпчаками, вторглись на Балканы (1048 г.), где вступили в непрерывные войны с Византией (1040-1090 гг.), которая смогла разгромить их, только заключив союз с кыпчаками. Вожди днепровского объединения кыпчаков ханы Боняк и Тугоркан разбили и уничтожили основные силы печенегов под Константинополем (1091 г.). После такого разгрома печенег перестали играть самостоятельную роль в истории Восточной Европы, растворившись в среде кыпчаков. Часть же кланов печенегов отступила к границам оседлых стран, став пограничным населением-войском в Болгарии, Венгрии и на Руси (черные клобуки, в составе которых они последний раз упомянуты в русской летописи под 1169 г.)

Волжская Булгария. Болгарские (булгарские) племена, возможно, возглавлявшиеся *котрагами*, обитавшими по правобережью Среднего Дона, переселившись в Поволжье в конце VII в., оказались в окружении этнически близкого тюркского населения, которое пришло сюда несколько ранее (*Генинг* 1989: 13; *Казаков* 1999). Есть основания полагать, что территория Среднего Поволжья была освоена огузскими племенами еще ранее. По данным арабских авторов, кроме болгар среди них отмечаются группы *берсула* (*барсил*), *эсегел*, *сувар* (*савир*), *баранджар*, т.е. население Волжской Булгарии кроме болгар включало алано-хазарский (баранджары), тюрко-огузский (савиры/сувары), центральноазиатский (эсегели/чигили) компоненты (*Golden* 1980: 86-89). Археологическими свидетельствами переселения болгар в Волго-Камье являются Бураковское погребение, погребения Шиловского, Брюсянского и Новинковского могильников, имеющих аналогии в памятниках Северного Причерноморья (Малая Перещепина) и Болгарии (Мадара) (*Багаутдинов и др.* 1998: 150-164). Первоначально болгары заняли территорию вдоль Волги от Самарской Луки до устья Камы, вытеснив балто-славянские племена (именьковская культура). Несколько восточнее в Восточном Закамье и Западном Приуралье распространяются угорские племена (носители кушнаренковско-караякуповской культуры) (*Генинг, Халиков* 1964: 129 и сл.; *Халиков* 1989: 71-87). В степном Заволжье и Южном Урале исследователи локализуют легендарную прародину венгров — «Магна Хунгария» (*Халикова* 1975; 1976; *Седов* 1987; *Kristo.* 1996: 31-

41, 85-95). Постепенно все эти племена начинают консолидироваться вокруг болгар (*Казаков* 1992: 255-272, 298-330).

В процессе складывания государства наиболее сильной оказалось этнополитическая общность (союз племен) болгар (возможно, «серебряные болгары» русских источников) во главе с Алмышем (Алмушем) (*Ибн-Фадлан*: 131-139), создавших в 910-70-е гг. два владения (эмирата) — Болгарский и Суварский (видимо, во главе с племенем сувар). Разгром Хазарского каганата привел к усилению болгар, около 980 г. объединившихся в единое Булгарское государство. С X в. в состав населения Булгарии постоянно включались отдельные группы огузо-печенежских и кыпчакских племен, а также соседних народов (буртасы, маджары/мадьары), которые активно ассимилировались булгарами. О достаточно тесных контактах болгар с огузами свидетельствуют и родственные связи между главным военачальником огузов Этреком и правителем болгар Алмышем (последний был зятем Этрека). Обращают на себя внимание и такие названия городов государства, как Торцк («Торцкий городок» русских летописей), явно имеющий отношение к *торкам* (т.е. *огузам*) и Тухчин, который, возможно, происходит или от этнонима «тухчи», или, что более вероятно, от кыпчакского этнонима токсоба (токс/тукз+оба).

Русские летописи фиксируют ряд названий болгар. В описании похода 1183 г. в Ипатьевской летописи читается, что русские войска «пойдоша на конех в землю Болгарьску к Великому городу серебряных болгар» (ПСРЛ II: 625). Еще ранее «сребреня Болгары» упомянуты в «Памяти и похвале князю русскому Владимиру» Иакова мниха среди народов с которыми воевал Владимир Святославич (*Память и похвала...: 290; Богуславский* 1925: 141-153). Вопрос о том, что из себя представляло объединение серебряных болгар достаточно сложен. Возможно, это было ядром формировавшегося в X в. Булгарского государства с центром в городе Биляр (*Халиков* 1989: 78, 79). Однако, для XII в. говорить о племенном делении болгар, вряд ли возможно, учитывая уровень их социального развития. Вполне вероятно, что в данном случае под Серебряной Булгарией надо понимать какую-то центральную историческую область или даже эмират в составе Булгарии.

Под этим же годом в ряде летописей фиксируется сообщение, несомненно, восходящее к Владимирскому своду 1189 г. (*Лимонов Ю.А.* 1967: 91), но наиболее полно сохранившееся в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях. По этим сведениям болгарское войско, собранное из разных областей страны для отпора русскому вторжению

состояло из ополчения «из города Собекуля и из Челмата» (ПСРЛ I: 390), которое «совокупишася со иными Болгары зовемими Темтюзи» (ПСРЛ II: 625, 626), а также пришедшей им на помощь коннице из «Торцьского города (ПСРЛ I: 390). Некоторые историки склонны видеть в них локальные племена болгар (*Фахрутдинов* 1984: 18; *Алишев* 1985: 110). Как бы то ни было, следует особо отметить, что летописец в рассказе об этом событии везде четко акцентирует внимание на то, что все эти названия относятся именно к городам («окольные же городе Болгарьским», «болгаре же из города...» (ПСРЛ I: 390; II: 625, 626). Скорее всего, здесь речь идет о городских или территориальных феодальных ополчениях, выступивших на помощь своему суверену. Недаром летописец подчеркивает, что все они «болгаре», только из разных областей или княжений (эмиратов), хотя при этом нельзя исключать, что названия эти восходят еще к родоплеменным этнонимам (*Халиков, Хакимзянов* 1997). В целом же все эти сообщения только подтверждают мысль, что для русских все население Булгарии было единым этнополитическим организмом, что особенно четко фиксируется для конца XII — начала XIII вв. (*Измайлов* 1999).

Кроме этих этнонимов некоторые историки пытаются сконструировать некую общность под названием «нукратских» болгар, якобы восходящего к этнониму «берсула» и являющегося переводом «серебряных» болгар («нокра» по-персидски «серебро»). Данная гипотеза, возникшая под воздействием «яфетической» теории Н.Я. Марра («бер»= берсула, «сер»=«серебро») (*Греков, Калинин* 1948: 107), уязвима для критики и с точки зрения филологии (происхождение татарского названия гидронима Вятка (*Нукрат суы*) никак не связано ни с серебром, ни с булгарами и восходит к названию Новгорода (*Нукрат*), которому принадлежали Вятские земли (*Добродомов* 1995: 149-154), и с точки зрения истории, поскольку ни в одном средневековом источнике не фиксируется. Попытки же конструкции неких «нукратских/серебряных болгар» (*Фахрутдинов* 1984: 15) и тем более видеть в них славяно-русское население, якобы жившее в Булгарии по Вятке и Каме (*Макаров* 1997: 298), несостоятельны и ненаучны, поскольку в русских источниках «серебряные болгары» отмечаются только под этим названием и в районе Биляра («Великого города русских летописей»).

Волжская Булгария занимала территорию от Окско-Свияжского междуречья на западе до Южного Урала на востоке, от Посурья и Самарской Луки на юге до Предкамья на севере. Здесь археологически известны городища (около 200), среди которых, судя по данным письменных источников, выделяются остатки крупных городов (Болгарское,

Биллярское, Суварское, Богдашкинское, Алексеевское, Валынское («Муромский городок»), Юловское и др.) и небольшие городища (замки), а также селища (более 800). Столицей государства в описываемое время был город Билляр («Великий город» русских летописей). Он и вправду был велик и своими размерами и численностью населения.

Открыты могильники (Новинковский, Большетарханский, Танкеевский, Большетиганский и др.) — конец VII — вторая половина X в. с языческим погребальным культом (погребения с вещами, культ коня, курганные захоронения и т.д.), а с первой половины X в. с мусульманской обрядностью (обычно захоронение в гробах; ориентация покойного по кыбле: головой на запад, тело чуть повернуто на правый бок, лицо обращено в сторону Мекки; как правило, отсутствие вещей и т.д.). На поселениях изучены наземные жилища, полуземлянки и землянки, кирпичные и белокаменные общественные здания (мечети, бани и др.) и мавзолеи, хозяйственные постройки (гончарные и металлургические горны, производств. помещения и т.д.), на городищах открыты остатки укреплений в виде валов со следами деревянных стен различной конструкции. Основу хозяйства болгар составляли земледелие в форме степного перелога, полуседлое и стойловое скотоводство, рыболовство, промыслы (охота на пушного зверя, бортничество и пр.), разнообразные ремесла (металлургия железа и бронзы, гончарство, стеклоделие, деревообработка, косторезное, ювелирное, оружейное дело и т.д.) и участие в региональной и мировой торговле (волго-балтийский и поволжско-среднеазиатский пути) (*Фахрутдинов* 1984; *Халиков* 1989; *Zimonji* 1990; *Хузин* 1997).

Булгарское государство имело развитую социальную структуру. Источники (в том числе и нумизматические) сообщают о существовании династии булгарских правителей, которые в начале X в. носили титул «эльтебер», а с конца X в. — эмир (*Фахрутдинов* 1984: 20-25). Иерархия социальных верхов общества реконструируется по письменным источникам недостаточно четко, но явно выделяются беки («князья») — правители отдельных земель и городов, военно-служилая знать («йори/чури») (*Измайлов* 1997: 144-147) и представители духовенства.

Огромное значение в консолидации булгарского этноса сыграло официальное, на государственном уровне принятие ислама (900-920-е гг.), становление своего историописания, а также расширение политических, экономических и культурных связей с внешним миром (исламские страны Востока, Хазария, Русь). Судя по историческим и археологическим данным, уже с конца X в. Булгария стала страной «классического ислама», где жили и творили многие крупные ученые

и богословы. Внутри страны во всех крупных общинах были школы и медресе, о чем с удивлением сообщали восточные авторы (*Давлетшин* 1990). Ислам давно, уже с конца IX в. проникал в духовную культуру общества, изменив ее тюркские традиции и оттеснив языческие культы в область суеверий. Утверждение на всей территории страны унифицированной культуры мусульманского типа способствовало формированию основных черт этнополитической болгарской общности (*Халикова* 1986: 43-106; *Халиков* 1989: 103-117; *Zimonyi* 1990; *Хузин* 1997: 39-47).

В антропологическом отношении все население Волжской Булгарии было довольно однородным и характеризуется сублапоноидным (субуральским) типом (т.е. смешанным европеоидным и монголоидным населением), происхождение которого разные исследователи видят в местном восточнофинском населении или прикамском населении (т.е. тоже в довольно метисированном европеоидно-монголоидных группах), что позволило сделать вывод о сложности формирования антропологического типа средневековых болгар, испытавшего процессы смешения и консолидации в X-XIII вв. (*Герасимова и др.* 1987: 84-141; *Ефимова С.Г.* 1991). Одновременно в Булгарии в антропологическом плане выделены группы городского мусульманского населения (*Халикова Е.А.* 1975; *Шарифуллин Р.Ф.* 1984), отличающегося повышенной монголоидностью (*Фаттахов* 1979). Учитывая центральное положение могильника в центре столичного города Биляра («Великого города» русских летописей) близ мечети и наличие на нем единственных зафиксированных в домонгольской Булгарии мавзолеев, его можно трактовать как погребение собственно болгарской знати — клана аристократов, сохранявших некоторую эндогамность. Возможно, именно эта дисперсная группа болгарской знати была носителем «болгарского» языка.

В условиях развитого средневекового государства шло становление и развитие городов, формировалась культура городского типа, вырабатывалось наддиалектное городское койне (скорее всего, на основе тюркского языка кыпчакско-огузского типа) и нормативный литературный язык. Проблема языка волжских болгар до сих пор остается дискуссионной. Наиболее аргументировано мнение о том, что в этот период на территории Булгарии функционировало два языка. Один — собственно «болгарский» — был огузского типа (тюркский язык с ротацизмом, ламбдаизмом и др. архаичными чертами (*Golden* 1980: 47-48), который использовался какой-то частью болгарской аристократии, возможно, в ритуальных (сакральных) целях (о чем свидетельствуют надгробные эпитафии (XIII-XIV вв.) с территории Булгарии с

текстами, написанными на этом языке арабской графикой (*Хакимзянов* 1978; *Зарубежная тюркология*: 18-23). Окончательное исчезновение этого языка произошло лишь в период Золотой Орды (вторая половина XIV в.), причем под воздействием как этнических процессов, так и экстралингвистических факторов — эпидемия чумы (*Schamiloglu* 1991: 157-163). Другой — болгаро-кыпчакский (огузо-кыпчакского типа) был наиболее распространен среди населения страны (о различных диалектах в среде болгарских племен см. сведения Ибн-Фадлана) и стал основой общегородского наддиалектного койне (об этом, в частности свидетельствуют надписи на бытовых предметах (*Халиков* 1988), на базе которого под влиянием среднеазиатских (караханидских) традиций сформировался болгарский литературного язык (*Хакимзянов* 1987: 5-12). Самый ранний из сохранившихся литературных памятников старотатарской (болгарской) литературы — поэма Кул Гали «Кысса-и Йусуф» («Сказание о Йусуфе», 1233).

Все это способствовало становлению этнополитического самосознания болгар, характерными элементами которого были мусульманское сознание, подданство правителям Булгарии, историческая традиция и т.д. (традиция Йакуба ибн Нугмана «Таварих-и Булгар» («История Булгарии») (*Измайлов* 1996: 97-113). В силу ряда обстоятельств цельные исторические хроники болгар до нас не дошли. Однако некоторые фрагменты именно об этом эпизоде «начала истории» сохранились в болгарской исторической традиции и в поздних устных и письменных исторических преданиях татар, что позволяет в определенной мере реконструировать представления самих болгар о происхождении своего государства, народа и правящей династии и своей исторической миссии.

Начало своей истории болгары, определенно, связывали с деяниями Александра Македонского (Искандер Зу-л-Карнайн). Об этом свидетельствует в своих записках Абу Хамид ал-Гарнати, который, рассказывая о посещении им Булгарии, отметил: «Как говорят, через Булгар шел Зу-л-Карнайн на Йаджудж и Маджудж» (*ал-Гарнати*: 59). Более развернутое повествование об этом содержится в сочинении ал-Омари (XIV в.), который ссылаясь на рассказ шейха ибн ан-Номана ал-Хорезми, пишет, «что Искандер, проходя мимо крайних ближайших к населенным местам, предгорий «Мраков», увидел там людей Тюркского племени, весьма похожих на зверей; никто не понимает языка их. ... Он (Искандер — Д.И., И.И.) прошел мимо их и не тронул их» (*Тизенгаузен* 1884: 241). Он же писал и о существующей якобы на краю обитаемого мира, близ границ Булгарии, «большой башне, построенной на образец (т.е. по типу — И.И.) высокого

маяка» (*Тизенгаузен* 1884: 240). В этом сюжете о башне, что в средневековом сознании соответствует понятию «укрепления», следует, видимо, усматривать отголосок представлений о знаменитой «стене Искандера», которая должна была защищать обитаемый мир от нашествия варваров-язычников (Йаджудж и Маджудж). В русле этих мотивов лежит и упоминание в русской летописи, что город Ошель построен еще Александром Македонским (ПСРЛ XV: 331), видимо, отражающее проникновение на страницы летописи болгарских преданий. В татарском фольклоре сохранились также предания об основании им городов Болгар и Биляр (*Давлетшин* 1991: 63).

Широко, видимо, бытовал среди болгар также сюжет о происхождении их народа и правящей династии от Искандера Зу-л-Карнайна, отголоски которого нашли отражение в произведениях восточных авторов XII в. Наджипа ал-Хамадани и Низами Гянджеви и сохранились в татарском фольклоре (*Предания*: 164). Иными словами, образ Зу-л-Карнайна в болгарской интерпретации носит, несомненно, мифологический характер, причем имеющий лишь формальное отношение к эллинистическому периоду. Это переосмысление именно коранического сюжета о направляемом Аллахом Зу-л-Карнайне, который карал неверных и облагодетельствовал праведников, а также построил стену, защитив мир от враждебных людям народов Йаджудж и Маджудж. В болгарском сюжете он также приобрел черты, не только строителя городов, но и основателя династии, которая таким образом получала легитимность от одного из героев ислама, воителя против «неверных». «Приближение» болгарских правителей к пантеону Корана и получение ими от него страны и городов в наследство, как бы уже в «облагороженном», обустроенном виде, делало правящую династию и соответственно весь народ в его собственных глазах не просто равным самым древним «царственным» народам, но и в значительной мере наследниками его славы и обширной империи. Особенно это, видимо, касалось той части его мифологических деяний, как борьба с язычниками, расширение границ «праведного мира» и его обустройства.

Одновременно с этими представлениями в исторической традиции болгар развивается сюжет о древней связи болгарской правящей династии с мусульманскими праведниками – святыми или первыми последователями Пророка Мухаммада. Ал-Гарнати приводит в одном из своих сочинений рассказ о начале Булгарского государства и первых его правителей. При этом он передает не просто услышанную им легенду, а пересказывает отрывок из прочитанной им в книге «История Булгарии», написанной болгарским столичным кади Йагкубом

ибн Нугманом (*ал-Гарнати*: 31), т. е., видимо, официальную историографическую традицию. «... А смысл слова булгар, — пишет андалусский путешественник, — «ученый человек». Дело в том, что один человек из мусульманских купцов приехал к нам из Бухары, а был он факихом, хорошо знавшим медицину. и заболела жена царя, и заболел царь тяжелой болезнью. И лечили их лекарствами, которые у них приняты. И усилился их недуг, так что стали они оба опасаться смерти. И сказал им этот мусульманин: «Если я стану лечить вас и вы поправитесь, то примете мою веру?» Оба они сказали: «Да!» Он их лечил, и они поправились и приняли ислам, и принял ислам народ их страны. И пришел к ним царь хазар во главе большого войска, и сражался с ними, и сказал им: «Зачем принял эту веру без моего приказа?» И сказал им мусульманин: «Не бойтесь, кричите: «Аллах велик!» И они стали кричать: «Аллах велик!». ... и сразились с этим царем, и обратили его войско в бегство, так что этот царь заключил с ними мир и принял их веру, и сказал: «Я видел больших мужей на серых конях, которые убивали моих воинов и обратили меня в бегство». И сказал им этот богослов: «Эти мужи — войско Аллаха, великого и славного» (*ал-Гарнати*: 31).

Таким образом, основная канва этого своеобразного «введения» в болгарскую историю, состоит из ряда элементов: мусульманский праведник приезжает в Булгарию из Бухары (здесь следует под черкнуть именно среднеазиатские истоки болгарского ислама, что, видимо, в глазах самих булгар в XII в. играло важную роль) — болезнь царя — чудесное выздоровление — принятие ислама — нападение хазар (в прошлом, для XII в. великого, «царственного» народа) — победа и торжество ислама. Это, скорее всего, не первая версия этого сюжета, но единственная аутентичная, сохранившаяся в письменных источниках.

Другие известны лишь в легендах и, опирающихся на них, поздних татарских исторических произведениях. Они довольно разнообразны, но в целом похожи на версию, изложенную ал-Гарнати: приход в Булгарию к хану Айдару трех святых сподвижников (асхабов) Пророка Мухаммада, один из которых (Абдуррахман ибн Зубер) вылечивает дочь хана Туй-бике, женится на ней и основывает болгарскую мусульманскую династию. Считается, что могилы этих святых сохранялись вплоть до XVIII в. (*Галяутдинов* 1990). Наличие полноценной исторической информации в этих легендах было поставлено под сомнение (*Марджани* 1884: 113-116). Между тем, полностью отрицать в них присутствие определенных реминисценций, связанных своим происхождением с утерянной болгарской историографией, так

категорично нельзя, поскольку эти представления народа (скорее всего, они испытали определяющее влияние концепций официального историописания), отражают некие события — пусть даже и мнимые, воображаемые.

Сравнивая версии этого текста (как аутентично средневекового, так и фольклорного), нельзя не отметить их несомненное единообразие, соответствие единой схеме: приход мусульманского святого (или нескольких) — болезнь правителя или членов его семьи (видимо, расценивавшаяся современниками как своего рода божественное наказание) — чудесное (при помощи божественной силы) исцеление — принятие ислама правителем — широкое распространение его по всей стране. В фольклорной традиции отсутствует только последняя деталь этой схемы: нет борьбы с врагами-иноверцами (хазарами) и победы с помощью вмешательства божественной силы. Объясняется исчезновение этого эпизода в фольклоре, очевидной и неприемлемой для текстов устного народного творчества, детализации, с одной стороны, и самой потерей данным сюжетом политической актуальности в XVII-XVIII вв., когда исчезла даже сама память о могуществе хазар и на первый план вышли другие стереотипы (см.: *Frank 1998*).

Таким образом, в плане понимания «начала истории» булгарами, можно выделить мотив, который связывает происхождение болгарской правящей династии прямо с мусульманскими святыми и даже сподвижниками пророка Мухаммада (в какой-то степени соприкасаясь здесь с версией о происхождении ее от Искандера Зу-л-Карнайна) и опосредованно (в данном случае бывшее подчинение либо зависимость) с Хазарией и ее династией. Определенно можно сказать, что данное представление означало желание болгар интегрироваться в круг мусульманских стран, одновременно сохраняя связи с великими тюркскими державами, приобретая, таким образом, легитимацию от двух «царственных» народов — арабов и хазар.

Выделяется представление, проецируемое на прошлое о том, что только после окончательного принятия ислама болгары состоялись как настоящий народ. Подчеркивается это не отсутствием живой и актуальной политической памяти о многокомпонентности народа, но и подчеркнутым единством предков (Адам, Зу-л-Карнайн, «факих из Бухары» и т.д.), а также общностью исторических судеб народа.

Предания показывают, что наиболее важные их этапы связаны с исламом и верностью его предписаниям. В ряде генеалогических легенд подчеркивалось, что предки болгар несколько раз принимали «истинную веру» — ислам, но быстро оставляли ее, что вело к гибели их стран и их завоеванию. Эти генеалогии, весьма сходные по сюжету

с историей человечества, изложенной в Коране, призваны отчетливее высветить тот факт, что подлинная история Булгарского государства и его династии, как политической общности, начинается лишь после принятия ислама из рук посланцев Пророка. Отсюда следует, что пока болгары сохраняют крепость веры — они будут непобедимы. Поэтому логично, что мотив начала истории вплетается в наиболее выделяемые этнополитические автостереотипы болгар; это были верность исламу, способность ради веры идти на войну с могущественным врагом, свободолюбие и желание независимости, а также непобедимость в войнах, освященных исламом. В данном стереотипе можно выделить и другой мотив — единство народа, проецируемое на прошлое; лучше всего оно проявляется не сколько в генетическом, столько в духовном единстве. Иными словами, только после окончательного утверждения ислама болгары состоялись как настоящий народ, став «новым» — мусульманским и, следовательно, цивилизованным, народом.

В памяти народа, однако, сознание равенства и связи с великим народом прошлого уживалось с подчеркнутым желанием утвердить свое превосходство над ним. Особенно рельефно он проявляется в мифологической версии победы над хазарами. Понятно также желание болгар внедрить в историческое сознание представление о принятии ислама не от анонимного факиха из Бухары, а прямо от последователей Мухаммада.

Следует обратить внимание, что в историко-географической традиции «стена Искандера» для «очевидцев» XII-XIV вв. предстает разрушенной или в виде отдельной башни. Не кроется ли в этом представлении болгарская традиция, стремящаяся доказать, что, несмотря на величие деяний Искандера, они ныне приходят в упадок и лишь усилия болгар не дают варварам прорваться в пределы обитаемого мира? В этом можно видеть и стремление болгарской традиции уравнивать себя с великими империями прошлого, сохранением и преумножением их усилий, чтобы те не пришли в окончательный упадок. Целый ряд преданий, сохранившихся и в устной и письменной традиции (вплоть до русских источников XVI в., например, «Казанской истории»), описывает приход болгар в различные районы Предкамья и Предволжья, в дикую варварскую страну и «окультуривание» ее, строительство городов и селений, изгнание змей и т.д., что становится начальным этапом истории для этих мест. Тем самым «исторические права» болгар на свою родину обосновываются не столько по праву первозаселения (в ряде преданий глухо упомянуты некие «огнепоклонники»), а по праву первовведения этого края в цивилизованную исламскую ойкумену.

Своеобразным было осознание булгарами своего предназначения в истории (мотив «бремени истории»). Этот мотив подчеркивался в историческом предании уже начальным ее пунктом: принятием ислама и борьбой с неверными, что отметил особо и ал-Гарнати, поскольку этот эпизод ярче других демонстрирует, на что в своей истории сами булгары делали основной акцент. В цитированном выше введении к «Истории Булгарии» (*ал-Гарнати*: 31) в концептуальной форме изложена программа болгарского мессианизма: осознание пограничности своего положения в исламском мире и стремление расширить его границы. Заметно это и в сохранившихся элементах исторической традиции об Искандере: булгары считали себя не просто его потомками, но и продолжателями его деяний, защитниками, охранявшими, очерченные им «стенами» от нашествия, продолжателями его деяний, как бы сохраняя очерченные им границы цивилизованной ойкумены от варваров. Судя по всему, этот аспект идеологии был довольно широко распространен в среде болгар. Так, уже Ибн-Фадлан отмечает, что правитель болгар Алмыш, собираясь на войну против непокорных племен, апеллировал к имени Аллаха («Воистину, Аллах могучий и великий даровал мне ислам и верховную власть правителя правоверных, и я раб его (Аллаха) и это — дело. Которое он возложил на меня, и кто будет мне противиться, того я поражу мечом» (*Ибн-Фадлан*: 139), а различные арабо-персидские источники, говорят о походах болгар на соседей как о «священной войне».

Западноевропейские источники сообщают об этом же (Юлиан, Плано Карпини, Гильом де Рубрук и др.). Так например, Рубрук подчеркнул: «Эти булгары — самые злейшие сарацины, крепче держащиеся закона Магометова, чем, кто-нибудь другой» (*Путешествия*: 119). В 60 гг. XIII в. она вошла в знаменитый историко-географический трактат Роджера Бэкона и стала важным элементом формирующихся представлений европейцев о странах и народах Восточной Европы.

Идеи мессианства и «священной войны» были, очевидно, широко распространены в среде военной болгарской знати, где был популярен культ святого рыцаря Али и в мусульманском духе был переработан тюркский героический эпос. Результатом такой переработки стало появление средневековой поэмы «Кисекбаш китабы», где в духе раннего ислама утверждается дух не духовной борьбы за веру, а прямой вооруженной битвы с дэвом, символизирующим мир иблиса (дьявола) — мир, где необходимо и должно вести вооруженную борьбу (дар ал-харб).

Мотив «бремени истории», тяготеющий над их народом, был не только важной политической доктриной болгарской политической идеологии, но и заметно влиял на массовое сознание. Он формировал мнение болгар о себе, как об общности, связанной не просто общей судьбой, но борьбой предков за идеалы ислама. Подчеркнутый антагонизм по отношению к соседям, отмеченный восточными авторами, служивший, видимо, скорее политической амбицией, в народном сознании акцентировался как единство мусульман перед лицом угрозы нашествия язычников, реальность которой была сначала воображаемой, а с XIII в. и тем более в XV-XVI вв. — актуальной реальностью. Можно сказать, что данное представление, «опрокинутое» в историю, означало, что сам исходный пункт истории Булгарии в глазах ее населения предопределил ее ход. Следовательно, победа над Хазарией (в поздних преданиях сменившаяся абстрактными врагами) осознавалась как общая победа болгар-мусульман над неверными и обещание непобедимости их в будущем при условии сохранения верности исламу.

Таким образом, представления о принятии ислама и создания мусульманского государства являлись базовыми, основополагающими в системе болгарской исторической традиции. Войдя в исламскую ойкумену, болгары приняли ее богатый художественный язык, символические образы, но при этом в качестве важнейших артикулирующих приняли мифологемы «начала истории государства» и «бремени истории», трактуемых не только в прозелитическом, но и в мессианском духе, что нашло отражение и в фольклоре, и в исторической традиции. При этом следует отметить, что сам механизм возникновения и развития болгарского государства, как он вырисовывается из анализа всего комплекса источников, дает совершенно другую картину, нежели та, что сохранили болгарская историческая традиция и предания. Идеальное представление о начале своей истории как бы заслонило и в народной памяти, и в историографии реальные обстоятельства событий.

Время возникновения легенд о принятии ислама болгарями и закрепление их в историографической традиции определить трудно. Однако можно наметить время, когда этот процесс, видимо, активно протекал. В конце X в. на всей территории Булгарии исчезают языческие могильники, т.е. сложилась единая этнополитическая и этноконфессиональная общность, а в середине XII в. мы знаем о существовании «Истории Булгарии» — наиболее последовательного воплощения самосознания болгарского этноса. И само это сознание не было выражением отстраненного от народа книжника, а результатом внутренних механизмов развития народа, в числе которых

принятие ислама и осмысление этого факта в устном предании и письменной традиции сыграло ключевую роль.

Таким образом, можно сделать вывод, что рассмотренные выше аспекты сознания, несомненно, достаточно точно характеризуют данную общность через призму ее собственных взглядов и позволяют считать, что часть населения Среднего Поволжья X-XIII вв., осознавая себя связанной определенными обязательствами с правящей династией и подвластная ей, исповедующая ислам и следующая своей особой миссией в мусульманском мире, жившее в пределах одного государства и считавшее его землей для себя отчизной, — это население, определенно, называло себя «булгарами». Эти черты, характеризующие общеповолжское сознание, и были зафиксированы в официальной историографической традиции. Особо следует подчеркнуть, что и другие объективные элементы общности, выявленные археологически и исторически, такие как общность языка, бытовой культуры, погребальной обрядности, хозяйственной деятельности (разумеется, при определенном местном культурном и этническом разнообразии, которое в частности отмечено на материалах бытовой лепной посуды и женских украшений), скорее всего не осознавались или же не считались дифференцирующими. По имеющимся данным, ведущим в этом вопросе само население Булгарии в домонгольский период считало единство династии, территории, религии и, рассматриваемого через ее призму, прошлого.

Не вполне ясными остаются результаты взаимодействия болгар с буртасами и башкирами (маджарами), включенными в рамки Волжской Булгарии достаточно рано. Сохранившиеся предания о родстве болгар и буртасов позволяют видеть в последних тюрко-угорскую группу, испытавшую заметное влияние болгарского этноса и культуры. Кочевые племена Приуралья (башгарды/маджары арабских источников) были также близки болгарам по этническим компонентам (маджаро-угорские группы). О связях болгар с венграми могут свидетельствовать, в частности как постоянные контакты с уграми в Волго-Уральском регионе (*Казаков 1997*), так и легендарный факт переселения в 950-970-х гг. в Венгрию группы болгар под руководством Билла, Бокша и Хетени (*Эрдели 1986: 343; Халиков 1989: 98*).

Кыпчаки и Кимакский каганат. Йемеки. В начале XI в. на границах Волжской Булгарии усиливается значение *кыпчаков* (*куманов*). Наиболее раннее упоминание кыпчаков сохранилось в надписи на Селенгинском камне, посвященном Эл-этмиш Билге кагану (747-759 гг.) — правителю Уйгурского каганата. До этого времени они, как считают исследователи, были известны под другим этнонимом и

были частью племенной структуры Тюркского каганата (*Кляшторный, Савинов 1994: 41-51*).

Кыпчаки в VI — начале VIII вв. входили в состав этнополитического объединения кимаков, подчинявшихся Западнотюркскому, а позднее — Уйгурскому каганату. После его падения (840 г.) кимаки, в составе которых отмечались такие племена, как *йемек, емур, татар, байандир, кыпчак, ажляд, ланиказ*, двинулись на Запад и около 850 г. начали доминировать в степях Южной Сибири. По данным Гардизи, правящий дом у кимаков был татарского происхождения. В середине IX в. кимаки занимали уже территорию Южного Урала, Прииртышья и Северного Приаралья, где в начале X в. они создали Кимакский каганат. Основным занятием населения было полукочевое скотоводство, земледелие в речных долинах, а в городах — различные ремесла. По данным археологии, погребальный обряд их включал захоронение под курганом с обкладкой из камней, погребение рядом с умершим коня и набора вещей (оружие, конское снаряжение, украшения, посуда и т.д.) (*Кумеков 1972; Савинов 1983: 103-118; Кляшторный, Савинов 1994: 133-148*).

Высказывались достаточно обоснованные заключения о том, что кыпчаки и йемеки в китайских источниках были известны под именем *сеяньто* и в VI в. кочевали в Восточном Туркестане и юго-восточном Алтае. Группу *сеяньто* возводят обычно к этнополитической общности теле, берущей начало, в свою очередь, от гуннского объединения. По-видимому, более раннее собственно тюркское название (эндоэтноним) этого объединения было *сыры/шары* (*Добродомов 1978: 102-129; Кляшторный, Савинов 1994: 42-45*). В VI-VII вв. сыры входили в состав Тюркского каганата, но уже в 619 г. восстали и создали в Северной Монголии Сирский каганат во главе с династией Ильтэр; в 646 г. уйгуры нанесли им тяжелое поражение и уничтожили их государство. Позднее сыры поддержали восстание тюрков и влились в состав Второго Тюркского каганата, после гибели которого вынуждены были отступить в Прииртышье и Северный Алтай. При этом, видимо, оставшиеся племенные группы сменили этноним. После 735 г. термин сыры больше не упоминается, зато во второй половине VIII в. в ряде источников зафиксировано появление объединения племени *кыбчак-хыфчак* (*Ахинжанов 1989; Кляшторный, Савинов 1994: 41-49*).

Другое наименование кыпчаков — куманы/команы, ставшее традиционным для византийской и западноевропейской историографии, восходит к обозначению объединения печенегов и огузов, среди которых в Приаралье и бассейне Сырдарьи проживали *канглы*,

которые, очевидно, влились в состав кыпчаков (по М. Кашгари «Канглы» — это знатное лицо у кыпчаков). Видимо, к нему восходит другой этноним кыпчаков — *кун* (скорее всего, он лежит в основе их европейского наименования — «*куман*»). Связь этих двух этнонимов отчетливо прослеживается по разным источникам. Так, в грузинской летописи XII в. упоминается «страна Куманов, которые являются кыпчаками». Г. Рубрук (XIII в.) сообщает о «Команах», которые называются «*sarchat*» (т.е. кыпчак). Возможно, среди куманов (кунов) присутствовали и монголоязычные группы. Кроме того, соседями восточных кыпчаков являлись басмылы или так называемые «сары-уйгуры», что отражено в источниках — иногда кыпчаков именовали и как «*сары*» («*шары*»). В целом, кыпчакское объединение состояло из групп, ранее входивших в Кимакский союз, но доминирующей силой в новом объединении стали кимаки и кыпчаки.

В конце X — начале XI вв. в результате завоеваний империи киданей Ляо и «священных войн», которые начали вести правители Караханидов против *басмылов* — *шаров* началось их движение на земли кыпчаков. Натиск, отступавших под этими ударами *шаров*, *кунов* и *каи* был так силен, что Кимакское государство распалось и кыпчаки двинулись на запад. Видимо, именно эту ситуацию отмечал автор труда «Худуд ал-Алам» (конец X в.), когда писал, что «южные границы кыпчаков соприкасаются с печенегами, а все остальные границы с северными землями, где никто не живет». Во всяком случае, в начале 1030-х гг. кыпчаки уже находились на границах государства хорезмшахов и М. Кашгари сообщает, что район Аральского моря — это «обиталище огузов и кыпчаков».

Легендарные сведения подтверждают указанное направление движения кыпчаков: согласно легенде о предке тюрок Огуз-кагане, последний послал кыпчаков, чтобы они поселились между «страной ит-бараков (предположительно — киргизов — Д.И, И.И.) и Яиком». В варианте этого предания, записанном среди башкир, речь идет о том, что «Огуз, дав Кыпчаку войско, послал в долину реки Итиль». Далее в легенде говорится, что Огуз-каган послал Кыпчака против взбунтовавшихся народов, таких как маджары (башкиры), хазары, русы и др. После их умирения Кыпчак «царствовал 300 лет» («со времен Огуз-кагана до времени Чингис-хана») (также см.: Кононов 1958 40-44).

В результате этого движения в степи Причерноморья выплеснулись племена кыпчаков, в составе которых находились и шары, и каи (Капичи), и куны (Добродомов 1978: 102-129). Сохранился и правящий тюркский род Ашина, ставший знатным кланом среди западных

кыпчаков в Подунавье, из среды которых вышли цари, возродившие Болгарское царство — Асени/Осени. В 1055 г. появляются первые сведения о кыпчаках (*половцах*) в русских летописях (ПСРЛ II: 150).

Началась история кыпчаков в Восточной Европе. После короткого периода «завоевания родины», обстановка в степях стабилизировалась и началась «вторичная» консолидация кыпчакских племен. Существует мнение о делении кыпчаков на две группы — на «диких», которые впервые упомянуты в русской летописи в 1146 г. (ПСРЛ II: 319) (по предположению некоторых историков самые западные кыпчаки состояли из племени *кунов/куманов* (Плетнева 1990: 40) и «не диких» (*Golden* 1979/1980: 297-298; *Голден* 1997: 14). Некоторые историки связывают эти обозначения с данными ал-Идриси о так называемых «Черной Кумании» и «Белой Кумании» (*Рыбаков* 1952: 42-44; *Golden* 1979/1980: 297-298; *Голден* 1997: 14; Плетнева 1990: 101). Следует однако подчеркнуть, что с терминами «Черная» и «Белая» Кумания не все ясно. На карте ал-Идриси, где они упомянуты, они являются обозначением каких-то городов в землях кыпчаков, а комплексное изучение всех сведений о кыпчаках у этого автора не оставляет сомнений в том, что он воспринимал «Куманию» как единое целое (*Коновалова* 1999: 180-181).

В середине XI — начале XII вв. среди племен Дашт-и Кыпчака формируется ряд племенных объединений: алтайско-сибирская, казахстанско-приуральская (йемекская), подонская (включая предкавказскую), днепровская (включая крымскую) и дунайская (включая болгаро-балканскую) (*Федоров-Давыдов* 1966: 142-150; *Плетнева* 1990: 95-110).

Около 30-х гг. XII в. восточные кыпчаки сами стали подразделяться на две части — на более восточную (алтае-сибирскую), локализованную в бывшей зоне проживания кимаков и, видимо, состоявшую из этих же племен. Летом кочевки этой группировки доходили до Иртыша, зимой они спускались до низовьев рек Сарысу, Чу, Таласа. Более западная (казахстанско-приуральская) имела летние кочевки — в Южном Приуралье, а зимовки — в низовьях Волги, Урала (Яика) и в Приаралье. Основным племенем этой группы являлись йемеки во главе с кланом *ильбари/ильбури*.

В степях Восточной Европы наиболее влиятельными объединениями были приднепровская и подонская. Летом они кочевали, поднимаясь к северу до границ Руси и лесов Верхнего Дон, а зимой уходили в предгорья Северного Кавказа, степи Крыма или Нижнее Приднепровье. В составе этих крупнейших объединений выделяются менее крупные: побужские, лукоморские, предкавказские и другие.

Основой хозяйства всех кыпчаков было скотоводство. О составе стада можно судить как по сведениям письменных источников, так и данным археологии. Судя по ним, наиболее распространены были коровы, овцы, кони и верблюды. Уже к середине XI в. вся степь была разделена между племенами и аилами. Тогда же появляются первые становища, полуседлые поселения, ставшие центрами ремесла и торговли. Свидетельством стабилизации обстановки в степи служит появление в этот период первых курганных захоронений.

Проблема изучения социального строя кыпчаков остается дискуссионной. Можно достаточно уверенно говорить, что основой общества были семьи (аилы), входившие в роды (курени), во главе которых стоял вождь. Курени не были равновеликими, а главы их заметно различались по статусу. Постепенно все эти кланы и курени группируются вокруг более мощных племен, образуя объединения во главе с ханами. Вместе с тем, прочных государственных объединений кыпчаки не создали (Федоров-Давыдов 1966: 218-227; Плетнева 1990: 110-145; Ахинжанов 1989: 236-284).

По данным археологии, характерными чертами культуры кыпчаков были погребения и каменные изваяния («каменные бабы»). Погребальный обряд кыпчаков характеризовался подкурганскими захоронениями, восточной ориентировкой умершего, который сопровождался захоронением целого коня, положенного в одной могиле с умершим или в отдельной яме, а также сопровождающим умершего погребальным инвентарем (оружие, конское снаряжение, бытовые вещи, украшения, сосуды и т.д.) (Федоров-Давыдов 1966: 142-150; Плетнева 1990: 110-145). Характерным элементом этнокультуры кыпчаков был обычай установки каменных изваяний. Судя по исследованиям археологов, их установка на курганах не была связана с погребениями (что отличает это обычай от тюркского), а рядом выявлены остатки жертвоприношений, — все это позволило сделать вывод, что изваяния кыпчаков — часть племенного культа великих вождей-предков (Федоров-Давыдов 1966: 166-193; Плетнева 1974: 72-76).

Известны следующие родо-племенные образования кыпчаков: *ай/кай-оба* (аепичи/каепичи русских летописей), *алп-ерли* (алберли, ильберли, ольберли (Отперлюевичи), *вададж*, *барат* (барат), *байаут*, *бурчоглы* (Бурчевичи), *бзанги*, *чакраг*, (чокраг/сократ), *читай-оглы* (Читеевичи), *чиртан* (чортан), *дурут/дурт* (по-видимому, тертер-оба — Тертьробичи), *енч-оглы* (Иланчук), *ит-оба* (Етебичи), *китай-оба* (кидане), *куче/куч-оба* (Кочучевичи), *кучет*, *кор/коор*, *кара-буркли*, *кол/кул-оба* (Колобичи/Кулобичи), *команды/команди*, *конгор/кангу-оглы*, *меркиты*

(бекруты), *мингиз-оглы*, *орингу(т)*, *уран*, *бесене/песенег*, *таргил* (Тарголове), *токсоба* (Токсобичи), *тгузкут*, *улаш-оглы* (Улашевичи), *урус/ырыс-оба* (Урусобичи), *йемеки* (Половцы Емякове), *югур/уйгур* (Баскаков 1985; Golden 1992: 278-279). Всего, по подсчетам историков, в восточноевропейских степях кочевало до 12-15 орд, а общая численность их доходила до 500-600 тыс. человек (Плетнева 1999: 115).

Язык кыпчаков, по мнению Махмуда Кашгари, был «чистый тюркский язык». Он даже отметил такую особенность этого языка, как «джекание»: «кыпчаки, так же, как и огузы, *йа* в начале слова заменяют на *алиф* и *джим* в начале имен и глаголов...» В то же время для языка кыпчаков были характерны признаки, присущие огузам. Так, по его данным, «каждый *мим* в начале слова огузы, кыпчаки, сувары превращают в *ба*... тюрки говорят «*ман бардум*», т.е. «я ходил», а сувары, кыпчаки и огузы говорят «*бан бардум*». Судя по лингвистическим данным, кыпчаки были сложным конгломератом тюркоязычных, монголоязычных (или ассимилированных тюрками монгольских) и иранских по происхождению, но уже, видимо, тюркизированных, групп, язык которых был без архаичных черт (ламбдаизм, ротацизм и т.д.) (Баскаков 1985).

Кыпчаки, занимавшие огромную территорию от Дуная на западе и до Иртыша на востоке, до мусульманских государств Средней Азии на юге, так и не смогли создать единого государственного образования. Одна из причин этого — вовлечение кыпчаков в разных их районах проживания в орбиту влияния уже сложившихся государств (Русь, Волжская Булгария, Хорезм).

В конце XII — начале XIII вв. другим центром объединения кыпчаков стала группа подонских кыпчаков во главе с ханом Кончаком, сыном хана Шарукана (Шару-хана?). Правящий клан этой группы был связан с племенем токсоба (Golden 1979/80: 304-307; Golden 1997: 18-19). Подонские кыпчаки стали в этот период самым мощным в Восточной Европе объединением кыпчаков, которые неоднократно воевали с русскими князьями и осаждали крупные города. Уже при сыне Кончака — Юрии, отношения с Русью стали более мирными и даже союзническими. Юрий Кончакович погиб в битве на р. Калке (1223 г.), сражаясь в союзе с русскими князьями против монголов. После этого подонское объединение распалось (Плетнева 1990: 151-171).

В южноуральских и заволжских степях располагались кочевья йемеков, одного из основных кимакских племен. Они некогда входили в состав Кимакского каганата, а после его распада откочевали в Заволжье. Сила и влияние их в этом регионе были так значительны,

что позволяли, едва ли не каждый год, совершать набеги на окрестности расположенного в дельте Волги города Саксин. Правитель йемеков, происходивший из знаменитого кыпчакского рода Ильбари, носил пышный титул «хан ильбари и шах йемеков» и, судя по сообщениям восточных источников, властвовал над десятью тысячами семейств (Ахинжанов 1989: 93-146, 198-207). Йемеки играли важную роль в международных отношениях предмонгольского времени, так, благодаря их поддержке государство Хорезмшахов сбросило иго каракитаев и подчинило себе весь Мавераннахр (женой султана Текеша была Теркен-хатун). Во второй половине XII в. они совершали нападения на Саксин и Булгарию. Во главе этого объединения восточных кыпчаков в начале XII в. стал клан ильбари/ильбури (Ахинжанов 1989: 201-203).

Волжская Булгария, несомненно, вынуждена была взаимодействовать с кыпчаками и йемеками. В начале XII в. в русских летописях отмечается, что хан Аепа (Ай-оба) и «прочие князья половецкие» были отравлены булгарами (ответом был поход князя Юрия Долгорукого, женатого на дочери князя Аепы, против булгар в 1120 г. (ПСРЛ I: 292). В 1183 г. русские летописи говорят о «половцах Емяковых» (т.е. о йемеках), совершивших набег во главе с болгарским князем на болгарский Великий город — Биляр (ПСРЛ I: 389; ЛПС: 93; Измайлов 2000: 39-41). В 1229 г., как сообщают русские летописи, спасаясь от монголов, «саксини и половцы взбегоша из низу к болгарам перед татары и сторожеви Болгарьскыи прибегоша бьени от Татар близь реки енже имя Яик» (ПСРЛ I: 453). Вряд ли кыпчаки пришли бы к булгарам, если не надеялись на какую-то поддержку. Не преувеличивая значение этого единичного факта, все же можно полагать, что уже в домонгольское время началось этническое взаимодействие кыпчаков с волжскими булгарами. Об этом говорят и отдельные топонимические данные, кроме вышеуказанного названия «Тухчин», следует, видимо, отметить и наименование болгарского городка «Собекуль», состоящего, скорее всего, из компонентов «соб(е)» и «кул», дающих возможность трактовать его на основе кыпчакской этнонимии (Исхаков 1997: 40). Кроме того, преимущественно на правом берегу р. Волги в Татарстане известен ряд топонимов (названия татарских деревень), возможно, восходящих к кыпчакским этнонимам: Кайбыч (от кай, Каепич), Читай (от Читой), Шырдан (от чирдан), Тарлау (от таргил, торглове). Надо думать, что взаимному смешению булгар и кыпчаков мешало то, что кыпчаки медленно принимали ислам, а частично стали на западе христианами,

хотя отдельные случаи обращения в ислам кыпчаков и йемеков известны еще до 1040 г., особенно среди тех племен, которые жили на границах государства Хорезмшахов (Ахинжанов 1989: 197-203).

В лице кыпчаков мы имеем дело с другим крупным этническим компонентом татарского народа, сложившимся еще в домонгольский период. От болгарского компонента он отличался меньшей консолидацией, сложной этнополитической структурой и широким ареалом расселения. Несмотря на то, что кыпчаки состояли из многих племен (основных было, очевидно, около 12), внутри них уже существовали какие-то этногенетические линии, что, видимо, следует из пассажа Ибн Халдуна (XIV в.): «племя Дурут из кыпчаков, а племя Токсоба из татар». Если это не позднее переосмысление золотоордынских реалий, то, не исключено, что какие-то кланы с этноним «татар» среди кыпчакских племен Поволжья и Южного Урала могли появиться еще в предмонгольское время.

К концу раннесредневекового периода основные, наиболее крупные тюркские этнополитические группы уже были территориально достаточно четко очерчены (хазарско-болгарская группа, кыпчаки, огузы и др.). Но окончательно формирование современных тюркских народов, в т.ч. и татар, произошло только в результате образования государств Чингисидов. В этногенезе татарского народа ключевым является период Золотой Орды, определивший все последующие этнополитические процессы.

Глава III.

Образование Золотой Орды и формирование средневекового татарского этноса (XIII — первая четверть XV в.).

Становление Улуса Джучи: расцвет великодержавия. Улус Джучи (Золотая Орда) как великая евразийская империя (вторая после Тюркского каганата) существовала сравнительно недолгий период, а на фоне истории мировой цивилизации — и достаточно незначительный. Но именно в это беспокойное, сложное и мятежное время средневековые татары не только создали свое государство, но и выработали свою этнополитическую идеологию, в которой сформулировали новые идеи, мифологемы и символы своей общности. Государство это современники называли по-разному: арабы — «царством северных татар», «государством Дашт-и Кыпчак» или Улусом Джучи (или его потомков), европейцы «Татарией» или «страной Команов» (т.е. кыпчаков), русские — «Ордой» или «царством татар», а сами татары — «Улуг Улус» («Большим/Великим государством»). Последнее название страны явно осмысливалось самими ее жителями как «золотая» (учитывая синонимичность средневековых понятий «золотое»/«царственное»/«великое»), о чем свидетельствует и эпос «Идегей», где она именовалась «Золотая Орда» («Алтын Урда»). Позднее, в XVI в., это название было перенято русскими историками («Казанская история» и т.д.) и стало общепризнанным наименованием государства татар XIII-XV вв. в отечественной традиции. Одновременно, подчеркивая истоки и верховенство династии Чингисидов, употребляется и термин «Улус Джучи» (Тизенгаузен 1884: V; Федоров-Давыдов 1973: 118-122; Усманов 1979: 9-12; Егоров 1985: 151-155; Измайлов 1993а: 39).

В вопросе о дате образования Улуса Джучи, как и в ряде других, над историками весьма сильно довлеет традиция историографии. В отечественной науке она возникла еще в конце прошлого века и ныне развивается в трудах таких двух совершенно разных школ историков, как «державная» и «евразийская». Единство их мнений отнюдь не случайно. И та, и другая традиции принимают дату 1243 г.

за время начала Золотой Орды (часто тем самым противопоставляя ее понятию «Улус Джучи»), стремясь подчеркнуть важность и этапность завоевания русских княжеств монгольскими ханами. На этом основании «державная» школа пытается придать событиям, связанным с «Батыевым нашествием», не свойственные им размах и масштабность на общем фоне монгольских походов (*Греков, Якубовский* 1950; *Пашуто* 1956; *Каргалов* 1967; *Егоров* 1985; *Кучкин* 1991). Очень часто историки при этом встают на позиции церковных летописцев XIII в., видевших факты истории, образно говоря, из узкого окна своей кельи. У «евразийской» традиции несколько иное обоснование. Согласно ей, Золотая Орда — симбиоз оседлой Руси и кочевой Орды, который мог сложиться, естественно, только после объединения, состоявшегося в 1243 г. (*Vernadsky G.* 1953; *Вернадский* 1997; *Гумилев* 1992; 1994).

Между тем, если отвлечься от проблематики Золотой Орды и перестать рассматривать ее как некий исключительный исторический феномен, то можно заметить, что за вычетом некоторого своеобразия, ее история, культура, государственное устройство, военное дело немногим отличаются от аналогичных институтов и других государств Чингисидов. В свете более глубокого изучения корней Улуса Джучи представляется, что «евразийская» теория не всегда обоснованно акцентировала внимание на уникальности Орды и на значении Руси в ее внутривосточной истории, пренебрегая сходством с другими предшествующими и синхронными державами кочевников Центральной Азии. В этой связи знаменательно, например, что историю Улуса Чагатаидов историки начинают со времени завоевания Хорасана и Мавераннахра монголами, т.е. еще при жизни Чингис-хана.

Именно поэтому ряд историков (*Бартольд* 1963; *Сафаргалиев* 1960) считали, что истоки Улуса Джучи следует искать в эпохе Чингис-хана, в период, когда он впервые выделил своим трем старшим сыновьям (Джучи, Угедю, Тулю) улусы. Эта точка зрения представляется наиболее обоснованной и позволяет проследить как возникновение Золотой Орды из недр Монгольской империи, так и этапы становления ее политической самостоятельности.

Само возникновение империй, созданных Чингис-ханом и его потомками на обширных просторах Средней Азии и Восточной Европы, явилось результатом мощного социального взрыва, зародившегося в степях Монголии и всепожирающим смерчем пронесшимся над значительной частью цивилизованного мира. Причиной его стало бурное развитие феодализма в кочевой среде, что вызвало появление

многочисленных военных вождей со своими дружинами, непрерывно воевавших между собой за лучшие пастбища и за право взимать дань с соседей. Постоянная военная опасность требовала увеличения количества дружинников и способствовала усилению их влияния на политику племен. Причем значительную часть этих воинов-нойонов составляли люди, порвавшие с традиционной племенной структурой, которых современники образно называли «люди длинной воли». Именно эти изгои, целиком обязанные Чингис-хану своим возвышением, стали основой средневекового общества, построенного не на прежних родо-племенных, а на новых — государственно-политических традициях (Кычанов 1993: 148-153). Постепенно логика событий привела к тому, что самый удачливый вождь Темучжин, провозглашенный в 1189 г. своими сторонниками Чингис-ханом (т. е. Великим ханом), в 1206 г. на всемонгольском курултае был объявлен верховным правителем всех монголов (Козин 1941; Татаро-монголы...: 23-45; Кычанов 1995). Казалось, что после прекращения межплеменных войн, в стране наступит мир.

Однако степная аристократия и профессиональные воины, жившие за счет военной добычи, желали новых походов. И чем сильнее становилось войско Чингис-хана, тем больше возрастала зависимость его от собственных нукеров и сподвижников, которым требовались все новые и новые богатства, земли и подданные. Тем более, что и после объединения монгольских степей основная масса простых тружеников не улучшила своего благосостояния, так как власть, лучшие пастбища и скот в стране получили лишь сподвижники нового хана и родовитая знать, перешедшая на сторону Чингис-хана. Привычка к войне и желание приобрести богатства соседей и власть над ними стали главными побудительными причинами к расширению военной экспансии. Вот почему объединение стало отправной точкой, началом грандиозных походов, когда десятки тысяч воинов по приказу «потрясателя вселенной» ринулись на завоевание всех сторон обитаемого Старого Света.

Современник этих походов, арабский историк Ибн ал-Асир, с горечью пишет о них как о «великом событии и огромном несчастье, которому подобного не производили дни и ночи и которое охватило все создания, в особенности же мусульман; если бы кто сказал, что... мир не испытывал (ничего) подобного, то он был бы правым: действительно, летописи не содержат ничего сходного и подходящего... искры которого разлетелись (во все стороны) и зло которого

простерлось на всех. Оно шло по весям как туча, которую гонит ветер» (*Тизенгаузен* 1884: 2). В этих словах много справедливого. Пожалуй, со времен Великого переселения народов цивилизация не знала таких грандиозных изменений в политике, общественной жизни и культуре. Катастрофическая гибель еще недавно казавшихся непобедимыми могущественных государств, разгром цветущих городов, опустошение целых областей и невиданные доселе перемещения отдельных родов и целых племен, вызванные монгольскими завоеваниями, полностью перекроили карту мира и повернули историю в новое русло (см.: *Греков, Якубовский* 1950: 14-69; *Сафаргалиев* 1960: 19-45; *Татаро-монголы...1977*; *Кадырбаев* 1992).

Начало государству Джучидов в Восточной Европе и Сибири было положено еще при жизни самого победоносного «потрясателя вселенной», когда в 1207-1208 гг. после покорения сибирских народов Чингис-хан выделил улус старшему сыну Джучи (*Козин* 1941: 147-175; *Бартольд* 1963: 421-422; *Сафаргалиев* 1960: 19; *Измайлов* 1993а: 43-44; *Мухамадиев* 1995: 143). По сообщению арабского историка ан-Нувайри (начало XIV в.), в улус сыну Джучи были определены «летовья и зимовья от границ Кыялыка и земель Хорезмских до окраин Саксинских и Булгарских, крайних пределов, куда доходили кони их полчищ при их набегах» (*Тизенгаузен* 1884: 150). Это находит подтверждение и в анонимном источнике XVII в. «Родословие тюрков», опирающимся на целый ряд более ранних сведений, автор которого отмечает, что Джучи и его потомкам были выделены земли «Хорезма и Дашт-и Кыпчака от границ Каялыка до отдаленнейших мест Саксина, Хазара, Булгара, Алан, Башкир, Урусов и Черкесов, вплоть до тех мест, куда достигнет копыто татарской лошади» (*Тизенгаузен* 1941: 204). Однако большую часть этих земель тогда еще только предстояло покорить.

После смерти Джучи, на престол отца был посажен Бату-хан, и его права на территорию, включающую Сибирь, Булгарию, Дашт-и Кыпчак, Башкирию, Русь и Черкессию до Дербента, были подтверждены на курултаях 1227-1229 гг., где решался вопрос о политическом наследии Чингис-хана. Тогда же было решено продолжать завоевание западных земель, и великий каан Угедей, «во исполнение указа, данного Чингис-ханом на имя Джучи, поручил завоевание северных стран членам его дома» (*Тизенгаузен* 1941: 65). Но выполнить это поручение Джучиды самостоятельно не смогли, а два их наступления в 1229 и 1232 гг. большого успеха не имели и были остановлены

ожесточенным сопротивлением кыпчаков и болгар. Тогда на новом курултае в 1235 г. «состоялось решение овладеть странами Булгара, асов и Руси, которые находясь по соседству становища Бату, не были еще окончательно покорены и гордились своей многочисленностью» (*Тизенгаузен* 1941: 22), а в помощь и подкрепление Бату-хану Угедеем были назначены еще 13 царевичей с их войсками.

Весной следующего года огромная армия монголов, которая по оценкам исследователей насчитывала до 50-60 тыс. воинов, двинулась в поход и летом-осенью 1236 г. вторглась в Болгарию (*Халиков* 1994: 21-41; *Халиуллин* 1995: 121-133; *Zimonyi I.* 1992/3: 347-355). Начались великие завоевательные походы 1236-1242 гг., которые привели к невообразимым до того в Восточной Европе разрушениям, разгрому городов и гибели тысяч людей (*Татаро-монголы...: 190-223*). Описывая их, историк XV века ал-Айни считает, что монголы «захватили то, что могли захватить, и уничтожили тех, которых были в состоянии уничтожить», из-за чего «опустели земли и обезлюдели страны» (*Тизенгаузен* 1884: 503). Однако подчинить всю Европу им не удалось. Героическая борьба кыпчаков, болгар и русских истощила их силы и они, несмотря на многие военные победы в Венгрии, Польше, Чехии, вынуждены были, дойдя до побережья Адриатического моря, повернуть обратно в поволжские степи (*Татаро-монголы...: 186-223* *Der Mongolensturm: 127-296*).

Вернувшись в Поволжье и понимая, что одних его сил для наступления на Европу явно недостаточно, Бату-хан принялся за укрепление и организацию своего улуса. Он ввел в стране традиционное тюрко-монгольское военно-политическое деление государства на правое и левое крылья, соответственно выделив значительные по размерам улусы себе и своим братьям. Так, его старший брат Орду-иджен стал главой левого крыла и получил во владение Кок-Орду — крайние восточные пределы империи — Прииртышье и Приаралье. Другие их братья и крупная монгольская знать получили внутри этих улусов более мелкие владения на условиях вассального пользования за участие в военных походах хана и с условием уплаты налогов. Скорее всего, хан имел право изменить или даже отобрать тот или иной улус при нарушении обязательств его держателем (*Сафаргалиев* 1960: 39-45; *Федоров-Давыдов* 1973: 49-62; *Трепавлов* 1993: 96-102).

Одновременно шел процесс утверждения власти новой империи в странах Восточной Европы, которые после страшных ударов монгольских войск были разорены, деморализованы и раздроблены. Поэтому,

действуя, где угрозами, где посулами, а то и прямой военной силой, Бату-хан сумел добиться их подчинения. Характер подчинения оседлых земель джучидам описал ал-Омари: «У султана этого государства рати черкесов, русских и ясов. Это жители городов благоустроенных, людных, да гор лесистых, плодovitых. У них произрастает постоянный хлеб, струится вымя (т.е. водится скот — Д.И., И.И.), текут реки и добываются плоды. Они (эти народы) не в силах сопротивляться султану этих стран и потому (обходятся) с ним как подданные его, хотя у них есть свои цари. Если они обращались к нему с повиновением, подарками и приношениями, то он оставлял их в покое, в противном случае делал на них грабительские набеги, и стеснял их осадами; сколько раз он убивал их мужчин, забирал в плен их жен и детей, уводил их рабами в разные страны» (*Тизенгаузен* 1884: 231). Тогда же была установлена система взимания дани и налогов с населения покоренных стран, как это следует из ярлыка хана Менгу-Тимура 1267 года, отразившего ярлык Бату-хана 1242-1248 гг. Этапным для становления ордынского правления на Руси и других завоеванных землях, окончательного возникновения административной системы Улуса, являются 1257-1259 гг., когда ханы, произведя перепись подвластного населения, ввели там единое подворное налогообложение, стали требовать выполнения различных повинностей (ямской, воинской и т.д.) и попытались учредить институт баскачества (*Насонов* 1940: 15-16, 51; *Allsen* 1981: 32-53; *Феннел* 1989: 136-163).

Все это настолько укрепило Улус Джучи, что его правители в конце 50-х годов XIII в. смогли добиться фактически полной независимости от великого каана, что выразилось, в появлении на монетах хана Берке (1257-1266 гг.) «великой тамги» рода Джучи (*Мухамадиев* 1983: 56-48). Еще основательнее утвердил независимость внук Бату, хан Менгу-Тимур (1257-1266 гг.). Придя к власти, подавив сопротивление промонгольской знати, он повел политику на полное отделение от власти великого каана, первым начав чеканить монеты со своим именем, что служило доказательством его независимости (*Федоров-Давыдов* 1994: 9; *Мухамадиев* 1995: 146). Сопутствовал ему успех и во внешней политике. В ходе разгоревшейся междоусобной войны среди потомков Чингис-хана за власть над Средней Азией и Восточным Туркестаном Менгу-Тимур сумел сорвать планы по изоляции Улуса Джучи и нанес ряд чувствительных ударов по потомкам Хулагу — ильханам Ирана. В 1269 г. на реке Талас (Семиречье) был созван курултай, на котором был заключен союз

между улусами Джучи, Чагатая и Угедея против государства ильханидов, уточнены границы между их владениями и фактически узаконен распад единой империи Чингис-хана (*Тизенгаузен* 1941: 76-78; *Сафаргалиев* 1960: 51-54).

К этому времени необычайно возрос авторитет ханов из рода Джучи и на международной арене. Улус Джучи становится важнейшим фактором межгосударственной политики и торговли, а его правители, осваиваясь с новой ролью вершителей судеб центра Евразии, стремятся активно влиять на политические события в ближних и дальних странах.

Огромную роль в укреплении Золотой Орды играла торговая магистраль, бывшая северным ответвлением Великого шелкового пути и проходившая через города Восточного Туркестана, Семиречья, Хорезма в Поволжье, а оттуда — в Центральную Европу (*Петров* 1995; *Федоров-Давыдов* 1998). Во многом именно благодаря удачно сложившейся конъюнктуре, в условиях войн и нестабильности на Среднем и Ближнем Востоке, вызванных монгольскими завоеваниями, вторжениями спасающихся от них хорезмийцев и крестовыми походами, товарный поток из Китая хлынул в Европу через Поволжье. Концентрация богатств, награбленных в завоеванных странах, и участие в мировой торговле колоссально обогатили аристократию Улуса Джучи, провоцируя ее стремление к подчинению новых земель и одновременно к установлению контроля за балканским и малоазийским отрезками Великого шелкового пути.

Этими двумя тенденциями — попытками захватить новые земли на Западе и стремлением распространить свою власть на караванные пути — можно объяснить внешнюю политику Орды во второй половине XIII — первой половине XIV веков.

На западном направлении Улус Джучи не прекращал военного и дипломатического давления на страны Юго-восточной и Центральной Европы даже после завершения грандиозного похода на Польшу, Чехию, Венгрию и Далмацию. Уже в 1243 г. отряд ордынцев предпринял поход на Галицко-Волынское княжество. Мощное давление ордынцев заставило князя Даниила, непримиримого врага монголов, воевавшего с ними еще в битве на Калке (1223 г.), приехать к хану Бату и признать себя его подданным. Подчинение его, однако, было не полным, скорее всего, формальным, и вскоре он, заключив антиордынский союз с братом Александра Невского Андреем, стал решительно противодействовать установлению власти хана в Южной

Руси. Только после разгрома Неврюем — военачальником Бату-хана князя Андрея («Неврюева рать» 1252 г. русских летописей), было решено окончательно подчинить себе Юго-западную Русь, в первую очередь, Галицкое княжество. Походы хана Хуррумши (Куремса русских летописей) и багатура Бурундая в 50-х годах XIII века нанесли сокрушительные удары по Галицкой Руси, Польше и Литве. Особенно разорительным был поход 1259 г., когда войска Бурундая, по пути уничтожая укрепления южнорусских городов своего союзника Даниила Галицкого и опустошая все окрест, ворвались в Польшу и, взяв штурмом, сожгли Сандомир (Щавелева 1978: 307-314; Егоров 1985: 188-190). После этих войн западная граница Орды стабилизировалась по р. Прут и Карпатам — традиционной и естественной границе восточноевропейских кочевых племен.

Новые военные походы, предпринятые владельцем западного улуса (Пруто-Днепровское междуречье) беклярибеком Ногаем (1275, 1277, 1280, 1286, 1287 гг.), уже практически не имели целью захват новых земель, тем более, что ряд из них проводился в союзе с галицким князем Львом и по его просьбе (походы 1275, 1277, 1280 гг.). Они, скорее, преследовали цель установления вассальной зависимости балканских стран и Польши, чтобы наложить на них дань и военную контрибуцию, а также обезопасить границы империи от посягательств, набравших силу соседей (Егоров 1985: 190-192).

Особняком стоят походы улус бека Ногая на Византию, вызванные желанием ханов нанести поражение союзнику Хулагуидов, с которыми начиналась жестокая конфронтация в Закавказье, а также обеспечить возможность беспрепятственного прохода через Дарданеллы торговым судам и ордынским посольствам. Поход 20-тысячного войска хана Берке окончился осадой Константинополя, разорением Болгарии и включением ее в сферу влияния Орды (1269 г.). На некоторое время лояльность Византии была обеспечена. Но уже в 1270 г. новый хан Менгу-Тимур, испытывая «неудовольствие» от политики Византии, двинул на нее войска своего улус бека. Под стенами Константинополя император встретил Ногая с покорностью и царскими почестями, даже дав согласие на выплату дани и нейтралитет в разгоравшийся войне Джучидов с Ильханидами Ирана. После этой бурной военно-политической активности в политике Улуса Джучи на западе наступило затишье. Оно лишь изредка, в периоды усиления власти хана при Узбеке (1312-1342 гг.), прерывалось локальными военными предприятиями (1337 г.).

Другим регионом, где заметно проявлялись завоевательные тенденции Улуса Джучи, были Предкавказье и Азербайджан. Если в Предкавказье столкновения ордынцев с воинственными и свободолобивыми горцами не прекращались практически никогда, то горные долины и наиболее крупные города в этом регионе были захвачены практически уже к началу XIV в. Так, крупнейший город алан (ясов) Дедяков был взят штурмом при активном участии дружин вассальных русских князей и уничтожен. Тем самым, граница на юге стабилизировалась по естественной границе — Кавказскому хребту.

Район наиболее сильных конфликтов пролегал в Закавказье, где Золотая Орда стремилась занять стратегически важные города Нахичевань, Марагу, Тебриз — центры торговли по Великому шелковому пути и плацдарм для завоевания всего Ближнего Востока. Войны, разгоревшиеся здесь с 1262 г., шли с перерывами и переменным успехом вплоть до 90-х годов XIV века. Однако, ни одной из сторон конфликта не удавалось ни вытеснить противника полностью из Азербайджана, ни нанести ему решительного поражения. Фактически, это была «столетняя», вяло текущая война, которая нужна была обеим сторонам для поддержания своей военной мощи. Она же являлась важным фактором международной политики, делавшей Улус Джучи стратегическим союзником Мамлюкского Египта и тюрок-сельджуков Малой Азии и принципиальным противником Ильханов Ирана, крестоносных королевств и Византии.

После кровопролитных войн 1260-х годов, когда объединенное войско хана Берке и Ногая нанесло поражение полкам Хулагу (1263 и 1265 гг.), а войска Ногая были разбиты близ Шемахи (1267 г.) Хулагуидами, которые в свою очередь потерпели поражение от мамлюков Бейбарса при Айн-Джалуте (Палестина) (1269 г.), наступило время позиционного противостояния и дипломатических интриг. Плавное течение конфликта лишь изредка прерывалось успешными походами Менгу-Тимура (1290 г.) и Узбека (1318-19 гг.) и неудачами ордынцев (1325 и 1335 гг.). Можно сказать, что представления об ожесточенности этого конфликта имеют больше идеальное «книжное» происхождение, чем передают реальную ярость сторон и их желание завоевать земли соседа. Связано это с тем, что участники этого «мирового» конфликта весьма активно обменивались посольствами между собой, а источники сохранили довольно подробное описание всех перипетий войн и дипломатических переговоров. В этом смысле наиболее известны связи между Нилом и Волгой — дипломатические

контакты Золотой Орды и Египта. Именно они, нашедшие довольно полное отражение на страницах арабских хроник и породившие целый пласт дипломатической культуры (особые правила переписки с Ордой, штат переводчиков, особая титулатура адресатов и т.д.), придавали значимость войнам Хулагуидов и Джучидов, переосмысливая ее как борьбу правоверных союзников с языческой и христианской угрозой (*ал-Холи* 1962; *Закиров* 1966).

Таким образом, становление Улуса Джучи как самостоятельной державы происходило в период с 1207/8 до 1269 гг. За это время Золотая Орда прошла путь от удела, выделенного Чингис-ханом своему сыну Джучи в составе Монгольской державы, до независимого государства — империи Джучидов (1266-1269 гг.). Важнейшими здесь стали такие вехи, как признание, после смерти Чингис-хана, прав на владения потомков Джучи на курултае 1227 г. и начало преобразования монгольской властью завоеванных земель Восточной Европы (1243 г.), а также проведение переписи населения для установления регулярного налогообложения и учреждение единой административной системы (1257-1259 гг.). Все они были своеобразными этапами в укреплении экономической и политической самостоятельности империи Джучидов. Однако всем этим процессам начало было положено после выделения Чингис-ханом улуса хану Джучи и его потомкам, а остальные события явились лишь их следствием.

К 70-м годам XIII века становление империи Джучидов завершилось. После периода «бури и натиска» начался период стабилизации и расцвета великодержавия Золотой Орды. Ее ханы не только держали в покорности свои владения, совершая частые карательные рейды на Русь, Булгарию, Хорезм, но и постоянно угрожали соседям: Польше, Византии, Венгрии, Азербайджану. Пограничные войны и регулярное ослабление подчиненных областей усиливали политическое, экономическое и военное могущество Орды и особенно ее центральной части — поволжских областей. На фоне катастрофического ослабления стран и народов Восточной Европы, обескровленных войнами и междоусобицами и ослабленных внутренними противоречиями, Золотая Орда была островком стабильности с поступательно развивающимся хозяйством и торговлей, с постоянно усиливающейся военной мощью.

Период наибольшего политического и экономического могущества империи Джучидов приходится на время правления ханов Узбека (1312-1342 гг.) и Джанибека (1342-1357 гг.), когда на гребне подъема хозяйства и торговли произошло резкое усиление центральной власти,

сложилась единая система управления империей, стабилизировались границы, существовала огромная армия, состоящая в основном из мелких держателей условных владений (*икта*), наметились военные успехи в войнах с соседями в Азербайджане и Восточной Европе. При поддержке ханской администрации интенсивно развивались десятки крупных городов, в которых был выработан свой пышный, во многом эклектичный, выразительный стиль, отражающий сущность своеобразной имперской культуры Улуса Джучи. В начале XIV века было также завершено принятие ислама в качестве государственной религии, что способствовало дальнейшей интеграции народов, формированию единого этноса и наложило глубокий отпечаток на все тюркские народы Евразии.

Дашт-и Кыпчак: степи и города. Ханам Золотой Орды в XIV в. подчинялась огромная территория, которая простиралась от Дуная на западе до Иртыша на востоке, от Дербента и Хорезма на юге до Прикамья и Причулымья на севере.

Довольно точно, на основании рассказов побывавших там купцов и дипломатов, территорию Золотой Орды в первой половине XIV в. описал арабский историк ал-Омари, который среди наиболее известных ее городов и областей отмечает Хорезм, Сыгнак, Сайрам, Яркенд, Дженд, Сарай, Маджар, Азак, Акчакерман, Кафу, Судак, Саксин, Укек, Болгар, Дербент, а также земли Сибирь и Ибирь, Башкирд и Чулыман (*Тизенгаузен* 1884: 236). Восхищаясь размерами владений «царства Хорезма и Дашт-и Кыпчак» арабский путешественник Ибн-Халдун представлял его своим читателям в середине XIV в. как «обширное царство на севере, от Хорезма до Яркенда и Согда и Сарая, до города Маджара и Аррана и Судака и Болгара и Башкирда и Чулмана; и в границах этого царства город Баку, из городов Ширвана, и возле него «Железные ворота», а на юге до границ Константинополя» (*Тизенгаузен* 1884: 378). По сведениям арабских географов, длина этого государства простирается на восемь, а ширина на шесть месяцев пути и имеет размеры от моря Константинопольского до р. Иртыша, в длину на 800 фарсахов, а в ширину от Баб-ал-Абваба (Дербента — Д.И., И.И.) до города Болгара, то есть приблизительно на 600 фарсахов (*Тизенгаузен* 1884: 175, 206).

Совокупность исторических, археологических и нумизматических данных, позволила установить границы Улуса Джучи (*Егоров* 1985: 75-150). В середине XIV в. самым западным пределом Орды, видимо, являлась территория междуречья Днестра, Прута и Сирета, ограничен-

ная с юга нижним течением Дуная. Именно здесь располагалась ставка мятежного Ногая, разбитого ханом Токтой, после длительной и упорной борьбы (1300 г.) и переселившего Ногайский улус на восток. Главным городом этой части Орды был Аккерман (ныне Белгород, близ устья Днестра), построенный правителями Орды во второй половине XIII в. и быстро ставший важным ремесленным центром и торговым портом, через который вывозились в Западную Европу и на Ближний Восток хлеб, а также шерсть, мясо и другие продукты скотоводства. Вокруг города располагалась обширная сельская округа с цветущими садами и огородами.

В Северном Причерноморье в непосредственном подданстве золотоордынских ханов находились степи от берегов Черного моря до границ Руси, а также земли Степного Крыма. Южное побережье — Таврика — была занята небольшими генуэзскими портами-колониями. Центром их была Кафа (Феодосия) — небольшая территория которой была куплена Генуей в 1266 г., а к концу XIV в. ставшая подлинной «Меккой» всего Причерноморья — «известный и населенный город, — по словам архиепископа Иоанна де Галонифонтибуса, — место сбора купцов со всех концов мира», где постоянно торговали купцы говорящие на 35 языках (*Галонифонтибус* 1980: 14). Среди других портов выделяется Солдайя (Сурож, Судак) и Кырк-Ер (ныне Чуфут-Кале). Все они имели небольшую сельскую округу, но главным источником их доходов была транзитная торговля со Средиземноморьем. Судя по письменным источникам, эти города были зависимы от Орды и платили ей дань, хотя иногда все же подвергались нападениям татар и вынуждены были участвовать в их междоусобицах. Главным городом Крымских степей был город Крым (европейцы называли его Солхат). Появился он уже в 60-х годах XIII в. и благодаря расцвету черноморской торговли стал важнейшим экономическим и административным центром всего полуострова. Ибн-Баттута называет его «большим и красивым городом» (*Тизенгаузен* 1884: 280), а Ибн-ал-Варди — «большим городом, где имелись базары, мечети, гостиницы и бани». (*Поляк* 1964: 50).

На севере граница между вассальными русскими княжествами и остальной частью Орды, как и сотни лет до этого, проходила по водоразделам притоков Днепра: в правобережье где-то в районе Роси, а в левобережье по рекам Псел и Ворскла, т.е., по естественной границе леса и степи. Северо-восточные, северо-западные и южные русские княжества, входили в состав Золотой Орды на правах зависимых владений, сохраняя свою администрацию и династии, но

выплачивая регулярные налоги («ордынский выход»). Территория Руси, подвластная ордынским ханам включала в себя владения Волынских, Киевских, Новгород-Северских, Черниговских, Владимиро-Суздальских и Рязанских князей, а также земли Новгорода и Пскова. Некоторое время во власти ордынских ханов находились Смоленское и Галицко-Волынское княжества, которые позднее были включены в состав Литовского государства. Граница между этими княжествами и собственно территориями, входившими в улусную систему Орды, пролегла, видимо, также по водоразделам между лесом и степью, примерно по линии Киев — Курск — Тула — среднее течение р. Цны — устье р. Суры (Насонов 1940; Феннел 1989; Горский 1996; Егоров 1985).

В состав Орды входили также мордовские и чувашские земли. В целом эти лесистые и труднодоступные места Сурско — Свяжского междуречья не были густо населены и сохраняли традиционный патриархальный социально-хозяйственный уклад. Хотя и здесь находились центры ордынской военно-административной власти (например, Большетолябинское городище) и небольшие поселения. Южнее, в Посурье и Примокшанье располагались земли, которые ранее входили в состав Булгарии. В XIII-XIV веках здесь находился улус с центром в городе Мухша (Мохша) (современный г. Наровчат). Для того времени это был развитый торговый и экономический центр, чеканивший даже свою монету. Раскопки выявили здесь кирпичные дома, бани и большое мусульманское кладбище с мавзолеями (Федоров-Давыдов 1994: 37).

На Средней Волге и Нижней Каме находились земли бывшей Волжской Булгарии, которая в XIII-XV веках распалась на ряд зависимых от Орды эмиратов (княжеств): Булгарское, Джукетауское, Керменчукское, Казанское. Все они были подчинены Джучидам, хотя в разные годы эта зависимость имела различный характер — от достаточно сильной до чисто номинальной. Во всяком случае, Булгария этой эпохи была одной из самых развитых областей Орды с несколькими довольно крупными городами (Болгар, Кашан, Керменчук, Джукетау, Биляр, Казань), а также десятками мелких городов и сотнями поселений.

Самым крупным и известным болгарским городом того времени был Болгар. Этот город, возникший еще в начале X в., не отличался в домонгольский период размерами, хотя и был важным экономическим центром. Настоящая его история начинается с 40-х годов XIII в, когда вернувшись из западного похода и подавив восстание болгар, Бату-хан

сделал местом своей ставки район Нижнего Прикамья. Этот район имел стратегическое значение, так как позволял в начальный период формирования империи контролировать центр страны — Поволжье. Постепенно, благодаря богатым традициям высокоразвитого сельского хозяйства и ремеслу, булгарам удалось во многом преодолеть последствия монгольского завоевания и добиться возрождения страны. Город Болгар конца XIII-XIV вв. становится одним из самых крупных и богатых центров Европы. Он бурно застраивается каменными и кирпичными постройками, в том числе общественными зданиями: мечетями и банями. Улицы были покрыты мостовыми. Благоустройству города служили водопроводные и дренажно-ряжевые системы. Продолжая ранние болгарские традиции, ремесленники изготавливали предметы, широко известные во всем цивилизованном мире: кожаные изделия, оружие, украшения. Выгодное географическое положение на пересечении речных и сухопутных путей делали Болгар важным перевалочным пунктом мировой торговли (Смирнов 1951; *Город Болгар...* 1987; 1988; 1996). Кроме того, город был крупнейшим центром тюркской городской культуры и центром области, где уже с X века распространилось мусульманство. Именно благодаря влиянию болгарских миссионеров, ислам сумел завоевать прочные позиции в Золотой Орде. Несмотря на феодальную раздробленность болгары имели сильные, хотя и не многочисленные, рыцарские дружины и передовую военную технику, в том числе и огнестрельное оружие — «тюфяки» (небольшие пушки). Экономическая и военная сила позволяла булгарам уже в XIV веке активно участвовать во внутренних делах Улуса Джучи.

На севере и северо-востоке пределы Джучиева Улуса, судя по восточным источникам, включали «земли Чулыман, Башгард, Сибирь и Ибирь». Скорее всего, под Чулыманом следует понимать область Верхнего Прикамья (от болгарского обозначения верхнего течения р. Кама), «Башкард», определенно, степи Южного Приуралья, а «Сибирь и Ибирь» — обширные степные и таежные земли Западной Сибири вплоть до Приобья и Прииртышья.

В Средней Азии правителям Золотой Орды принадлежал Хорезм со столицей в городе Ургенч (ныне Куны-Ургенч). Этот город — бывшая столица Хорезмшахов (Гургандж) — был разрушен монголами, но заново отстроен уже в XIII в., а в 30-е годы XIV в. достиг значительного расцвета. Ибн-Баттута писал, что он «один из самых больших, значительных и красивых тюркских городов, богатый славными базарами, просторными улицами, многочисленными постройками,

отборными красотами» (*Тизенгаузен* 1884: 308). Богатая округа и выгодное положение на пересечении торговых путей делали Хорезм одной из важных областей Орды. В Приаралье Улусу Джучи принадлежала значительная земледельческая область, включавшая нижнее течение р. Сырдарья с городами Отрар, Дженд, Сыгнак и Сайрам (*Байпаков, Ерзакович* 1971) и степные земли Приаралья вплоть до озера Балхаш и хребта Каратау на востоке, до Приобья на севере. В состав Улуса Хорезм входили также плато Устюрт и полуостров Мангышлак.

На Северном Кавказе владения Золотой Орды располагались в степной зоне, вплоть до северных предгорий Кавказа, которые занимали воинственные черкесы, аланы и вайнахи, постоянно сражавшиеся с ордынцами. Среди многих других городов Северного Кавказа следует выделить Азак (Азов) и Маджар (близ современного г. Прикумск). Азак был важнейшим торговым и экономическим центром, конечным пунктом многих сухопутных и речных путей. Благодаря генуэзцам (они называли его Тана), которые имели здесь колонию, город в XIV в. был широко известен в Европе. Маджар также играл огромную роль в жизни региона как центральный пункт на пути из Ближнего Востока в Орду. По словам Ибн-Баттуты это был «город большой, один из лучших тюркских городов» (*Тизенгаузен* 1884: 287). В Приморском Дагестане земли Улуса Джучи доходили до важной стратегической крепости Дербент (арабское название — «Баб-ал-Абвab», тюркское — «Темиркапу» (Железные ворота)). Неоднократно ордынцы через этот проход вторгались в Закавказье и периодически завоевывали земли Северного Азербайджана, вплоть до городов Тебриз и Ардебиль, как это было в царствование Узбека и Джанибека, однако долго удерживать эти земли они были не в состоянии.

Основную территорию Улуса Джучи занимали степи. Население в языковом и даже, очевидно, в хозяйственно-культурном отношении претерпело лишь небольшие изменения по сравнению с домонгольским периодом. Недаром территория Золотой Орды в восточных источниках продолжала традиционно именоваться «Дашт-и Кыпчак» (*Арсланова* 1990). Кочевые племена продолжали кочевать в меридиональном направлении с юга (зимой) на север (летом) и обратно. Чрезвычайно важные и уникальные сведения о такой системе жизнедеятельности в эпоху средневековья сохранились у ал-Омари (XIV в.), который, описывая Улус Джучи, указывал: «Ханы кыпчаков проводят зиму в Сарae, летовища же их, как и некогда летовища царей Турана (т.е. домонгольских кыпчаков — Д.И., И.И.), находи-

лись в области Уральских гор» (*Тизенгаузен* 1884: 243). Изменения же коснулись в первую очередь социальной и племенной структуры, которые оказались перемолоты в системе татаро-монгольских кланов, набора бытовых предметов, украшений, оружия и конского снаряжения, их формы и орнаментации. Наглядным свидетельством изменений в духовной культуре стало изменение погребальных обрядов населения евразийских степей (*Федоров-Давыдов* 1966: 150-163).

Сердцем Улуса Джучи было Нижнее Поволжье. Именно в этой области, которая, по словам арабского историка второй половины XIV в. Ибн-Халдуна, была «богата возделанными местами (т.е. населенными пунктами — И.Д., И.И.)» (*Тизенгаузен* 1884: 378). Здесь же находились два самых настоящих средневековых мегаполиса Улуса Джучи — Сарай и Сарай ал-Джадид (т.е. Новый Сарай), а также другие крупные города: Хаджитархан (близ современной Астрахани), Бельджамен (Водянское городище), Укек (близ современного Саратова), Гулистан, и Сарайчик (современный пос. Сарайчик, севернее г. Гурьева), которые вместе с десятками городков и поселений их окаймлявшими, образовывали густонаселенный земледельческий оазис, тянувшийся по обеим берегам вдоль всего нижнего течения рек Волги и Урала. Здесь находился политический, экономический и культурный центр империи, место, где происходило средоточие огромных материальных и людских ресурсов — во многом за счет регулярного ограбления провинций, — и уже в конце XIII века произошел небывалый, стремительный рост и расцвет городов, особенно столичных.

Первая столица Золотой Орды, построенная монголами в Восточной Европе — Сарай или Сарай ал-Махруса («Богохранимый Сарай»), ныне расположенная на левом берегу Ахтубы у с. Селитренного (Астраханская обл.), была основана Бату-ханом еще в начале 50-х годов XIII в. на месте переправы через Волгу, во всяком случае, в 1254 г. папский посланник Гильом Рубрук уже видел здесь поселение (*Путешествие...: 330*). Спустя 30 лет город значительно разросся и начал чеканить монету с указанием места выпуска — «Сарай» или «Сарай ал-Махруса» (*Мухамадиев* 1983: 13-14). Некоторое время город, видимо, имел в основном административные функции, но постепенно происходило развитие ремесел, в первую очередь для удовлетворения запросов знати, но в XIV веке, в связи со стабилизацией обстановки в Орде, происходит всплеск торговой и производственной активности. Город разрастается и превращается в настоящий гигант с общей площадью с пригородами около 36 кв. км (*Баллод* 1923: 31; *Федоров-Давыдов* 1994: 24-27).

Только центральные городские кварталы, определенные по данным археологии, раскинулись на площади 20 кв. км (Егоров 1985: 115; Федоров-Давыдов 1994: 26). В средневековье плотная городская застройка Сарая, его пригороды, обширные сады, огороды и замки знати, слившиеся в единый массив, производили огромное впечатление на современников своими масштабами и великолепием. Даже такой искушенный и много повидавший путешественник, как Ибн-Баттута, описывая его, с удивлением пишет, что «город Сарай — один из красивейших городов, достигший чрезвычайной величины, на ровной земле переполненный людьми с красивыми базарами и широкими улицами. Однажды мы выехали верхом с одним из старейшин его, намереваясь объехать его кругом и узнать объем его. Жили мы в одном конце его и выехали оттуда утром, а доехали до другого конца его только после полудня. Совершили там молитву полуденную, поехали и добрались до нашего жилища, не раньше как при закате. Однажды мы прошли его в ширину, пошли и вернулись через полдня, и все это сплошной ряд домов, где нет и пустопорожних мест, ни садов» (Тизенгаузен 1884: 306).

По мнению современников, число жителей города достигало 75 тыс. человек (Тизенгаузен 1884: 550). Недаром Сарай считался крупнейшим городом Европы, а вероятно, даже всего Востока, сравнимым с Багдадом, Каиром, Константинополем и Римом того времени. Будучи важным политическим центром, город отличался высоким уровнем благоустройства, в нем имелись централизованные водопровод и канализация, а большинство дворцов и общественных построек было сделано из сырцового кирпича. Археологические раскопки выявили целый ряд богатых построек, Одна из них, размерами более 600 кв. м была центром целой усадьбы. В центре этой постройки, находился зал для парадных приемов. Перед ним располагалась большая комната, с полом, выстланным кирпичом и бассейном в центре зала, вода в который поступала и вытекала через систему подпольных каналов, соединенных с городским водопроводом. За бассейном возвышалась кирпичная платформа с балдахином или шатром, где должен был восседать хозяина дома. Из комнаты двери вели во внутренние покои, где имелись жилые комнаты, с подпольным отоплением и лежанками, а также в комнаты для прислуги (Федоров-Давыдов 1994: 60-62). Такой же, но только гораздо больший дворец имел и хан, о котором ал-Омари пишет: «Место пребывания царя там большой дворец, на верхушке которого находится золотое новолуние»... Дворец окружают

стены, башни да дома, в которых живут эмиры его. В этом дворце их зимние помещения» (*Тизенгаузен* 1884: 241).

Внутри города ныне определены целые ремесленные кварталы, жители которых специализировались на своем особом производстве: металлургия и металлообработка, гончарство, стеклоделие, ювелирное и косторезное дело и т.д. Все они вырабатывали продукцию не только для внутреннего потребления, но и на экспорт (*Федоров-Давыдов* 1994: 20-27). Однако еще большее значения для такого расцвета Сарая имела мировая транзитная торговля. Именно через Сарай в XIV века проходили знаменитые пути, по которым в Европу поступали шелк и восточные пряности, а также предметы роскоши (*Федоров-Давыдов* 1998: 38-54). Сарай был настоящим «золотоордынским Вавилоном», в котором жили монголы, кыпчаки, аланы, черкесы, русские, болгары, византийцы и к итальянцы. Каждый народ имел свой квартал со своими культовыми зданиями, кладбищами и, главное, базарами. В целом же, основное население города, как, видимо, и других нижеволжских городов, было мусульманским и тюркоязычным.

Если Сарай можно назвать экономическим центром страны, то политической и религиозной столицей в XIV в. стал Сарай ал-Джадид, развалины которого расположены ныне близ села Царев (Волгоградская обл.). Анализ нумизматических и археологических данных подтвердил сообщения письменных источников о возникновении этого города в начале XIV в. — в годы правления хана Узбека. Не случайно, что и похоронить себя он велел именно там (*Федоров-Давыдов* 1994: 20-24; 27-31). Подлинного расцвета город достиг уже при жизни его сына хана Джанибека, когда сюда перебрался ханский двор и здесь началась чеканка монеты (*Мухамадиев* 1983: 15-17).

Многолетние раскопки, начатые еще в середине прошлого века А.В. Терещенко и продолженные в 20-30-е годы XX в. Ф.В. Баллодом, А.Ю. Якубовским, а в 60-80-е годы проводившиеся и ведущиеся В.Л. Егоровым, М.Д. Полубояриновой, Т.В. Гусевой и Ю.А. Зеленевым (*Гусева* 1985; *Егоров* 1985: 112-114; *Федоров-Давыдов* 1994: 20-45; 1998а: 3-15), позволили довольно хорошо изучить это городище, выявив остатки хорошо распланированного и благоустроенного города. Центром его служила широкая площадь на пересечении главным улиц, которые по радиусам расходились во все стороны. Здесь выявлены районы аристократических усадеб и бедных кварталов, жилые и ремесленные постройки, культовые сооружения.

Особый интерес представляет юго-восточная часть города, имеющая несколько другую застройку. Здесь пространство между улицами

было занято усадьбами, состоявшими из большого дома, водоема и хозяйственных построек, которые были окружены стенами. Как правило, эти усадьбы довольно богаты. Для их украшения применялись майоликовые кашинные изразцы с надглазурными и подглазурными орнаментами, среди которых наиболее выразительными являются растительные и арабесковые. В окрестностях города, особенно на юге и востоке, выявлены обширные пригороды, представлявшие собой крупные замки-усадьбы, вокруг которых концентрировались мелкие усадьбы и небольшие жилища. Здесь обнаружены усадьбы богатых ремесленников и их подмастерьев, выявлены остатки косторезных, ювелирных и гончарных мастерских. В доме ювелира найдены тигли с каплями золота, обрезки золотых пластин и проволоки, заготовки, бронзовые матрицы, инструменты, готовые изделия и ювелирный горн. Не исключено, что в этой же мастерской изготавливали изумительные золотые и серебряные сосуды с пышной орнаментацией, а также поясные наборы и украшения сложных, вычурных форм, выполненных в технике скани и зерни. Все исследованные замки имели сходную планировку: в центре четырехугольного пространства, обнесенного кирпичной стеной, располагались дом владельца, сад с несколькими небольшими водоемами — хаузами, а по периметру усадьбы — хозяйственные постройки и дома воинов, челяди и рабов. Сама планировка и богатые находки из этих замков указывают на то, что это были резиденции ордынской аристократии. Первоначально район усадеб представлял, вероятно, ядро города.

Постепенно складываются районы бедноты и торгово-ремесленные кварталы. Городские кварталы, прорезанные узкими улочками и арыками, были густо застроены небольшими глинобитными домами. Внутри каждого квартала был, видимо, большой хауз. Все эти кварталы принадлежали, скорее всего, рядовым горожанам. Как и во всяком восточном городе, проблема водоснабжения здесь была жизненно важной. Установлено, что большая часть улиц имела арыки, которые сетью каналов соединялись с большими искусственными озерами, сооруженными на северной окраине города, созданными для водоснабжения города и борьбы с тальми водами с сырта, грозившими городу затоплением (Федоров-Давыдов 1998: 10-11). Характерно, что до 60-х годов XIV в. город не имел общей крепостной стены, настолько Орда была сильна, и только с началом смуты появилась необходимость в укреплении столицы. Вокруг города расположено также несколько крупных мусульманских кладбищ с мавзолеями-дюрбе.

Как и другие города Улуса Джучи, Сарай ал-Джадид был важным торговым пунктом, привлекавшим купцов со всего цивилизованного мира. При раскопках здесь были найдены китайский фарфор и селадон, византийские иконки, итальянская стеклянная посуда, украшенное эмалью сирийско-египетское стекло, индийские золотые монеты и арабские ткани. Практически до конца XIV в. нижневолжские и причерноморские города были главными воротами, через которые шел в Европу поток китайского шелка, восточных пряностей и невольников. Многочисленные караваны, идущие из сердца Азии, не только обогащали Орду, но и включали ее в мировой взаимобмен товарами и идеями, делали ее немаловажной частью средневекового Старого Света (Федоров-Давыдов 1998: 38-59).

Население Золотой Одры в антропологическом отношении было также смешанным: сходным, но не однородным. Судя по краниологическим данным, население нижневолжских городов можно отнести к единому расовому типу: брахикранному европеоидному с наличием определенной монголоидной примеси. Подобный тип в целом был характерен для средневекового населения Волжской Булгарии и Хорезма. Вместе с тем, по сумме признаков, антропологический тип горожан отличался от серии, полученной из раскопок кочевнических курганов XIII-XIV вв., которая дает сдвиг в сторону большей монголоидности. Исследователи из этого делают вывод, что население городов формировалось, в основном, из выходцев из оседлых районов, в то время как кочевники продолжали вести привычный образ жизни, лишь частично переселяясь в города. Тот факт, что по признакам монголоидности (по данным В.П. Алексеева, южносибирского происхождения) степное население превосходит городское, свидетельствует не о переселении нового населения из Западной Сибири, а скорее о значительно большем проценте монголоидности у кыпчаков, чем привыкли считать историки, исходя из произвольной гипотезы о европеоидности европейских кыпчаков (Гумилев 1960: 250; Герасимова и др. 1987: 223-227). При этом надо иметь в виду, что погребения в склепах нижневолжских городов дает более высокий процент монголоидности, чем остальные погребения в других городских некрополях, что, в определенном смысле, может свидетельствовать о социальном разграничении знати и нобилитета (формируемого из представителей «татарских» кланов) с простыми горожанами (быстро смешивающегося из различных компонентов и поэтому довольно сильно метисированного).

Население принадлежащих Орде оседлых регионов (Руси, Булгарии, Северного Кавказа), судя по данным палеоантропологии, не

претерпело значительного изменения. Пожалуй, единственным исключением служат включения более монголоидного населения в районы Волго-Уральского региона, что нашло отражение в материалах могильников в Болгаре (Бабий бугор) и Среднем Поволжье (Мари-Луговской) (*Герасимова и др.* 1987: 227-232).

Города Поволжья были также крупными культурными центрами, где развивались литература и искусство, формировались общеразговорный и литературный языки.

В государствах Чингисидов официальным языком был монгольский, который на письме передавался уйгурским алфавитом. О подобной практике сообщал Г. Рубрук, рассказывая о том, что великий монгольский каан Мунке послал французскому королю Людовику IX «грамоту на языке моалов, но письменами югуров» (*Путешествия...*: 129). Несомненно, что и в Улусе Джучи правящая элита государства довольно долго сохраняла монгольский язык (*Vasary* 1995: 479-485). Так, автор XIV в. Вассаф писал, что хан Узбек разговаривал со своими приближенными Кутлуг-Тимуром и Исой-гурганом по-монгольски (*Тизенгаузен* 1941: 89). Монгольский язык был также официальным языком делопроизводства и дипломатической переписки, на котором велась переписка не только с великим кааном в Каракоруме, с Хулагуидами, но и с Египтом (*Усманов* 1979: 94-101). В этой связи в канцелярии египетских султанов были специальные чиновники, переводившие документы с арабского на монгольский язык. В частности, ал-Омари, говоря о порядке переписки с золотоордынским ханом Джанибеком (1342-1357 гг.), отмечал, что письма «иногда пишутся по-арабски... но большей частью пишется к нему по-монгольски» (*Тизенгаузен* 1884: 251; см. также: 68, 105, 341, 362, 435). В качестве официального монгольский язык использовался и внутри страны, свидетельством этого могут служить пайцзы — верительные, проезжие и иммунитетные грамоты на золотых и серебряных пластинах (известны пайцзы ханов Токты, Узбека, Кельдибека и Абдаллаха), легенды на которых всегда писались по-монгольски буквами уйгурского алфавита (*Григорьев* 1981: 89). Использовался монгольский язык и в быту: в богатом склепе близ Укека была обнаружена лирическая поэма на монгольском языке, написанная уйгурским письмом на бересте (*Понне* 1941: 81-134). Однако, несомненно, что монгольский язык, даже будучи официальным, не был широко распространен и оставался уделом узкого клана аристократии (*Усманов* 1981: 101).

Основным языком общения в золотоордынских городах и степных районах Улуса Джучи были различные диалекты кыпчакского языка.

Именно на основе этого языка (огузо-кыпчакского типа тюркского языка) в городах Золотой Орде начало формироваться общегородское койне. Свидетельством этого служат, например, указания итальянского финансиста XIV в. Франческо Пеголотти, который в своем руководстве для торговцев рекомендует торговцам, собирающимся вести торговые дела в Орде, иметь переводчиков, знающих куманский (т.е. кыпчакский) язык (Pegolotti 1936: 21-22). О том, что в городах Золотой Орды своеобразным *lingua franca* был кыпчакский язык, свидетельствует словарь Codex Cumanicus, составленный в XIII-XIV вв. в одном из городов Улуса Джучи (Radloff 1887; Радлов 1884: 52-53; Абдуллин 1974: 166-185; Наджип 1979; Махмутова 1982).

О характере этого языка и его распространенности среди различных слоев городского населения могут свидетельствовать археологические находки. Особого внимания заслуживает лопатка быка из Сарая ал-Джадид, на которой тушью нарисованы две рожицы и написано по кыпчакски: «Карикатура, клянусь Аллахам. Руку приложил Али... сын Мухаммада (сделал?)» (Вайнер, Федоров-Давыдов 1963: 245-246; Усманов 1963: 246). Сохранились также тюркские стихи процарапанные на большом кувшине, обнаруженном в Сарайчике:

«Лишив меня чести и славы, ты отнял у меня чашу золотую.

Наполнив чистым вином чашу, обратил ее в золото»

(Самойлович 1913: 38).

Именно на основе этого общегородского койне и норм литературного караханидского (и, видимо, болгарского) языков сформировался литературный золотоордынский язык — поволжский тюрки (Усманов 1979: 101-106; см.: Самойлович 1927: 27). На нем созданы такие произведения старотатарской литературы, как «Гулистан бит-тюрки» Сейфа Сарай, «Мухаббат-наме» ал-Хорезми, «Хосров и Ширин» Кутба, «Нахдж ал-фарадис» («Открытый путь к раю») Махмуда ас-Сарай ал-Булгари, «Кыссас ул-анбийя» («История пророков») Рабгузи и многие другие известные, но, очевидно, не дошедшие до нас произведения (Наджип 1989). Определенно, что в XIII — начале XIV вв. монгольские указы и дипломатические документы частично переписывались или дублировались на кыпчакском языке (например, знаменитая жалованная грамота Узбек-хана венецианскому послу А. Дзено, данная в 1332 г. была переведена на латынь с «куманского» (см.: *Diplomatarium...*: 243-244), см. также: Григорьев 1981: 81-83), но уже со второй половины XIV-XVI вв. в качестве официального государственного языка используется исключительно тюркский (кыпчакский или старотатарский)

язык (Усманов 1979: 101 и далее). Поволжский тюрки функционировал среди татар Восточной Европы в качестве литературного языка вплоть до середины XIX в. (Фасеев Ф.С. 1966; Махмутова 1982).

Одновременно в среде интеллигенции и знати были распространены персидский и арабский — языки поэзии и богослужений. Особенно широким было проникновение их после принятия при Узбек-хане ислама, когда арабская графика начинает функционировать как ведущая форма письма, а арабский и персидский становятся полноправными языками золотоордынской культуры. Известны не только переводы персидских поэм на тюркский язык, но и прекрасные персидские четверостишья на изразцах и блюде:

О сердце! Смотри на мир по своему желанию.

*Смотри, как люди подвергаются в нем испытанию
подобно Ною в течении 1000 лет (его жизни).*

Смотри, как в мире много разведено садов и цветов.

*Смотри, сколько воздвигнуто на свете
исполинских дворцов и чертогов.*

*Смотри, во сколько тысяч атласов
и золотых парчей гордо облачились (люди).*

И вслед за тем уничтожили их

(Федоров-Давыдов 1976: 204-205).

В XIII-XIV вв. в Сарае жили и творили великие писатели и ученые, творившие по-арабски и по-персидски: шейх Сад ат-Тафтазани, написавший ряд книг по риторике и праву; Мухтар ибн Махмуд аз-Захиди (конец XIII в.) — знаменитый имам и знатный факих Ибн Баззази (начало XIV в.), создавший «Изречения ал-Баззази», высоко оцененные современниками и многие другие (ал-Холи 1962: 27-33).

Золотоордынская цивилизация — яркая страница истории мировой культуры. В Золотой Орде был создан пышный имперский стиль, впитавший в себя традиции многих народов, но не в хаотическом скоплении разнородных элементов, а в системе органично слитых явлений, перекрытых мощно звучащими стилями и направлениями, разными в разные периоды существования (Васильев, Горелик, Кляшторный 1993; Федоров-Давыдов 1976). Кроме синкретичного фона домонгольских культур, некоторые из которых имели развитый образный язык, основанный на мусульманских (хорезмская, болгарская) или евразийских кочевых (кыпчаки, кимаки) традициях, в культуре Улуса Джучи нельзя не видеть центральноазиатских и дальневосточных элементов материальной и художественной культуры (Gorelik,

Kramarovsky 1989; Kramarovsky 1989; Крамаровский 1999). Имперская культура Золотой Орды складывалась в результате творческой активности практически всех народов, входивших в состав Улуса Джучи, осваивая принесенный завоевателями на запад культурный репертуар. Наиболее ярко чингисидские традиции проявлялись в культурном круге социально престижных изделий, являвшихся принадлежностью и отличительной чертой военно-служилой знати — крою костюма, системе поясной гарнитуры, предметов оружия и конского снаряжения, других аксессуаров. Разумеется полностью единой эта культура не была, поскольку изначально была строго социально ориентирована. Однако в начале XIV в., по мере роста городов в Улусе Джучи, прежде всего в Поволжье, здесь пышно распускается новая урбанистическая восточная средневековая культура, «культура поливных чаш и мозаичных панно на мечетях, арабских звездочетов, персидских стихов и мусульманской духовной учености, толкователей Корана, математиков и астрономов, изыскано тонкого орнамента и каллиграфии» (*Федоров-Давыдов 1976: 118*). Характерными чертами декоративно-прикладного искусства Золотой Орды являются орнаментальность, полихромность в использовании цветовой гаммы, наличие арабесковых мотивов и т.д. (*Федоров-Давыдов 1976: 120-188*).

Появление большого количества городов в Дашт-и Кыпчаке в XIII-XIV вв. (сейчас их известно около ста) — явление уникальное в истории средневековья. Практически на пустом месте возникли не просто отдельные города, а целая земледельческая область, ставшая центром особой цивилизации, сочетавшей степную кочевническую и оседлую мусульманскую культуры. По образному выражению историка, золотоордынские города периода расцвета «представляли смесь среднеазиатских мечетей и минаретов, изразцов и поливной посуды с деревянными срубам и кочевническими юртами» (*Федоров-Давыдов 1976: 120*).

Все это говорит о том, что в Золотой Орде была создана своеобразная цивилизация, которая, впитывая достижения покоренных народов и соседей, выработала синкретичную, колоритную и пышную культуру. Недаром один из современников — арабский историк Ибн-Арабшах, писал: «Сарай сделался средоточием науки и рудников благодатей, и в короткое время в нем набралась такая добрая и здоровая доля ученых и знаменитостей, словесников и искусников, да всяких людей заслуженных, какой подобная не набиралась ни в многлюдных частях Египта, ни в деревнях его» (*Тизенгаузен 1884: 463*). Расцвет золотоордынской культуры был таким ярким и насы-

ценным, что в свою очередь она повлияла на материальную и духовную жизнь всех окружающих государств.

Несомненно, что кроме чисто экономических, важнейшую роль в появлении и стремительном росте Сарая и других городов, сыграла ханская власть. Возникнув как административно-политические центры, вокруг которых селилась аристократия, города довольно быстро стали местами, чья хозяйственная жизнь была связана с концентрацией, переработкой и перераспределением стекавшихся со всех концов Орды продуктов и богатств. Обслуживание знати стало мощным импульсом, которому обязаны города бурным подъемом экономической и культурной жизни в конце XIII — первой половине XIV вв. — в период наивысшего могущества правивших здесь ханов. Такая тесная связь с центральной властью стала, однако, для городской жизни губительной. В условиях кризиса и разложения империи, города, теряя постоянные источники притока сырья и богатств, начинают быстро хиреть, а потом вообще приходят в упадок. Этому в немалой степени способствовала большая консервативность жизни основной части степного населения, кочевавшего со своими стадами в засушливой степи и, в принципе, не зависевшего от сарайских ханов. Поэтому вместе с ослаблением централизации, власть перемещается из городов в кочевые орды, которые становятся средоточием политической и военной мощи. Но до тех пор, пока симбиоз оседлых и кочевых областей сохранялся, пока ханам удавалось сдерживать сепаратизм знати и удерживать в подчинении покоренные народы, Улус Джучи был непобедим.

Религиозная ситуация в Орде: христианство и ислам.

Особого упоминания требует и религиозная политика ханов Улуса Джучи. К моменту завоевания Срединной Евразии здесь сложилась сложная и неустойчивая конфессиональная ситуация. В Хорезме и в Средней Азии с VIII в. безраздельно господствовал ислам, проникший оттуда в Поволжье, где с X в. стал государственной религией Булгарии. Ислам не только довольно быстро распространился здесь, но и сделался основным стержнем ее этнокультуры. Из этой самой северной точки своего распространения мусульманство, благодаря активности булгар, быстро проникало к народам Волго-Уральского региона. На Руси уже с конца X в. внедрялось православное христианство, к XIII в. оттеснившее все другие верования на периферию народной культуры. Одновременно, на основе христианства в его воинствующей, «крестоносной» ипостаси, шла выработка и идеологической доктрины Владимиро-Суздальской Руси. Другим очагом христи-

анства было побережье Крыма, где, кроме греков, жили еще потомки готов. Здесь же обитали немногочисленные хазары-иудаисты, осколки некогда великого народа Хазарии. В предгорьях Кавказа был другой очаг христианства — аланские княжества. Между этими островками великих религий разливалось море языческих культов и верований. Многие племена, особенно стоявшие на достаточно высокой ступени общественного развития, испытывали значительное влияние мировых религий и служили объектом борьбы за внедрение своей государственной религии, как, например, восточнофинские племена Поволжья были поделены на сферы влияния между Русью и Булгарией. Кыпчаки Причерноморья находились под идеологическим влиянием Руси и частично, особенно правящая верхушка, уже приняли христианство, о чем говорят их имена, такие как Юрий Кончакович и другие. Кимаки и йемеки Заволжья и Приаралья явно склонялись к исламу. Мировые религии, однако, еще не играли ведущей роли в верованиях указанных народов, основная масса которых все еще стойко держалась своих племенных культов, позволявших сохранять их племенную общность и уклад жизни.

Эта картина была полностью изменена монгольским вторжением. В условиях разрушения старых государственных и племенных структур и создания империи Джучидов происходит сдвиг в религиозном сознании населения.

В эпоху формирования государственности и идеологии в империи Чингис-хана, в среде монгольских ханов и их кланов из ближайшего окружения, традиционно был распространены шаманизм и христианство несторианского толка, например, у керейтов и найманов (*Кычанов* 1997: 192). Одновременно монгольские ханы проводили политику терпимости и толерантности (закрепленные еще в «Йасе» Чингис-хана). В этом смысле, очевидно, прав был персидский историк Джувейни (XIII в.), который писал, что Бату-хан «не придерживался ни одной из религий и сект, равным образом не питал склонности к познанию бога (т.е. Аллаха — И.Д., И.И.)». Такое положение, однако, не могло продолжаться достаточно долго.

Уже в период правления Бату-хана и его ближайших потомков происходит яростная борьба за влияние на ханский престол между различными группами знати, знаменем которых стало свое вероучение. Ожесточенность столкновения объяснялась, в частности, тем, что часть джучидов была несторианами. Есть основания полагать, что ими были жена Бату-хана Баракчин и их сын Сартак. Политически

они ориентировались на единую Монгольскую империю и подчинение великому каану. Другая часть знати во главе с Берке-ханом ставила своей целью отделение от Монголии и создание независимого государства. В своей политике сепаратизма эти круги ориентировались на ислам. После недолгой борьбы сторонники хана Берке (1257-1266 гг.) одержали победу, положив начало активному распространению ислама в Улусе Джучи, особенно среди кыпчаков, в некоторых регионах уже прошедших этап исламизации. После завоевания, слома их старой племенной структуры и рассеяния их между улусами новых правителей, прежние племенные культы утратили священность, а их мифология потеряла почву. В этих условиях в общественное сознание кыпчаков Восточной Европы начинает внедряться новая государственная религия — ислам.

Процесс этот был настолько необратимым, что его не смогло остановить даже возвращение к власти несториан и язычников (Менгу-Тимур, Тула-Буга, Туда-Менгу и Токта). В степях и городах Золотой Орды с конца XIII в. все шире начинает распространяться мусульманство. Свидетельством тому служит сокращение числа языческих курганных могильников в Поволжье и Приуралье, появление и распространение мусульманских некрополей (Федоров-Давыдов 1966: 248).

Наконец, в начале XIV в., мусульманская община в городах и в войске настолько усилилась, что смогла возвести на престол своего ставленника — хана Узбека (1314-1342 гг.). Придя к власти, он, по данным ал-Бирзали, «умертвил большое количество уйгуров — лам и волшебников и провозгласил исповедание ислама» (Тизенгаузен 1884: 174). Именно с этого периода ислам становится поистине государственной религией и стержнем имперской идеологии, мусульманское духовенство — важнейшим проводником религиозной политики, получая большие земельные наделы и вакфы (DeWeese 1994: 90-142).

Постепенно в первой половине XIV в. в Золотой Орде складывается иерархическая структура мусульманского духовенства во главе с потомками Пророка — сейидами (сеидами), отражая статус ислама как государственной религии. Привилегированное положение сейидов нашло отражение в источниках, например, в сочинении «Шаджат ал-атрак» (Родословие тюрков) (середина XV в.) после описания принятия ислама Узбеком сообщается: «признак того иля, который с Узбек-ханом пришел с севера (арка) вместе со святым Сейид-Ата тот, что мюриды Сейид-Ата, а у тех людей, которые не являются мюридами Сейид-Ата... (выясняется), что они пришли раньше или присоединились позже»

(Тизенгаузен II: 207). Итак, люди (очевидно, духовного звания) из «иля Узбека» (т.е. из Улуса Джучи) считались мюридами конкретного сейида, причислявшего себя к потомкам святого Ахмеда Йасави.

Золотоордынские сейиды (сеиды) были одним из основных элементов мусульманского духовенства страны, имевшего сложную внутреннюю структуру. Об этом мы можем судить по целому ряду источников. Например, в ярлыке хана Узбека митрополиту Петру содержится обращение к «книжникам, уставодержательникам и учителям людским» (Григорьев 1842), а Ибн-Баттута писал, что султан Джанибек «собрал шейхов, кадиев, правоведов, шерифов, факиров и устроил (им) большой пир» (Тизенгаузен 1884: 291). В ярлыках Токтамыша (1391/2 гг.) и Тимур-Кутлуга (1397/8 гг.) также упомянуты среди должностных лиц «кази-муфтии» и «шейх-машейхи» или «шейхи-суфии» (Березин 1851: 10-15; Федоров-Давыдов 1973: 126; Исхаков 1997: 72-73). Указанные духовные лица, несомненно, находились между собой в иерархической соподчиненности, хотя полностью их структура еще не определена.

В районах, где господствовало христианство, положение было иным. Уже в годы правления Бату-хана православное духовенство получило определенные льготы. При хане Менгу-Тимуре эта политика получила дальнейшее развитие. От его администрации (около 1267 г.) митрополит Кирилл получил ярлык «об освобождении их от всякой дани и налогов, об уважении богослужения их, и об удержании татарских чиновников от обид им и утеснения». Формула его гласила: «сию грамоту, видяще и слышаще от попов и чернетцов, ни дани, ни иного чего не хотят ни возьмут баскаци, княжи писцы, коплужники, таможенники, а возмутъ ине по велицей язе извиняться и умруть» (Памятники...: 467). По этому и другим подобным ярлыкам за оскорбление церковей и веры, уничтожение церковного имущества полагалась смертная казнь. Ярлыки содержали и прямое обращение к русским князьям с призывом соблюдать эти привилегии церкви. Одновременно весьма широкие права были предоставлены христианам в самом Сарае. Уже при хане Берке в Сарае была образована Сарайская православная епископия (1263 г.), способствовавшая дальнейшему укреплению положения православного духовенства в Улусе Джучи и закреплению их привилегий (Сочнев 1993: 107-118). И после принятия мусульманства православная церковь пользовалась громадным авторитетом. Так, в 1313 г., митрополит Петр совершил специальную поездку в Орду и встретил почетный прием, добившись закрепления льгот духовенства

(*Русское православие* 1989: 72-76). Это, кстати, опровергает позднейшие церковные легенды о церкви как организаторе борьбы против «татарщины». Как раз наоборот, сильная ордынская власть являлась залогом дальнейшего процветания церкви. Недаром святыми в русском православии были названы тверские князья, подчинившиеся хану и встретившие свою смерть, не начав открытого сопротивления.

В целом же, несмотря на явное преобладание ислама, в Улусе Джучи в первой половине XIV в. сохранялась веротерпимость. В городах Поволжья наряду с мечетями строились и церкви, и синагоги, а у каждой конфессиональной группы населения были свои кладбища. В Сарае проживали многие народы — монголы, асы (аланы), кыпчаки, черкесы, русские, византийцы — «каждый народ живет на своем участке отдельно», — пишет арабский путешественник Ибн-Баттута, добавляя, что там же в их кварталах располагаются их церкви (*Тизенгаузен* 1884: 306). И это не случайно. Создав великую империю, ханы Улуса Джучи стремились соединить всех своих подданных, какой бы веры они не придерживались, в единую общность. Отсюда их стремление поставить все духовенство себе на службу, понимая, что именно от их политики будет исходить могущество трона Золотой Орды. Главное для ханов было не вероисповедание своих подданных, а их лояльность власти, личная преданность хану, вера в святость «дома Чингис-хана». Недаром эмиры в ответ на требование хана Узбека принять ислам, ответили: «Ты ожидай от нас покорности и повиновения, а какое тебе дело до нашей веры и каким образом мы покинем закон и устав (йасу) Чингис-хана и перейдем в веру арабов» (*Тизенгаузен* 1941: 141). Поэтому, хотя ислам и играл значительную роль при дворе ханов и служил идеологической санкцией на власть (в отличие от Юаньской империи и Хулагуидского Ирана, где ею была «Йаса» Чингис-хана), в среде знати, особенно кочевой, мусульманство часто было внешней оболочкой, артикулированной на обрядовой стороне жизни, прикрывавшей рыцарский комплекс чести, местные культы святых и суеверия (*DeWeese* 1994: 231-319).

В единой империи Джучидов правители следили скорее за лояльностью своих подданных, а не за их верой. Поэтому нередки были случаи выдвижения на верховные посты в Орде несториан и даже язычников. Веротерпимость была как бы всеобщей, а основной политической доктриной — своеобразной религией — стал «чингизизм» — вера в божественность власти ханов из династии Чингис-хана. Лишь с середины XIV в. мусульмане, благодаря усилению

влияния городской аристократии и военной знати, вытесняют иноверцев. По мере же распада Улуса Джучи эти тенденции все больше выходят на поверхность, обнажая религиозные противоречия между ее моноконфессиональными областями. И очень скоро от веротерпимости Орды не останется и следа, а ее части сойдутся в ожесточенных религиозных войнах, утверждая свою власть.

Хан и знать Орды: структура власти и управления. Нанести поражения в многочисленных войнах народам, жившим на огромной территории Восточной Европы и Центральной Азии, монголам удалось довольно легко, но покорить и удержать их в орбите своей власти оказалось значительно труднее. Не случайно многие кочевые империи исчезали в горниле истории сразу же после смерти своих создателей. Поэтому умудренный тысячелетним опытом потомок киданьских императоров Елюй Чуцай, ставший советником Чингис-хана, говорил: «Основать империю, сидя верхом на коне можно, но управлять ею сидя в седле нельзя». Следуя этому правилу, чингисиды на всей территории обширной, разнородной и многонациональной империи, создавали сложную и разветвленную административную систему. В Улусе Джучи она начала складываться уже в 40-х годах XIII в., а в первой половине XIV в. административно-территориальная структура Золотой Орды уже выкристаллизовывалась и позволяла достаточно эффективно осуществлять контроль над всеми областями империи.

Золотая Орда со всеми ее землями и населением принадлежала роду Джучидов, из которого и происходили все ханы, правившие страной в XIII-XIV вв. Рубрук, проезжавший по землям Улуса Джучи, в середине XIII в. писал: «Они (т.е. монголы — Д.И., И.И.) поделили между собою Скифию, которая тянется от Дуная до восхода солнца; и всякий начальник знает, смотря по тому, имеет ли он под своею властью большее или меньшее количество людей, границы своих пастбищ. А также, где он должен пасти свои стада зимою, летом, весною и осенью. Именно зимою они спускаются к югу в более теплые страны, летом поднимаются на север в более холодные» (*Путешествия...*: 91).

Ханам принадлежала верховная власть в стране и суверенитет над ее территорией. Именно они наделяли улусами и должностями других чингисидов и своих вассалов, осуществляли внутреннюю и внешнюю политику, в том числе устанавливали новые законы, вводили налоги, чеканили монету и командовали войсками. Плано Карпини, описывая власть хана Улуса Джучи в середине XIII в.,

пишет: «Император этих Татар имеет изумительную власть над всеми. Никто не смеет пребывать в какой-нибудь стране, если где император не укажет ему. Сам он указывает, где пребывать вождям, вожди же указывают места тысячникам, тысячники сотникам, сотники же десятникам. Сверх того, во всем том, что он предписывает во всякое время, во всяком месте, по отношению ли к войне. Или к смерти, или к жизни, они повинуются без всякого противоречия» (*Путешествия...*: 45). В период расцвета империи власть их была так велика, а авторитет на Востоке настолько значителен, что даже такой независимо мыслящий историк, как Ибн-Халдун, выделяя ханов Орды среди других чингисидов, приравнивал их к великим монгольским каанам, называя «обладателями тронов». Престолонаследие в Орде не было четко установлено и наряду с прямым наследованием от отца к сыну, власть довольно часто переходила к другим ветвям рода Джучидов, которых поддерживали на курултаях кланы столичной и кочевой знати. Так, после короткой, но жестокой борьбы за власть на престол Орды взошли ханы Берке, Токта и Узбек. Подобная практика избрания ханов делала их заложниками своих могущественных вассалов, позволяя, зачастую, главам таких кланов, по существу, контролировать ханскую власть, как это делали Ногай и Мамай.

Одновременно в Улусе Джучи, как и во всех империях, следовавших этнополитическим традициям Тюркских каганатов, существовал институт соправительства, когда наряду с ханом в одной из частей державы (крыле) правил государь («вице-хан»), чей статус уступал только сюзеренитету верховного правителя, таким соправителями были Бату и Орда. Постепенно, однако, реальная власть соправителя перешла к улуг карачи беку (беклярибеку), управлявшему правым крылом Ак-Орды. Возможно, при этом, что формальный статус соправителя всего Улуса сохранялся за ханами Кок-Орды, которые использовали его как предлог для участия в смуте 60-70-х годов XIV в. (*Трепавлов* 1993: 76-96).

Административно-территориальная система Орды была похожа на внутреннее устройство других кочевых империй Евразии, ведущих свою родословную от гуннской державы, в которой все земли государства были разделены на две части — правую и левую стороны (крылья). Подобная структура находила основание в военной организации, то есть военной знати, приписанная к каждому крылу, во время военных кампаний четко знала свое место во время сбора войск и в сражении. Со времен Бату-хана к правому крылу (Ак-Орде) относились улусы самого хана, Берке, а к левому крылу

(Кок-Орде) — Орды-иджена, Тука-Тимура, Шейбана и других. Оба крыла составляли достаточно автономные образования, хотя и подчинялись единому хану и были обязаны ему военной службой. Возможно, конкретные очертания крыльев восходят к домонгольскому времени, когда кыпчаки восточноевропейских степей имели этнополитическую общность, отличную от йемеков Заволжья.

Внутри, Ак-Орда и Кок-Орда, в свою очередь, делились на улусы, в которых также правили потомки братьев Бату-хана и Орду, носившие титул «оглан» (царевич). Правом наделения улусами пользовался хан, который мог передавать во владение особо отличившихся феодалов определенные земли: так, Бату-хан, изъяв часть владений Берке, присоединил их к своему улусу, а хан Токта передал Крым карачи беку Ногаю за особые заслуги. Принадлежность к царствующему дому давала огланам, кроме прав на земельные владения, еще возможность занимать военные и чиновные должности. Сама система улусов с XIII в. прошла длительный путь эволюции от держания на время службы до наследственного тарханного владения. Владетель улуса был обязан платить своему сюзерену определенный налог и приводить под его знамена свои войска или нести чиновную и дипломатическую службу. В случае невыполнения этих обязательств или недовольства своим вассалом, хан мог лишить его улуса. Так, хан Бату отобрал Восточный Прикаспий у брата Берке, а тот после серии военных поражений своего полководца хана Хуррумши (Куремсы), передал его приднепровский улус в управление багатуру Бурундаю; хан Токта вел войну, чтобы отнять улус у Ногая. Судя по источникам, в Орде шел активный процесс дробления улусов. Если в середине XIII в. крупных и влиятельных эмиров было около двенадцати (*Путешествие...*: 44-45), то через пятьдесят лет их число стало доходить до пятидесяти или семидесяти (*Тизенгаузен* 1884: 63, 168, 192). Это, в частности, находит подтверждение в сведениях арабского историка ан-Нувайри, который, описывая съезд (курултай) высшей знати, собравшейся в 1316 г. в ставку хана для решения вопроса о выдаче дочери Узбек-хана замуж за султана Египта, писал, что на него «собрались... эмиры, начальники десяти тысяч всего 70 эмиров» (*Тизенгаузен* 1884: 168).

Точные границы ханского улуса в XIV в. не совсем ясны, но есть одно интересное сообщение ал-Омари, что хан был «государем Сарая, Хорезма, Крыма и Дашт-и Кыпчака» (*Тизенгаузен* 1884: 250), что можно трактовать как указание на размеры личного домена правителей Золотой Орды. Несомненно, что внутри ханское владение также

делилось на четыре крупных улуса, которые в свою очередь состояли из более мелких феодальных держаний, о чем свидетельствует, в частности, рассказ «О путешествии Пимена в Царьград», в котором при описании поездки по р. Дон упоминается, что путники «минухом Великую Луку и царев Сарыхозин улус... В четверток же плывуще минухом Бек-Булатов улус... в неделю же шестую, Слепаго, плывуще минухом Ак-Бугин улус» (ПСРЛ. XI: 96). Другое сообщение содержится в записках Ибн-Баттуты, который, описывая путешествие с одной из жен хана Узбека, отмечал, что «каждый эмир в этом крае сопровождал хатунь с войском своим и до крайнего предела своего участка» (*Тизенгаузен* 1884: 303). Не исключено, что именно из этого ханского домена происходили большей частью те 70 эмиров и темников, которые собирались при дворе хана для решения важнейших государственных дел.

Управление этими землями, по словам средневековых источников, «по принятому обычаю», (аналогичная система практиковалась во многих кочевых тюркских государствах), от имени хана осуществляли четыре улусных эмира — карачи бека или улусбека. На важное, почетное положение карачи беков, указывает в частности свидетельство Ибн Баттуты о приеме у хана Узбека: «Главные эмиры восседали на креслах справа и слева от хана... При входе в шатер находились представитель (наиб), везир, казначей (хасиб) и хранитель печати, которую они называют ал тамга... Все четверо встали, когда я вошел» (цит. по: *Шамильоглу* 1993: 49). Их функции были достаточно разнообразны, так как они распоряжались частью земельного фонда и городскими службами, контролировали сбор налогов и пошлин, вели судопроизводство и, самое главное, выставляли определенное количество воинских контингентов. Одновременно карачи беки были главами четырех правящих кланов в Улусе Джучи, как это было в других государствах чингисидов и в поздних татарских ханствах (*Schamiloglu* 1984; *Шамильоглу* 1993). Скорее всего, именно улусбеки следили за строгим выполнением каждым феодалом своих вассальных отношений на вверенных ему землях, собирая войска на периодические смотры. Кроме того, каждый улусбек владел крупным леном, который был источником его личных доходов вне государственной службы. Наиболее известными карачи беками были Кутлуг-Тимур, который во время правления хана Узбека управлял Дашт-и Кыпчаком, а потом Хорезмом, Мамай и Идегей, управлявшие державой при номинальных ханах.

Эти карачи беки, как становится ясным из указания Ибн Баттуты и других источников, формировали высшую административно-военную

власть в Золотой Орде. Назначаемые ханами улуг карачи бек или беклярибек (как правило он был одним из улусных эмиров) и везир осуществляли непосредственное управление сложным государственным аппаратом и войском, проводя внешнюю и внутреннюю политику хана, который, по словам источников того времени, «из дел своего государства обращает внимание только на сущность дел, не входя в подробности обстоятельств, и довольствуется тем, что ему доносят, но не доискивается частных относительно взимания и расходования (средств)» (*Тизенгаузен* 1884: 230). Очевидно, что оба высших администратора руководили многочисленным и сложным аппаратом чиновников всех рангов.

Самую высокую должность при дворе хана имел улуг карачи бек или эмир-ул-умара («эмир над эмирами») или беклярибек («бек над беками»), которого именовали «наместником хана». В письмах египетского султана беклярибеку хана Джанибека Кутлубуге Инаку из египетской канцелярии, он именуется как «правитель в землях Узбека... высокостепенство эмирское, великий, ученый, правосудный, укрепитель, пособник, устроитель... величия ислама и мусульман, глава эмиров двух эмиров, поборник воителей и борцов за веру, вождь ратей, предводитель войск... пособник царей и султанов, меч повелителя правоверных» (*Тизенгаузен* 1884: 348). Судя по этой пышной титулатуре, великий эмир был командующим всем ханским войском («вождь ратей, предводитель войск», «меч повелителя правоверных») во время военных компаний, поскольку ханы, формально считаясь главнокомандующими, непосредственно в боевых операциях участвовали редко. Так, в Азербайджане против Хулагуидов воевал при хане Берке Ногай, а при Узбеке — Кутлуг-Тимур. Другой сферой деятельности беклярибека была дипломатия и, хотя переписка формально велась от имени и по поручению хана, основные переговоры вел сам улуг карачи бек, обговаривая условия договоров и давал инструкции послам, судя по сообщениям египетских источников (*Тизенгаузен* 1884: 324).

В руках великого эмира была также сосредоточена судебная власть, особенно по светским вопросам. По словам Ибн Баттуты, посетившего канцелярию беклярибека Кутлуг-Тимура во время суда, там присутствовал кади (судья) вместе с правоведами и «один из старших эмиров, при котором восемь (других) старших эмиров», причем «что относится к делам религиозным, то решает кади, другие же дела решают эти эмиры» (*Тизенгаузен* 1884: 311-312). Кроме того, беклярибек продолжал управлять одним из улусов Золотой Орды. Чаще всего, видимо, центральными — Дашт-и Кыпчак или

Сарай, как об этом можно судить из факта перевода разжалованного великого эмира Тимур-Кутлуга из улуса Дашт-и Кыпчак в Хорезм.

Все это делало улуг карачи бека не просто одним из карачи беков или эмиром над эмирами, но ближайшим помощником и наместником хана, ключевой фигурой государства, державшего все нити управления военно-ленной системой империи в своих руках. Такая власть позволяла наиболее выдающимся из них (Мамай и Идегей) в отдельные периоды истории даже самостоятельно управлять Ордой при номинальном участии хана.

Не меньшей, хотя и менее заметной, властью обладал, очевидно, везир. Он был советником хана, главной дивана — центрального исполнительного органа. Недаром в письме египетского султана везиру Хусамеддину Махмуду по прозвищу «Диванный», его уважительно величают «везир ханский» в землях Узбека, «высокостепенство эмирское, великий... полновластный, покровительствующий... славе ислама и мусульман, величие эмиров и везирей в двух мирах, краса полновластных, единственный из близких друзей, сокровище государства, советник царей и султанов» (*Тизенгаузен* 1884: 348-349). В его ведении находилась канцелярия, состоящая из нескольких палат во главе с секретарями (*Березин* 1850: 10; *Усманов* 1979: 211-226) и управлявшая финансово-фискальной политикой и внутриполитическими делами. Посредством огромного бюрократического аппарата на местах, она занималась организацией сбора даней с покоренных народов, установлением налогов и пошлин. Особой прерогативой везира было также право назначать и смещать всех многочисленных чиновников империи, ведающих финансами и налогами всех категорий, которых в Золотой Орде было не менее восемнадцати (*Усманов* 1979: 216-217). За внешне неприметной деятельностью канцелярии везира стояла и важнейшая функция по обеспечению жизнеспособности государства, стабилизации внутренней жизни империи. Возможность распоряжения казной давала везиру огромную власть при ханском дворе, что подчеркивает средневековый историк ал-Омари, который писал: «везир — настоящий султан, единовластно распоряжается денежной частью, управлением и смещением, даже в самых важных делах» (*Тизенгаузен* 1884: 249).

Кроме этих центральных властей, внутри Улуса Джучи существовала разветвленная система гражданского чиновничества и иерархическая военно-ленная организация, пронизывающая сверху донизу все государство. Однако подлинной опорой государства, его становым

хребтом, была знать, которая со своим кланом (*илем*) кочевала в бескрайних степях Дашт-и Кыпчака. Часть ее поступала на ханскую службу, переселялась в города и становилась основой городской чиновной аристократии, но большая оставалась в своих кочевьях. Многие из них под воздействием цивилизации стали менять образ жизни. В местах зимовий стали появляться оседлые поселения и даже настоящие замки, ничем не отличающиеся от описанных ал-Омари вокруг Сарая. Здесь жил не только феодал со своим двором, но и группировались ремесленники и торговцы. Все это способствовало концентрации в руках степной аристократии огромных богатства. По словам ал-Калкашанди, крупные лены позволяли получать колоссальный ежегодный доход до ста и даже двухсот тысяч египетских динаров (*Тизенгаузен* 1884: 244).

Крупные земельные владения и регулярные доходы от торговли и военных предприятий позволяли знати содержать многочисленные дружины тяжеловооруженных профессиональных воинов. Арабские источники содержат упоминание о пяти эмирах, которые содержали тридцать тысяч всадников с полным вооружением (*Тизенгаузен* 1884: 43). Несомненно, что это была огромная армия, а средняя численность дружин эмиров-темников колебалась, видимо, от пяти до десяти тысяч воинов. Исследования археологов и оружейников показали, что бытовавшее долгое время представление о татарских (монгольских) воинах, как легковооруженных всадниках, было неточным. Изучение предметов вооружения, письменных и изобразительных источников позволило сделать вывод, что золотоордынские всадники XIII-XV вв. имели разнообразное вооружение, включавшее как наступательное вооружение: сабли, булавы, боевые топоры и пики, так и защитное снаряжение, состоявшее из различного вида металлических и кожаных панцирей, шлемов и щитов, а также конских доспехов (кояров) (*Горелик* 1983; 1987; *Худяков* 1991; *Измайлов* 1988). Тактика полевого боя включала как бой на дистанции (стрелометание), так и удар сомкнутых масс конных копейщиков. Применялись стратегические и оперативные маневры, охваты, фланговые удары и засады. Войско было неприхотливо, так как воины должны были снабжать себя сами. По источникам каждый кавалерист должен был брать в поход «двух слуг, тридцать голов овец, пять голов коней, два медных котла и телегу для перевозки оружия» (*Тизенгаузен* 1884: 240). Благодаря этому войско татар было маневренным, быстрым и могло совершать длинные переходы, не теряя боеспособности. Общую

численность войск Золотой Орды установить точно довольно сложно из-за скудности и неточности источников. Хотя некоторые данные источники сохранили. Например, ал-Омари пишет, что, когда хан Токта собирал армию против Хулагуидов, он взял из каждого десятка (людей) по одному человеку, и число отряженных дошло до 250 тысяч воинов (*Тизенгаузен* 1884: 240). Вряд ли Орда была способна снаряжать такую огромную армию для всех военных кампаний, но собрать войско в сто тысяч воинов, не исчерпав мобилизационных ресурсов страны, ханы, несомненно, были в состоянии (*Тизенгаузен* 1884: 245). Костяк этого войска составляли мелкие держатели икта, своеобразное кочевое рыцарство, для основной массы которых военная служба была основой их существования. Постоянная военная подготовка и почти непрерывные войны и небольшие военные конфликты способствовали тому, что они имели огромный боевой опыт и были искусными и обученными профессионалами. Опираясь на слой рыцарей (мергенов, батыров и казаков), эмиры и карачи беки представляли решающую силу в политике Золотой Орды. Именно они составляли большинство тех семидесяти эмиров, с которыми советовались ханы при решении важнейших государственных дел, и их поддержка была особенно важна по вопросу о престолонаследии.

Весьма важную роль в общественной жизни Улуса Джучи играл съезд аристократии — курултай — специфичный сословно-представительный орган. Как общественный институт, он возник у кочевых народов еще в эпоху классообразования и был формой народоправства. Однако позднее его функции узурпировали аристократы — главы кланов и вожди военных дружин. Обычно курултай представлял собой собрание титулованной знати — представителей рода Джучи, наиболее знатных и могущественных эмиров и верхушки духовенства — тех самых семидесяти главнейших эмиров страны. Именно они решали важнейшие для государства вопросы о престолонаследии (о возведении или низложении хана), о заключении договоров (как правило, связанных с территориальными уступками) и о женитьбе или выдаче замуж потомков Чингис-хана. По существу, курултай служил органом, выражавшим коллективные интересы знати, опиравшейся на свое военное могущество. Он был силой, сдерживавшей стремление ханов к единодержавию и сепаратизм феодалов и следивший за сохранением традиционных правоотношений в обществе. Одновременно он был своего рода демократической (феодальной) альтернативой самодержавию. В разные годы существования

Улуса Джучи роль и значение курултая были различны, то ханы укреплялись, подчиняя своей власти знать, то аристократия, вынуждала ханов идти ей на уступки. Сколь бы интересы знати не совпадали, различия в ее среде также были весьма значительны.

В западной части Орды, по мнению Г.А. Федорова-Давыдова, развитие феодализма во второй половине XIV в. привело к укреплению наследственных форм держания тарханов (Федоров-Давыдов 1973: 124-127). Расширение практики их выдачи привело не только к укреплению экономической и военной мощи крупных феодалов, в первую очередь улусбеков, но и к усилению их желания получить доступ к рычагам центральной власти, что неизбежно вело к резкому обострению внутренних конфликтов и росту центробежных сил.

Вместе с тем, росло влияние и чиновной знати Сарая, концентрировавшей в своих руках управление механизмом поступления и перераспределения огромных богатств. Все это вело к усилению противоборства между различным кланами знати за получение доступа к рычагам центральной власти и, одновременно, против чрезмерной централизации управления. В итоге явственно обострились и другие внутренние конфликты, что вело к росту центробежных сил.

В середине XIV в. все эти тенденции зрели лишь подспудно и современникам империя Джучидов казалась «мировой державой», которую султан Мамлюкского Египта Бейбарс в 1263 г. с почтением уведомлял о «принятии подданства и подчинения», причем эти отношения номинального суверенитета Орды длились до конца XIV в. Изожряясь в славословии, египетские султаны называли Узбек-хана «его высокое величество, султан, великий, брат, любезный, знающий, справедливый, крупнейший хан, единственный в своем роде, шахиншах, правитель, Узбек ильхан, султан ислама и мусульман, единственный среди правителей и султанов, опора царства, султан монголов, кыпчаков и тюрков, краса современных правителей, столп дома Чингисхана, обладатель трона и короны, поддержка богобоязненных, клад верующих».

Несомненно, что и в глазах других правителей Европы и Азии, ханы Золотой Орды были именно такими — великими, благородными и ужасными. Никто, видимо, даже не мог представить, что этот «столп дома Чингис-хана» уже подточен внутренними противоречиями и готов рухнуть в любую минуту.

Становление татарского этноса. Монгольское нашествие, прокатившееся в первой половине XIII в. по Азии и Европе, практически полностью разрушило прежнее течение жизни в цивилизованном

мире. Последствия походов Чингис-хана и его потомков, несмотря на их грандиозность, не привели, видимо, к массовому переселению в Восточную Европу и на Ближний Восток новых кочевых племен. Однако именно они сделали возможным создание империи Чингисидов и распространение здесь нового этнонима — «татары».

Формирование структуры золотоордынского государства приводит к последовательному изживанию принципов племенного устройства. Обширные завоевания, произведенные монгольскими ханами, разрушение привычного миропорядка и возникновение в короткий срок новых империй, вызвали шок у современников — «летописи не содержат ничего (сколько-нибудь) сходного и подходящего» (*Тизенгаузен* 1884: 2) и желание больше узнать о таинственных пришельцах. И первое, что они выяснили, было их имя — «татары», которое просвещенные авторы Европы и Востока пытались объяснить в мифических образах и связать их происхождение с легендарными народами (Гог и Магог христианской или Йаджудж и Маджудж восточной традиций), якобы изгнанных Александром Македонским на край света. А европейцы нередко переосмысливали их имя как «выходцы из Тартара», то есть преисподней, что, благодаря трудам многих известных историков XIII в. (Матфея Парижского, Роджера Бекона и др.) глубоко врезалось в общественное сознание европейских народов (*Матузова* 1979: 137, 148, 153, 157, 207; *Дробинский* 1948: 125-127).

К концу XIII в., однако, когда европейцы, в основном благодаря путешествиям христианских миссионеров ко двору монгольских ханов, ближе познакомились с жизнью и историей «татар», в научный оборот стали входить новые, более реалистичные версии об их происхождении. Первые европейские монахи, проникавшие вглубь евразийских степей в надежде найти союзников против татар в лице жителей царства пресвитера Иоанна или «Великой Венгрии», к своему удивлению узнали, что татары отнюдь не завоеватели, а покоренный народ, и к тому же под их именем часто скрывается целый конгломерат покоренных народов. Характерен такой отрывок из письма венгерского монаха-францисканца Юлиана: «Во всех завоеванных царствах они без промедления убивают князей и вельмож, которые внушают опасения, что когда-нибудь могут оказать какое-либо сопротивление. Годных для битвы воинов и поселян они, вооруживши, посылают против воли в бой впереди себя. Других же поселян, менее способных к бою, оставляют для обработки земли... и обязывают тех людей впредь именоваться татарами» (*Аннинский*

1940: 67). Другой путешественник — Плато Карпини, побывавший с папским посольством при дворе великого хана в Каракоруме, даже назвал свой трактат «История монголов, именуемых нами татарами». Но в тексте своей «Истории» он употребляет название «татары» как имя завоевателей, ставшее уже привычным для европейцев, хотя и упоминает о многих племенах, входивших в состав «страны Татар» (*Путешествия...*: 57). Об этом же свидетельствует и Гильом Рубрук, который основываясь, видимо, на рассказах самих монголов из Каракорума, пишет, что они «не желают именоваться христианами, желая свое название, т.е. Моал, превознести выше всякого имени; не желают они называться и татарами. Ибо Татары были другим народом» (*Путешествия...*: 114, 115). О татарах же он «узнал следующее»: это было одно из племен живших рядом с монголами и способствовавших возвышению Чингис-хана, которых он «повсюду посылал вперед... и отсюда распространилось их имя, так как везде кричали: «Вот идут «Татары». Но в недавних частых войнах почти все они были перебиты. Отсюда упомянутые Моалы ныне хотят уничтожить это название и возвысить свое» (*Путешествия...*: 116). Это известие стало довольно популярным в Европе, о чем говорит практически дословное повторение его в ряде историко-географических сочинений, в частности Р. Бэкона (*Матузова* 1979: 189-234). Позднее, в конце XIII — начале XIV веков в Монголии и Китае побывал целый ряд купцов и деятелей католической церкви, оставивших свои описания увиденного, среди которых особенно выделяются книги Марко Поло, Монтекорвино, Одорика и Дж. Мариньоли (*Поло* 1990; *После Марко Поло*). Самые точные и подробные из них — воспоминания Марко Поло — широко использовались политиками, купцами и картографами вплоть до XVI в. (*Гольман* 1988: 24-28). Между тем, он постоянно называет всех жителей империи Чингисидов татарами, если, это, конечно, не исправления переписчиков. Как бы то ни было, ясно, что европейцы, даже хорошо знавшие реалии жизни в Монголии, чаще называли ее жителей татарами и только изредка монголами, следуя, видимо, традиции.

Армянские историки, также хорошо знавшие завоевателей Закавказья, описывая их, разделяют между собой «татар» и «мугал-татар», причем о последних пишут, что они племя «из хазар, из гуннов, из гатийцев, из анкитанов и множества других варварских племен», а также называют их иногда «народом стрелков» (*Гандзакеци...*: 152-182; *Галстян* 1977: 166).

Византийская историография, отличающаяся особой консервативностью, пыталась связать имя новых завоевателей с традиционными, известными еще с античных времен названиями азиатских племен, которые имели отдаленное и, очевидно, чисто фонетическое сходство. Например, старший современник завоеваний Георгий Пахимер (1242-1310 гг.) везде называет монголов «тохарами»: «*тохары*, называемые в просторечии *атарами*, растеклись по Персии, наподобие бурно текущего потока» (Лебедев 1944: 92). Тем самым, в полном соответствии с «принципом тождества», возводя имя татар к античному народу тохарам, о реальных этнических корнях которых с монголами, он, определенно, не имел никаких сведений (также см.: Успенский 1992: 194-202).

Восточные (арабские и персидские) источники нередко именовали их и монголами (Рашид ад-Дин, Джувейни), и татарами (особенно, Ибн ал-Асир, ан-Насави), довольно часто различая их. Осведомленный в реальной обстановке в Монголии, придворный историк ильханидов Рашид ад-Дин писал: «Они (татары) в глубокой древности большую часть времени были покровителями и владыками большей части (монгольских) племен и областей (выделяясь своим величием, могуществом и полным почетом (от других)). Из-за (их) чрезвычайного величия и почетного положения другие тюркские роды, при (всем) различии и разрядов и названий стали известны под их именем и все назывались татарами» (Рашид ад-Дин I, 1: 102), однако в начале XIII в. татары потеряли прежнее значение, и главенствующее положение в степях захватили, поддерживавшие Чингис-хана, монгольские роды (Рашид ад-Дин I, 1: 102; II: 63 и сл.).

Русские летописи и другие письменные памятники, в отличие от других источников, практически без исключения называют войска монгольских ханов «татарами». «Прийдоша языци незнаеми... безбожники Моавитяне, рекомии Татарове, их же добре никто весть ясно кто суть и отколе приидоша и что язык их и которого племени суть и что вера их. И зовут их татары, а инии глаголять таурмени, а друзии печенези...» (ПСРЛ I: 463). Можно предполагать, что летописец в этом пассаже хотел связать имя новых завоевателей с известными, традиционными названиями тюркских степных народов или также подчеркивал многоэтничность завоевателей, которые скрывались под именем «татар».

Синхронные китайские источники знают как татар, так и монгол. Из текста официальной истории монгольской династии Юань «Мэн-да бей-лу» («Полное описание монголо-татар») следует, что завоева-

телей китайцы называли «татары» или татаро-монголы», включая в их число не только монгольские, но и тюркоязычные, и даже тунгусо-манчжурские племена (*Мэн-да бей-лу*: 92-94). Несомненно, в данном конкретном случае историки сталкиваются с характерным для китайской историографией переносом традиционного термина «да-да» («татар») на монголов («*мэн-гу жэнь*»), что преследовало цель унижить их, так как в китайской традиции он имел уничижительный оттенок, со скрытым смыслом «дикий», «грубый» (Делай 1983: 63). Характерно также, что термин «татар» здесь имел, определенно, надэтнический характер, и обозначал не этнических татар, а всех завоевателей-некитайцев. Одновременно, в официально юаньской традиции монгольская династия называлась «правлящая династия («го-чао»), а монголы, соответственно, как «люди правящей династии» («го-чао жэнь»), то есть привилегированный слой, принадлежащий к монгольским родам.

Судя по анализу письменных источников, определенно можно сказать, что правящая верхушка знати Великого Монгольского государства («Еке Монгол Улус») предпочитала называть себя «монгол» (*Мэн-да бей-лу*: 92-94; *Мункуев* 1977: 378-385; *Михайлов* 1993: 179-198). По словам Рашид ад-Дина, целый ряд племен «подобно джалаирам, татарам, ойратам, онгутам, кераитам, тангутам и прочим, из которых каждое имело определенное имя и специальное прозвище — все они из-за самовосхваления называют себя монголами, несмотря на то, что в древности они не признавали этого имени» (*Рашид ад-Дин* I. 1: 102). Под именем «татар», очевидно, понимались остатки разгромленных народов, собранных в особые войска. Не исключено, что основная часть этих разноплеменных отрядов была передана в улус Джучи и его потомкам, так как собственно монголы составляли лишь 4 тысячи человек, а остальные были «из войск русских, черкесских, кыпчакских, маджарских и прочих, которые присоединились к ним» (*Рашид ад-Дин* I. 1: 275). Несомненно, что еще на этапе формирования первоначального ядра империи монголы тесно соприкасались с тюрками, которые входили в состав их державы и участвовали в завоевательных походах чингисидов. Особенно сильны были, видимо, позиции тюрков в Улусе Джучи, где часть кланов *найманов, уйгур, канглов и онгутов* приняла участие в формировании Золотой Орды (*Bregel* 1982; *Кадырбаев* 1993).

Вместе с тем, исследователи неоднократно отмечали, что поиски археологических «следов» пребывания монголо-татар в степях Восточной Европы, начатые еще в начале (*Спицын* 1927) и продолженные

во второй половине нашего века (Зяблин 1955: 83-96; Федоров-Давыдов 1966: 150-160), привели исследователей к мысли, что их чрезвычайно мало и выделение их не бесспорно (Яминов 1997: 66-69; Костюков 1997: 11-12), а также, что «монгольский этнический компонент (а с ним и монгольский культурно-исторический пласт) практически не прослеживается в кочевых комплексах основной территории Золотой Орды. Исключениями являются некоторые женские погребения, содержащие *бокку* (вид головного убора). Что же касается мужских захоронений, то этническая атрибуция погребенных сомнительна даже в тех случаях, когда костюм и вооружение выполнены в «монгольской» традиции» (Kramarovsky 1989: 259).

Этот факт повергает сторонников «археологической этногенетики», привыкших рассматривать этнический процесс механистически, как взаимодействие — диффузию или комбинирование элементов археологических культур — «этнических» или «этнодиагностирующих» признаков, в «культурный шок». Результат — формирование «татарского» этноса в недрах Золотой Орды — не только не вытекал из анализа археологических материалов, но и прямо им противоречил. Выход из этой проблемной ситуации «археоэтногенетики» видят в двух различных направлениях. Сторонники первого считают, что, поскольку археологическая ситуация в степях Восточной Европе и Центральной Азии кардинально не изменилась, то здесь продолжали обитать прежние племена кыпчаков, с которыми «произошел своеобразный камуфляж» — монголы и кыпчаки в Золотой Орде стали частью называться (им был «навязан» новый термин) татарами, а в большинстве своем сохранили прежние этнонимы (Гумилев 1993: 47; Халиков 1985: 16; Плетнева 1990: 185-188), хотя некоторые историки вообще отрицают даже использование этнонима «татары» населением Золотой Орды, считая его европейским экзоэтнонимом (Алишев 2000: 52-59). Теория «этнического камуфляжа», сколь привлекательной и простой для понимания она ни была, никак не объясняет только одно: *как и почему* монголы и кыпчаки сменили свой этноним на татарский. Последователи другой, беря за основу тот же тезис неизменности древностей кыпчаков в предмонгольское и золотоордынское время, делают попытки доказать, что татары уже в Центральной Азии были тюркоязычными и составляли значительное число кыпчаков, переселившихся в Северное Причерноморье, Подонье и Заволжье, при этом татары-завоеватели в культурном и языковом отношении были так близки, что без следа растворились в среде

татар-кыпчаков (*Фахрутдинов* 1992: 55-57; 1993: 9-11; 1993а: 6-14). В обоих случаях явно заметна попытка решать проблемы этнологии квазиэтнологическими методами, заменяя анализ этнических процессов в средневековье изучением соотношения археолого-этнических признаков в разные периоды истории и рассмотрением лингвистической ситуации. Между тем, проблема этнической ситуации в Дашт-и Кыпчаке не в количестве татар, монгол или кыпчаков, соотношении их культур и языков, а в сути этносоциальных и этнокультурных процессов протекавших в Улусе Джучи во второй половине XIII в., которая состоит в установлении нового этнополитического порядка и формировании соответствующей структуры сознания и идентификации.

Несмотря на то, что собственно татар и монгол в степях Восточной Европы было, видимо, довольно немного, создание Улуса Джучи и становление его социальной структуры полностью изменило этнополитическую ситуацию в регионе (*Измайлов* 1993: 22-24) и несмотря на сохранение среди кочевников в этом регионе кланового деления, оно приобрело совершенно иной характер, во многом основанный на личной лояльности новым правителям, а не на прежних кровнородственных отношениях (*Golden* 1992: 291-293).

Между тем, в трудах ряда историков можно встретить утверждения, что монголы были быстро ассимилированы кыпчаками, в подтверждение чего обычно ссылаются на слова арабского историка середины XIV в. ал-Омари: «Земля одержала верх над природными и расовыми качествами их (татар), и все они стали точно кыпчаки, как будто от одного (с ними) рода, оттого что монголы (и татары) поселились на земле кыпчаков, вступили в брак с ними и оставались жить на земле их» (*Тизенгаузен* 1884: 235). Этот пассаж, по мысли многих историков и археологов, прекрасно объяснял значительное сходство археологических материалов XIII-XIV вв. с более ранними домонгольскими, а в этническом плане доказывал сохранение кыпчакского этноса, воспринявшего от завоевателей только их этноним (*Плетнева* 1990: 186, 187; *Яминов* 1992: 226, 227). При этом, данному извлечению из сочинения секретаря мамлюкского султана ал-Мелик ан-Насыра, придается несвойственный ему статус *ultima ratio* в системе этих доказательств. Однако, если обратиться к контексту этого сообщения, то оказывается, что автор в действительности имел в виду не факт растворения монголов кыпчаками, а разъясняет, почему рабы, привезенные из владений Узбека в Египет, столь же хороши, как и в более ранние времена. Средневековый

автор объясняет это воздействием «природы», заставившей татар принять прекрасные физические и нравственные качества, присущие до этого кыпчакам. Очевидно, что ал-Омари руководствовался не только идеями географического детерминизма, но и политическим расчетом, поскольку этот пассаж не только изящно завершает пространное славословие доблестям кыпчаков, спасших мусульманский мир, но еще и тонко подает дополнительный аргумент к оправданию дружбы кыпчакских правителей Египта и разорителей Дашт-и Кыпчака (Успенский 1992: 194-206; Костюков 1999: 165-166).

Реальная обстановка в Дашт-и Кыпчаке была, несомненно, далека от идиллической картины, нарисованной египетским историком и воспроизведенной современными археологами. Монгольское завоевание не только уничтожило государства и разорило целые народы, но и подчинило их военно-административной системе Улуса Джучи. Включение кочевых (в том числе кыпчаков) племен в монгольскую улусную и клановую структуру на правах зависимых племен сопровождалось уничтожением или изгнанием старой родовой элиты, массовыми переселениями племен и разрывом старых родовых связей (Федоров-Давыдов 1973: 35-43; Плетнева 1990: 182-184). По сути дела, уже в период завоевания евразийских степей были уничтожены прежние родоплеменные структуры и родовые культы и традиции, введен территориальный принцип военно-административного управления и расселения народа, а также были образованы новые улусы и кланы, куда вошли осколки прежних кыпчако-кимакских племен. Археологические памятники из Северной Евразии дают детальное представление о об этих событиях: в XIV в. прекращается кыпчакская традиция установления каменных изваяний, количество и разнообразие погребальных комплексов резко увеличивается, обрядность их демонстрирует появление новых типов, а также смешение и комбинацию старых (Федоров-Давыдов 1966: 166-193; Kramarovsky 1989: 255-273; Костюков 1997). Скорее всего, именно тогда в центральной части евразийских степей исчезли старые родовые и племенные кыпчакские этнонимы («бурчевичи», «токсобичи», «етебичи», «кулобичи» и т.д.) и внедрились новые монгольские (мангыт, джалаир, барын, найман, аргын, ширин, кыят и т.д.) (см.: Султанов 1982: 7-51). Вместе с тем, очень небольшая часть кыпчакских и огузо-печенежских кланов сумела, очевидно, в Улусе Джучи включиться в состав новой этнополитической системы, хотя и в измененном виде, например, кангар — кунграт, уйгур — югур. Однако, эти редкие исключения только подтверждают

общее правило — прежняя кыпчакская родо-племенная система была уничтожена полностью. И хотя, как показывает изучение персидских источников, термин Дашт-и Кыпчак продолжал использоваться соседями применительно к восточноевропейским и поволжским степям, в XIII-XIV вв. он постепенно теряет этническую определенность и переосмысливается как территория государства Джучидов (*Арсланова* 1990: 13-14).

И не случайно, что в условиях распада старого самосознания и своеобразной его аберрации, значительная часть населения, особенно знать, стремилась включиться в новую социальную систему, активно перенимая новую этнополитическую идентификацию. В степях Дашт-и Кыпчака, где происходили подобные процессы распыления племенной структуры кыпчаков и новой консолидации населения степей, стянутого скрепами монгольской этнополитической системы, общим этнонимом становится имя «татар». Об этом свидетельствует, в частности, Рашид ад-Дин: «вследствие силы и могущества татар... (ныне) в стране киргизов, келаров и башкир в Дашт-и Кыпчаке, в северных (от него) районах, у арабских племен, в Сирии, Египте и Марокко все тюркские племена называют татарами» (*Рашид ад-Дин* I. 1: 103). Этнокультурным отражением этих процессов может служить целый пласт новых элементов центральноазиатской культуры (восходящих к киданьско-чжурчженскому искусству), связанный прежде всего с новыми традициями имперского государственного управления (металлические пайцзы, джучидские монеты и т.д.) и чингисидского рыцарства (украшения пояса, оружие и воинское снаряжение, орнаментированная конская упряжь и т.д.) (*Крамаровский* 1989: 260-264; *Крамаровский* 1999: 38-46.).

Нельзя исключить также элемента некоторого противопоставления покоренных народов, воспринявших имя татар, правящей монгольской династии. Возможно, также, что на раннем этапе государственности в Улусе Джучи такие настроения могли даже поддерживаться ее ханами для оправдания и легитимации своего сепаратизма. Именно этим, возможно, следует объяснить тот факт, что в XIV в. термин «татар» достаточно широко употреблялся только в Улусе Джучи, в то время как в остальных частях империи начинают использоваться новые этнонимы «чагатаи» (Средняя Азия, Хорасан), «моголы» (Восточный Туркестан, Индия) (*Клавихо...* 1990: 72, 143-146; *Бартольд* 1964: 35, 36, 49).

Можно сказать, что, по существу, не кыпчаки ассимилировали монголов, а наоборот, монголы сумели растворить в своем государстве кыпчаков, болгар, мадьяр и другие народы и внедрить в их среду новое этнополитическое самосознание.

Расцвет империи Джучидов, развитие городов, становление пышной и синкретичной культуры, формирование общепонятного городского койне и литературного языка («поволжский тюрки»), а также активное перемешивание военно-феодалной знати привело к формированию татарской этнополитической общности. Несмотря на довольно хорошо изученные последствия этих процессов, сам механизм такой этнополитической трансформации остается еще плохо понятным. Однако, судя по современным этнологическим исследованиям и анализу специфики средневековой ментальности, можно предположить, что ключевую роль в этих процессах сыграли идеологические причины, а именно внедрение новой джучидской этнополитической идентификации.

Одним из исторических феноменов, возникших на стыке религиозных политических и этнических процессов золотоордынской эпохи, является формирование идеологии «чингисизма» — политического культа Чингис-хана и его потомков, в первую очередь, его сына Джучи. Появление и развитие его не только отметило своеобразие эпохи, но и демонстрирует направление и тенденции формирования этнополитического самосознания населения Улуса Джучи. Именно формирование системы мифологем, ядром которых был культ Чингис-хана, стало явлением, маркирующим глубинные процессы и механизмы становления и распространения татарской этносоциальной идентификации.

Выявить конкретные аутентичные изменения сюжетов и их обогащение новыми элементами в процессе развития достаточно сложно, поскольку от цельной государственной историографической традиции до современности сохранились лишь переработанные в более позднее время отдельные сюжеты и отрывки. Некоторые исследователи склонны отрицать существование золотоордынской историографии, считая, что «Чингиз-наме» и другие подобные произведения были не частью исторической традиции Улуса Джучи, а некой «степной устной историологией» (Юдин 1992: 25). Но эта традиция не была устной, поскольку существовала в трудах придворных историков, которые, разумеется, пользовались устными преданиями, но не только ими, например в труде «Чингиз-наме» Утямыш-хаджи, автор XVI в. пишет о «хрониках, которые... видел...» (Утямыш-хаджи 1992: 90), тем самым отмечая существование письменной исторической традиции. Не была она и степной, поскольку существовала в городах, при дворе ханов. Сложен вопрос и о соотношении устного предания и исторической традиции. Судя по значительному единообразию сохранившихся текстов, можно предположить, что предания позднего золотоордынского времени сами испытали влияние исторической традиции Улуса Джучи.

Нельзя с достоверностью определить, когда и кем было положено начало созданию особой собственно золотоордынской истории. Бесспорно ясна ее цель — укрепление собственной легитимации в противоборстве с другими коленами чингисидов и создание аргументов в пользу собственной исключительности и природного величия. По мере внедрения и укоренения ислама, чингисизм в его золотоордынском варианте приобретает очевидные коннотации. В этом процессе явно отразились новые формы этнополитической и социальной идентификации, в частности осознание Джучидами важности религиозных символов для упрочения исламской репутации династии. В XV-XVI вв., но, скорее всего, и ранее — в XIV в., чингисизм в сложившемся виде приобрел очевидное политическое и социальное звучание, которое В.П. Юдин поспешил назвать особой религией: «новый генеалогический комплекс, изложенный в терминах родоплеменного осмысления возникновения и сложения структуры человечества, стал базой формирования воззрений на происхождение всего человечества и вселенной. Он был дополнен традиционными элементами тюрко-монгольского шаманизма, которые стали как бы верхним этажом и пристройками здания новой веры. Тем самым, был создан космогонический миф, т.е. сформировались иллюзорное мировоззрение и идеология. Так родилась новая религия» (Юдин 1992: 16-21). Вряд ли сейчас столь однозначно можно считать «чингисизм» религией, хотя бы потому, что сам автор пишет, что она была также «мировоззрением, идеологией, философией, санкцией общественного строя и социальных институтов, политической и правовой системой, культурологической доктриной, основой просвещения, средством регуляции поведения в семье и обществе», а далее открывает еще целый спектр квазирелигий — «огузизм», «идегеизм» (Юдин 1992: 19, 55-56).

Иными словами, для рассматриваемого автора любая «ложная идеолого-мировоззренческая система, конструировавшая картину и функционирование мира», и есть религия. Не вдаваясь в понимание сущности религии, хочется все же отметить, что поскольку ее основой, видимо, следует считать веру в сверхъестественное, то автор описывает именно мифологическое мышление (например см.: *Мелетинский* 1983: 377; *Токарев, Мелетинский* 1991: 11-20). При такой постановке проблемы обнаруживается, что у монголов была своя, не сводящаяся к «чингисизму», мифологическая система (см.: *Неклюдов* 1991: 170-174). Чингис-хан отнюдь не являлся «всевышним богом», как это представляется автору, хотя бы потому, что сам он правил

с санкции «Вечного неба» (см.: *Трепавлов* 1993: 59-67; *Скрынникова* 1997: 56-73). Кроме методологических недостатков, данная теория имеет и «политические» корни. Основанием подобной неверной трактовки послужило в немалой степени общее представление об обществе и государстве Джучидов, как о «степной империи» или «кочевом объединении», которые не могли якобы иметь развитых форм историографии и идеологии. Представляется, однако, что под термином «чингизизм» следует подразумевать особую парадигму монгольской и татарской (золотоордынской) политической идеологии.

Между тем, Чингис-хан золотоордынской исторической традиции — это не «святой» и даже не столько «небесный патрон» династии и государства, а скорее «отец-основатель», создатель государства и законов («Йаса Чингис-хана»), «вечный правитель», лишь временно передающий свои права очередному хану. В рамках этой идеологической парадигмы сформировались основополагающие представления о самостоятельном Улуса Джучи и этнополитическом единстве татар, определились параметры династической легитимности, преемственности власти, клановой и социальной иерархии. И только после распада единого государства в отдельных ханствах и владениях (Казанское, Крымское, Узбекское (Шайбанидское) ханства, Ногайская Орда) появляются и формируются новые символы власти и механизмы легитимации, связанные уже с местными особенностями властных структур и более активным влиянием и внедрением ислама в эти процессы (возвеличивание отдельных колен потомков Джучи — Тука-Тимуридов, Шайбанидов и даже неджучидов — потомков Идегея, появление местных святых — покровителей различных династий и т.д.).

Образы святых-правителей — одно из характерных и парадоксальных явлений средневекового сознания (см.: *Блок* 1998; *Nelson* 1986). Но при всей близости и схожести образов святых в различных цивилизационных и социальных контекстах, они могли иметь некоторые отклонения. Культ правителя Чингис-хана, правящего с санкции «Вечного Неба», в этой связи как раз и отвечал подобным требованиям, легко укладываясь в систему исламских ценностей. Феномен аристократической ханской власти, возникший в языческой (или в несторианской) среде, явно восходит к системе мифологических представлений о сверхъестественной природе власти (*Трепавлов* 1993: 59-67; *Скрынникова* 1997: 56-73). Однако в архаических представлениях о харизме правителя в Улусе Джучи в XIV в., под воздействием внедряющегося в ментальные структуры общества ислама, происходит

своеобразная перекодировка традиционных мифологем власти в новую систему понятий — мусульманизированных религиозных и политических символов. Адаптировав культ Чингис-хана и его сына Джучи к исламским ценностям, золотоордынская правящая династия оказывалась включенной в мусульманскую систему сакрализации и легитимации политической власти. Смысл этого процесса, нашедшего отражение в исторической традиции, разумеется, имевшего характер «интуитивного политического действия», может быть описан формулой «тюрко-монгольская традиция в исламской парадигме». Не исключено также, что правы те исследователи, кто считает, ссылаясь на широкий антропологический контекст, что в мотиве святости правителя и харизмы его власти отразились процессы мифологизации вождя, определяемые понятием «сакральный правитель» (Скрынникова 1997: 100-148).

К сожалению, переходя от анализа идеологической и социальной составляющей этого культа к некоторым конкретным проблемам, следует констатировать, что проблемы почитания центральноазиатских и европейских мусульманских святых, становление и развитие их культов, соотношение их с традиционными тюркскими верованиями не стали объектом целенаправленного и систематического изучения, если не считать прекрасного труда Д. де Вииза (1994), где подробно проанализированы историческая традиция и фольклорные источники по исламизации Улуса Джучи. Особо выделен образ святого Баба Тукласа, который, на взгляд автора, является ключевым сюжетом в понимании механизмов об исламизации Золотой Орды и демонстрирует внедрение исламских мотивов в архаические традиционные культы населения Центральной Азии (DeWeese 1994: 321-516). Вместе с тем, самому образу Чингис-хана и его потомков — Джучидов, как важнейшей составляющей государственной идеологии Улуса Джучи уделено гораздо меньшее внимание и роль, связанных с этим кругом образов высвечена менее отчетливо.

Важнейшие элементы этой традиции восходят к официальной монгольской истории рода Чингис-хана — «Алтан дептер» («Золотая тетрадь») (Рашид ад-Дин I. 1). Характерными повествовательными элементами ее являлись сконцентрированная в летописи генеалогия (мифологическая — предки Чингис-хана от Алан-Гоа и историческая — Хабул-хаган и его потомки); связанные с генеалогиями краткие биографические описания; вкрапление «малых» сюжетных форм (панегирические, дидактические и другие рассказы); относительно слабо выраженное (часто в форме регистрации событий) хронологическое описание, но

самое значительное место в историописании отведено жизни и деяниям Чингис-хана (*Неклюдов* 1984: 223-241; *Шастина* 1977: С.462-483).

Все тюркские генеалогии с той или иной полнотой передают эту монгольскую традицию. Наиболее полная версия сохранилась в татарском историческом сборнике конца XVII в. «Дафтар-и Чингиз-наме» (*Чингиз-наме*), где присутствуют практически все элементы истории, присутствующие в «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина и, возможно, восходящей к ней, вплоть до упоминания прародительницы Алан-Гоа (в форме Алангу). Прямое заимствование части этой летописи и ее соединение с некоторыми другими татарскими и даже болгарскими источниками несомненны. Однако, неясно, результат ли это поздней компиляции или сохранившийся элемент ранней золотоордынской историографии, но одновременно в этом источнике отсутствует такая деталь, как биография хана Джучи и его потомков (кроме Джанибека, которому посвящен отдельный дастан, весьма значительно переработанный в позднее время).

В других источниках, где золотоордынская традиция сохранилась, видимо, полнее, отрывки, касающиеся истории «золотого рода», полностью отсутствуют. Скорее всего, в более ранних вариантах джучидской историографии эти мотивы в той или иной степени были представлены, но потеряв, постепенно, этнополитическую актуальность, были сокращены или переделаны. Образцы подобного сокращения генеалогии представлены в вариантах «Чингиз-наме» Утямыш-хаджи и «Родословия тюрков» («Шаджарат ал-атрак») (*Утямыш-хаджи; Тизенгаузен* 1941: 202-209.), где с некоторыми разночтениями указывается, что «величайший обладатель счастливой звезды (сахибкыран) великий Чингис-хан» пожаловал сыну Джучи часть своих владений — Дашт-и Кыпчак и Хорезм. Никаких других подробностей о величественности и грандиозности завоеваний, предпринятых Чингисханом, в сохранившейся поздней тюркской традиции не сохранилось. Все они оставлены как бы за скобками династической истории Джучидов, представляя разительный контраст с монгольской традицией (*Шастина* 1977; *Неклюдов* 1984: 223-241).

Вариант переработки связан также с насыщением истории исламскими мотивами. Ранний этап ее представлен уже у Рашид ад-Дина, который сочетает сведения о предках Чингис-хана с сюжетом об истории огузов — «Огуз-наме» (*Рашид ад-Дин* I. 1: 80-91), где одновременно присутствует мусульманская генеалогия народов, и предки Огуз-хана возводятся к пророку Йафету (Яфесу).

Уже в несколько переработанном виде этот дастан попал в золотоордынскую традицию, где пополнился некоторыми новыми актуальными мотивами. Вся родословная правителей возводится к Адаму и его потомку Йафету. Например, по Абу-л-Гази, «...пророк Нух каждого из своих трех сыновей послал в разные земли... сына своего Яфеса послал в страну северного полюса. О Яфесе некоторые говорят, что он был пророком, а некоторые говорят, что он не был пророком. Яфес, по воле своего отца, покинул гору Джуда и отправился к берегам Итиля и Яика». После Йафета в северной стране правил его сын Тюрк, которого якобы отец посадил на престол, сказав другим сыновьям: «Тюрка считайте своим государем, из повиновения ему не выходите!» (Кононов 1958: 39). После череды правлений других ханов, в том числе Могола и Татара, которые не находят параллелей в «Огуз-наме» Рашид ад-Дина, правителем тюрков становится Кара-хан, а после него сын Огуз-хан. Таким образом, одной из особенностей джучидской исторической традиции следует считать отсечение «монгольских» предков Чингис-хана, а другой — включение в традиционные тюрко-мусульманские легенды («Огуз-наме») эпонимов «Татар» и «Могол». И не только эпонимов, в тексте встречаются указания на то, что держава Огуз-хана военным потенциалом была обязана «воинам могольских и татарских илей» (Кононов 1958: 45).

Другим важным моментом этих мифологем является возвеличивание благородных предков, по праву рождения призванных править тюрками, начиная от легендарного эпонимичного Тюрка до Огуз-хана. В этой последовательности Чингис-хан выглядит одним из ключевых персонажей. Общественное сознание тюрко-татарских ханств поглощает его и адаптирует его образ, делая его закономерным продолжателем и наследником великих тюркских владетелей степи. Но роль его не столько в завоевании мира и верховенстве среди тюрков (например, в ряде историй особо подчеркивается, что основная его завоевательная политика была направлена на другие страны и регионы), а в передаче власти над тюрками исключительно своему сыну Джучи (*Утямыш-хаджи...*: 91; Кононов 1958: 44).

На территории Улуса Джучи в период становления самостоятельного государства эта традиция получила дальнейшее развитие. Ключевым ее элементом стали предопределение появления «золотого рода Чингис-хана» и передача власти его сыну Джучи в части государства (Улус Джучи), которая включала «Хорезм и Дешт-и Кипчак от границ Каялыка до отдаленнейших мест Саксина, Хазара, Булгара, алан,

башкир, урусов и черкесов. Вплоть до тех мест, куда достигнет копыто татарской лошади» (*Тизенгаузен* 1941: 204). Вот как описывает это Утямыш-хаджи: «Йочи-хан был старшим из его (Чингис-хана — И.И.) сыновей. Он дал (ему) большое войско и отправил, назначив в вилайет Дашт-и Кыпчака, сказал: «Пусть будет пастбищем для твоих коней». Дал (ему также) вилайет Хорезма» (*Утямыш-хаджи...*: 91). В версии Абу-л-гази это описывается очень похоже: «...Джучи с принадлежавшими ему нукерами из Ургенча пошел в Дешт-и Кыпчак. Кыпчакский народ собрался, и произошла битва. Джучи-хан победил и перебил (всех) попавших (ему) в руки кыпчаков... Кыпчаки, обитавшие между Итилем и Тином, рассеялись на четыре стороны... Джучи-хан, взяв в плен кыпчакскую молодежь, поселился в кыпчакском юрте. Из могольской (страны) он переселил сюда свою семью и все или, которые дал (ему) отец. Из каждого уруга узбеков были переселенцы в кыпчакский юрт». Таким образом, Джучи выступает здесь в двух ипостасях — как наследник харизмы Чингис-хана и как основатель и создатель на завоеванных землях собственного Джучиева Улуса («в этих странах он утвердился на престоле ханства и троне правления») (*Кононов* 1958: 44).

Видимо, это ключевая мифологема формируемого джучидского политического культа. К сожалению, в имеющихся в нашем распоряжении источниках тема о Джучи-хане развита слабо, отражая, очевидно, более поздний этап развития историографии. Возможные сюжеты, раскрывающие образ Джучи, содержатся в ряде персоязычных источниках, созданных при дворе Тимуридов, но значительно переделанных и дополненных уже при Шайбанидах. Например, в «Родословии тюрок» («Шаджарат ал-атрак») имеется три ключевых мотива: о законности Джучи, как старшего сына Чингис-хана (здесь обсуждается широко известный эпизод с захватом беременной жены Чингис-хана Борте меркитами, что бросило тень на законность наследника); об особой любви Чингис-хана к своему старшему сыну (которого он любил якобы «больше, чем всех своих детей мужского и женского пола»), приводя в качестве доказательства распространенную тюркскую легенду о певце, иносказательно сообщающем хану о гибели сына; о вражде и ревности по отношению к Джучи со стороны младших братьев — Чагатая и Угедея (*Тизенгаузен* 1941: 203-204). Подобных эпизодов, разумеется, не было в историографической традиции других монгольских государств, в которых на первый план выходили другие мифологемы легитимации власти, и подчеркивались

другие связи с политическим культом Чингис-хана (например, в государствах Чагатаидов и Хулагуидов, в Могулистане, в государстве Великих Моголов и др.).

В подчеркивании получения инвеституры Джучи-ханом на власть в Улусе от Чингис-хана высвечивается мотив благородного происхождения, и акцентируется внимание на династических связях, как отражения веры в наследование харизматических качеств, освящении власти Джучи и его потомков культом «Потрясателя Вселенной». То есть, сюжетная линия, связанная с Джучи, определяет не только включение политического культа Чингис-хана в джучидский политический пантеон, но и знаменует формирование золотоордынской этнополитической мифологемы. В дальнейшем, развитие тюркской исторической традиции Улуса Джучи происходит уже в рамках этой повествовательной парадигмы. Основой ее являлась генеалогия определенного потомка Джучи с краткой характеристикой предшествующих поколений и более подробное описание биографии хана (Джанибек, Орду-иджен, Урус, Абулхайр и др.) или знатного карачи бека (Мамай, Идегей).

Тенденцией развития этой традиции является постепенное насыщение ее мусульманскими элементами (особенно в XV-XVI вв.) посредством кратких экскурсов (сведения о принятии ислама ханами Берке и Узбеком, биографии святых и т.д.) и возведении генеалогии ханов и карачи беков (Идегей) к святым пророкам. Постепенно данная традиция была встроена в мусульманскую картину мира и историографии. Распространению этой традиции и внедрению в сознание тюркского населения способствовали ее близость к фольклорным, эпическим системам и четкая локализация каждого клана (микрососм) внутри империи Джучидов (макрососм) (*DeWeese* 1994: 321-408). Другой тенденцией стала «коренизация» истории государства, подчеркивание ее местных традиций и корней. Достигалось это за счет включения в государственную историографию историй племен и кланов, местных святых и популярных героев легенд и преданий.

Улус Джучи объединил значительное количество тюрко-монгольских кланов, между которыми, в соответствии с генеалогической близостью к роду Чингис-хана, была установлена определенная иерархия, закрепленная в исторической традиции. Создание в Улусе Джучи иерархии кланов во главе с Джучидами трактовалось не просто как учреждение государства, а как акт творения, упорядочения макрососма. Закрепление этой исторической традиции в письменной, а позднее, в устной (фольклорной) формах, делало ее общепризнан-

ной и легитимной. Данная историческая традиция выработала основной набор мифологем и стала идеологическим обоснованием формирования нового этнополитического «татарского» самосознания. Наибольшее распространение оно приобрело в среде родовой и чиновной знати (в значительной мере мусульманизированной), находившейся в вассальной зависимости от Джучидов, включенных в их клановую и улусную систему и часто ведущих кочевую жизнь.

Создание джучидской (татарской) исторической традиции явилось важнейшим фактором формирования ментального универсума и сплочения различных тюркских народов и выработки татарской этнополитической идентификации. Добившись независимости от Монгольской империи, Улус Джучи получил необходимые рычаги для выработки и конструирования собственной державной исторической традиции, а после официального принятия ислама в качестве государственной религии, приобрел и опору в богатых возможностях мусульманской историографической и философской словесности, обогатившись новыми мотивами и символами. В отличие от целого ряда других тюркских государств с расплывчатой социальной структурой и неразвитой государственной традицией, золотоордынская державная идеология (своеобразная «политическая теология») стала мощным всплеском тюрко-татарского самосознания. Ее парадигма этнополитической идеологии оказалась настолько авторитетна, что растворила менее приспособленные и более слабые мифологемы предшествующих эпох или, частично переработав, поглотило их, определив на многие века дальнейшее развитие тюркской историко-политической мысли позднесредневековых государств и народов Евразии. Татарская историческая традиция оказалась настолько сильной, что после распада Улуса Джучи вошла составной частью в локальные исторические традиции различных татарских государств XV-XVII вв.

Таким образом, активное формирование слоя военно-феодальной знати, создание материальных и духовных символов надплеменного имперского единства, а также государственной идеологии с использованием как традиционных (тюркских и монгольских) мифологем, так и исламских идей и символики, привело к формированию на территории Улуса Джучи новой этнополитической общности. По мере усложнения этнополитической структуры общества, содержание термина «татары» изменяется, приобретая новые семантические оттенки. В XIV-XV вв. он укореняется и активно используется, имея многозначную семантику, которую можно свести к нескольким смысловым блокам (*Измайлов 1993: 17-32*).

1. Улус Джучи (Золотая Орда) — как государство татар. В этом смысле его употребляют арабские авторы — «государство татар», «царство се верных татар», русские летописи и европейские путешественники (ПСРЛ I: 40; *Егоров* 1985: 152,153; *Клавихо*: 72, 143-146.), а тактике народный эпос «Идегей» (*Идегей* 1990: 121, 124, 125). Такое стойкое употребление названия страны в разных, в том числе и аутентичных источниках, заставляет считать, что оно передает одно из названий страны и служит определением ее и живущего здесь народа по правящему татарскому клану.

2. Татары как слой военно-феодальной знати. Доказательством такой семантики, кроме вышеуказанных свидетельств Рашид ад-Дина и западноевропейских путешественников и купцов, служат также сведения арабских источников, сообщающих о прибытии в Египет в период правления Бейбарса (1269-1277 гг.) значительного количества кыпчакских эмиров, которых они называют «татарами». Характерен факт, видимо, достаточно обычный, когда арабский филолог, объясняя название знатного кыпчакского рода «токсуба» пишет, что это «племя из кыпчакских татар» (то есть, «знатный род выходцев из Дашт-и Кыпчака») (*Наджиб* 1989: 86). Об этом же свидетельствует историк Ибн-Халдун: «племя токсуба из татар» (*Тизенгаузен* 1884: 541-542). Важно отметить, что уже в конце XIII в. имя одного из самих известных кыпчакских родов, даже в среде, где вроде бы эти старые этнонимы должны активно использоваться, требует объяснения, свидетельствует о вытеснении старого самосознания новым «татарским» и подчеркивает принадлежность к более важной на сегодняшний день общности знати. Эти же процессы были характерны также и для оседлых областей Улуса Джучи, в том числе Руси и Булгарии. Например, многие исконные русские княжеские и боярские роды начинают включать в свои генеалогии мифических татарских мурз и царевичей. Однако, более важными следует признать данные из дастана «Идегей», непосредственно отражавшего этнополитическое сознание определенной части населения Поволжья и Приуралья XV-XVI вв., в котором главный герой неоднократно хвалится принадлежностью к «славному татарскому (татскому) роду» (*Идегей* 1990: 70, 108, 128, 135).

Начальный этап формирования этого слоя фиксируют источники XIII в., когда целые племена, попадая под власть монголов, становились их вассалами (*Федоров-Давыдов* 1973: 35-43). Однако по мере укрепления и расцвета улусной системы происходит расслоение внутри прежних племен и выделяется имперская военно-служилая знать,

которая, видимо, активно использует социально-престижное имя «татар». Несомненно также, что именно в этой среде вырабатывается особая сословная рыцарская культура, имевшая надэтничный характер. Она включала в себя сходные типы и виды вооружения, конского снаряжения, геральдику, образ жизни и генеалогию, одним из элементов которой являлось наличие среди легендарных предков Татара. Разумеется, конкретные элементы этой культуры требуют еще специального изучения, но уже сейчас ясно, что в XIV-XV вв. и позднее, эта культура, как и употребление самоназвания «татар», имела надэтничный характер, несводимый к этноязыковому единству ее носителей, тем более, что правящая ханская верхушка Улуса вплоть до середины XIV в. оставалась монгольской (*Тизенгаузен* 1884: 261, 396; *Григорьев* 1981).

Судя по этим данным, подобное «татарское» самосознание опиралось, в первую очередь, на принадлежность к военно-феодальному сословию (служащему «пером и мечом» джучидам и имеющему свой определенный этос), к мусульманской цивилизации и к кочевому, как правило, образу жизни. Подобное самоопределение, скреплявшее единство золотоордынской элиты, не исчезло с распадом государства, а сохранилось именно в качестве социального термина. Это обозначение военно-служилой знати сохранялось в Поволжье вплоть до XVII в. и было зафиксировано в русских источниках под термином «служилые татары». Анализ его показывает, что под ним современники понимали не этнос, а «феодальную прослойку нерусских (главным образом, мусульманских) феодалов», резко противопоставлявших себя тягловым слоям населения («ясачные чуваша» и «ясачные татары») (*Ермолаев* 1982: 63-67; *Исхаков* 1988: 140-146; *Исхаков* 1998: 61-102).

3. Татары как кочевой, преимущественно тюркоязычный народ. Этот вариант употребления имени «татар» близок к предыдущему, хотя и отражает, скорее всего, не самоназвание народа, а является экзоэтнонимом. Вполне возможно, что знаменитая злая инвектива Мухаммедъяра (середина XVI в.), образованного поэта и мусульманина, против татар, как раз подразумевает не этнос, а кочевников-скотоводов, чей образ жизни явно не внушал симпатий просвещенному горожанину (см.: *Измайлов* 1997б; *Исхаков* 1998: 107-108). Кроме того, в эпосе «Идегей» несколько раз говорится о «народе татар», как о населении степей Золотой Орды (*Идегей* 1990: 124, 125, 231). Вообще, кочевников причерноморских и поволжских степей называли татарами практически все европейские источники XV-XVII вв. (*Барбаро и Контарини*: 140-157; *Герберштейн* 1988: 165-167).

Следует отметить, что подобное наименование страны и народа по названию господствующей элиты или правящего рода было весьма характерным для средневековых обществ Средней и Центральной Азии. Наиболее показателен в этом смысле термин «Чагатай», который обозначал государство — Улус Чагатая и его кочевую знать (*Клавихо...*: 93, 94, 106; *Бартольд* 1964: 35, 36, 49; *Строева* 1951: 216; *Кутлуков* 1977: 101) Такое название от военно-дружинной терминологии получили казахи, узбеки, и монголы (*Федоров-Давыдов* 1973: 174-175). Внедрение этих имен в сознание народа имеет характер закономерности, механизм которой определяется не «навязыванием» чуждого этнонима и не принятием на себя прозвища, данного соседями, а функционированием социальной структуры общества, развитием его культуры и формированием этнополитического самосознания. Именно поэтому динамика этих процессов в Восточной Европе в XIV-XV вв. зависела от усложнения этнополитической организации Улуса Джучи.

По мере распада единой Золотой Орды в конце XIV-XV вв. ее этносоциальный организм начинает дробиться, и в каждом улусе по степенно формируется свой этнос. Так, на фоне макроэтнонима «татар» (который однако сохранил свою социальную престижность) появляются новые названия народа по имени хана (узбеки, ногаи, шейбаниды) или по названию местности, главного города (казанцы, крымцы). Часть из них, пройдя через процесс становления этносоциального организма, стали полноценными народами, другие распались и растворились среди других этносов. Однако, почти все они, имея корни в истории Улуса Джучи, сохранили в своем составе сходные племенные (этнополитические) группировки — *мангыт, барын, кыпчак, аргын, ширин, кунграт*, а также общее обозначение военной знати как «татары».

К сожалению, этническое сознание основной части городского и сельского населения Золотой Орды и ханств, появившихся на ее территории в XV в., остается плохо изученным. Однако, даже имеющиеся немногочисленные и отрывочные источники, позволяют сделать вывод, что оно носило конфессиональный характер.

Скорее всего, те «бесермены» русских летописей, которые неоднократно упоминаются в русских летописях, особенно часто при описании событий XIV-XV вв., и есть оседлое население Улуса Джучи. Характерно, что в текстах летописей они не отождествляются с татарами («татар и бесермен и ормен... пограбиша» (ПСРЛ XXIV: 124; *Приселков* 1950: 382), «убиша ту бесермен» (ПСРЛ XXV: 192; XVIII: 117), «побиша татар и бесермен» (ПСРЛ XVIII: 170), «бесермен и

татар перебиша, и всю Татарскую землю плени» (Приселков 1950: 453; ПСРЛ XXV: 226) и т.д.). Об этом же пишет австрийский дипломат Сигизмунд Герберштейн, побывавший в Москве в начале XVI в. и собравший много сведений о татарах. Говоря о них, он отмечает, что «татары разделены на орды» и «все исповедуют магометанскую веру; если их называют турками, они бывают недовольны, почитая это за бесчестье. Название же «бесермены» их радует, а этим именем любят себя называть и турки» (*Герберштейн* 1988: 167).

Впервые на эти факты обратил внимание М.Н. Тихомиров, который на их основании сделал вывод о том, что «бесермены» и «татары» — две различные этнические группы, причем первые являлись потомками домонгольских болгар, постепенно «татаризуемых» золотоордынскими пришельцами (*Тихомиров* 1973: 84-90). Причем автор оговаривается, что слово «бесермяне» в русских источниках, видимо, имело два значения — мусульманин, иноверец вообще и народ волжско-камских болгар. В этом заключено ключевое противоречие указанного автора, который, вынужден отмечать, комментируя сведения русских летописей о походе ушкуйников в 1375 г., когда те продали в Болгаре русских пленных «бесерменам» и отправились далее вниз по Волге, где разорили Сарай, «гости христианскья грабячи, а бесермены бьючи» (*Приселков* 1950: 400; ПСРЛ XXIV: 132), что в обоих случаях под «бесерменами» русский летописец понимал совершенно разные общности: в первом — волжских болгар, а во втором — татар-мусульман.

Представляется, однако, что подобный подход является весьма искусственным навязыванием источнику своих представлений об истории народов, который способен лишь запутать и без того сложную этнополитическую ситуацию в Поволжье в XIV-XVI вв. Более правильным будет, видимо, доверять летописцам и их знаниям этнических реалий в Орде и пытаться понять причину одновременного упоминания двух этих терминов. Изучив все эти сообщения, можно констатировать, что летописцы почти всегда, когда речь шла о боевых столкновениях, писали «татары», или «татары и бесермены», а когда говорили о мирном населении, то почти всегда «бесермены», действительно очень четко различая их. Видимо, эти данные могут служить еще одним доказательством реальности, но не этнического, а социального разделения этих терминов: «татарами» считалось военное сословие, а «мусульманами» — все остальное население. На важность для эпохи средневековья такой этноопределяющей характеристики, как религиозная принадлежность, говорит и существование этноса «бесермян» в Верхнем Прикамье,

который имея много сходного в культурном отношении с удмуртами, резко отличается от них тем, что частично исповедует ислам (*Тихомиров* 1973: 89; *Исхаков* 1980: 23-37; *Родионов* 1984: 140-152).

Подводя итог, можно отметить несколько этапов употребления термина «татары». В предмонгольский период (XII в.) он употреблялся в основном в степях Центральной Азии разными этносами, входившими в орбиту политики или контактировавших с могущественным союзом татарских племен. После разгрома татар Чингис-ханом и включения их в Монгольское государство, их этноним, однако, сохраняя престижность, распространяется среди других завоеванных монголами народов. В степях Восточной Европы, где после монгольского завоевания были уничтожены правящие роды, разорваны границы государств и перемешаны племена и народы, а также была установлена новая улусная система, этноним «татары» активно внедряется в сознание народа, особенно военно-служилой знати. Позднее, в XIV-XV вв. этот термин употребляется уже в качестве синонима Улуса Джучи, как обозначение господствующей элиты и кочевого народа вообще, противопоставляя его носителей как кочевников, мусульман и вассалов рода Джучи остальным народам. Основное же население страны, скорее всего, называло себя по конфессиональному признаку «мусульманами».

Распад Улуса Джучи и деkonsолидация татарской этнополитической общности. Улус Джучи был средневековой империей, где существовала жесткая иерархическая структура управления провинциями и покоренными народами, жестокая машина подавления любого недовольства. Все это требовало содержания огромного штата чиновников, а непрерывные войны на границах, междоусобицы и мятежи аристократии — наличия огромной и боеспособной армии, состоявшей из отрядов знати, что тяжким грузом ложилось на население страны.

Но эти соображения не должны заслонять от нас и положительного потенциала создания «мировой державы». После своего возникновения Улус Джучи переживал период своего расцвета, когда вслед за многолетними междоусобными войнами и взаимными набегами, а также кровавого завоевания, наступил период относительно прочного мира, даже при периодических столкновениях на границах. Единые законы, отсутствие многочисленных таможенных перегородок и стабильное управление воспринимается населением как огромное благо. Путешественники особо отмечали, что «купцы, снабженные тамгой, свободно странствовали повсюду, и никто не дерзал трогать их» (*Федоров-Давыдов* 1998: 38-39). Беспрепятственная торговля позволя-

ла быстрее обмениваться новинками науки и техники, быстрее претворять их в производство (например, производство чугуна и огнестрельного оружия (*Рязанов 1997; Кирпичников 1976: 77-78*). Кроме того, перераспределение продукта в пределах державы способствовало сосредоточению его в руках местной знати, например на Руси, Булгарии и т.д. Судя по археологическим материалам, благосостояние даже простого населения столицы было довольно высоким, а средоточие излишков богатств и продуктов в отдельных городах вызывало в них бурный расцвет ремесла, науки и культуры.

Однако, во второй половине XIV в. перед Улусом Джучи встали сложные проблемы, и он должен был претерпеть изменения, чтобы соответствовать требованиям времени.

Каковы же были основные черты этого вызова? Наиболее популярным в советской историографии объяснением распада Улуса Джучи является концепция о росте сепаратизма отдельных феодалов, чье стремление к власти разорвало страну на враждующие области. Механизм этого процесса вполне ясно описан историками. Главный конфликт, по их мнению, протекал между различными экономически и политически вполне самодовлеющими улусами и их владельцами и группировками знати, выдвигавшими своих претендентов на ханский трон, стремясь овладеть центральным административным аппаратом и оказывать влияние на внутреннюю и внешнюю политику Орды. Все это ослабило центральную власть и, таким образом, вело к сокращению внешнеполитической активности, что в свою очередь усиливало сепаратизм кочевой аристократии, видевшей в военных походах основной источник своего обогащения (*Греков, Якубовский 1950; Федоров-Давыдов 1973; Егоров 1980; Егоров 1985*).

Представляется, однако, что социальные факторы были все-таки достаточно внешними среди других причин кризиса. Преувеличение их значения ведет к парадоксальному выводу: центральная власть слабела от сепаратизма феодалов, но главным их стремлением был захват сарайского престола! Вряд ли только одним сепаратизмом можно объяснить резкое ослабление империи Джучидов и усиление центробежных тенденций в 60-80-х гг. XIV в.

К сожалению, все аспекты данной проблемы подробно изложить невозможно, поэтому следует остановиться на ключевых моментах, наметить основные составляющие этого процесса. В первую очередь, видимо, надо указать на природные факторы, самый важный из которых — резкое усыхание степной зоны запада евразийских

степей в XIV-XV вв. — подтверждается трудами ряда геологов, географов и даже историков (*Гумилев* 1966; 1966а; 1967а; 1989; *Судьба степей...*; *Кульпин* 1998: 77-105). Аридизация климата в Дашт-и Кыпчаке вела к уменьшению количества выпадавших осадков летом и установлению малоснежных зим, что вело к постепенному наступлению песков на некогда благодатные степи.

Одновременно, началась трансгрессия (повышение уровня) Каспийского моря, волны которого затопили значительную часть дельты Волги и многие поселения в ней, вплотную подступив и к Нижневолжским городкам. По словам итальянского географа Марино Сануто (1320 г.), «море каждый год прибывает на одну ладонь и уже многие хорошие города уничтожены». Все это нанесло сильнейший удар не столько по кочевым районам Улуса Джучи, сколько по земледельческой округе, что способствовало подрыву экономической основы хозяйства Орды.

В это же время всю Европу, как Западную, так и Восточную, постиг страшный демографический удар. Благоприятные климатические условия и улучшение жизни вызвали рост народонаселения. Численность населения, например, в Западной Европе в X-XIII вв. выросла почти в 2 раза. Видимо, так же резко увеличилось население и в Восточной Европе и, хотя монгольское нашествие нанесло большой ущерб населению, рост его продолжался даже более ускоренными темпами. На территории Золотой Орды он стимулировался политической стабильностью, появлением огромных городов и множества поселений. Трудно сейчас говорить о численности жителей Орды, но, несомненно, что она достигала нескольких миллионов человек. Ухудшение природных условий все чаще приводило к периодическим продовольственным кризисам. Голод гнал людей в города, где они вынуждены были даже продавать своих детей, о чем сообщают арабские географы (*Тизенгаузен* 1884: 231, 235). Скопление людей в городах Поволжья, Крыма и Хорезма оказалось благоприятной почвой для болезней. Наиболее страшной стала эпидемия бубонной чумы, которая к середине XIV в. несколько раз кругами возвращалась в Дашт-и Кыпчак, буквально выкашивая население, особенно в перенаселенных городах. Русский летописец писал об этом «великом море» под 1346 г.: «Быть от бога на люди под восточную страну, на город Орначь и на Хозторокань и на Сарай и на Бездеж и на прочие грады в странах их, бысть мор силен на Бесермены и на Татарове и на Ормены и на Обезы и на Жиды и на Фрязы и на Черкасы и, на всех томо живущих, яко не бе кому

их погребати» (ПСРЛ IV: 57; V: 225; XV: 57; см. также: XV: 76-77). Эпидемия 1346-1350 гг. нанесла колоссальный удар по всей Европе. По подсчетам демографов, в Европе «черная смерть» унесла жизни до 25%, а в ряде плотно населенных мест до 90% населения (Самаркин 1976: 84-90). Не исключено, что именно с последствиями чумы связано исчезновение городской болгарской знати, которая сохраняла древний огурский язык, употреблявшийся, в частности, как сакральный язык эпитафий в XIV в., поскольку после 1360-х гг. эта традиция исчезает (Schamiloglu 1991).

Для Улуса Джучи этот удар оказался особенно страшен. По словам современника, арабского историка и географа Ибн-ал Варди, «в землях узбековых» произошла эпидемия чумы, от которой «обезлюдели деревни и города». Он же пишет, что ежедневно в Крыму умирало до тысячи человек, а всего там умерло более 85 тысяч жителей (Тизенгаузен 1884: 530). Последствия шестивия «черной смерти» по Орде, судя по этим данным, были просто катастрофическими. Можно сказать, что именно с этого времени начался закат городской жизни в Нижнем Поволжье.

Упадку хозяйства Улуса Джучи во многом способствовал также кризис трансасиатской торговли. По знаменитому торговому пути, начинавшемуся в Китае и проходившем частично через Орду, шли многие необходимые для Западной Европы товары — специи, шелк, хлопок, драгоценные камни, хлеб и рабы (Петров 1995: 60-91). Этот поток товаров, чрезвычайно ценившихся на рынках Европы, обогащал посредников и служил одной из основ благосостояния всех городов Дашт-и Кыпчака. С торговлей были связаны не только поступления в казну от торговых пошлин, но и благополучие многочисленной obsługi: караванщиков, проводников, охраны, владельцев караван-сараев, ремесленников и т.д. Кроме того, многие мастерские занимались изготовлением предметов на продажу и переработкой полуфабрикатов. Все они очень чутко реагировали на любые изменения торговой активности.

Спад в международной торговле начался еще в 40-х годах XIV в. и достиг пика во второй половине века. Вызван он был рядом причин, среди которых освободительное восстание в Китае против монгольской династии Юань, нестабильное положение в Средней Азии и Моголистане, эпидемии чумы, смута в Анатолии после распада державы Ильханидов, а также вспышка войны между основными средиземноморскими торговыми державами — Генуей и Венецией. Все это вызвало ограничение товарооборота между Востоком и

Западом, резко подорвав положение нижеволжских городов. Только в конце XIV в. наметился медленный выход из кризиса, несколько ожививший мировую торговлю (Карпов 1990: 60-63, 300-331).

Нельзя сбрасывать со счетов, конечно, и социально-политические процессы. За сто лет своего существования Улус Джучи не только пережил становление, но и достиг высокого уровня развития общества. Многие, особенно процветающие области (Крым, Хорезм, Мухша), не нуждались в едином государстве, тяготея к обособлению. Стремление к децентрализации находило поддержку и в полунезависимых вассальных регионах, где всегда была сильна тенденция к отделению от Орды, наиболее явно это прослеживается на Руси и в Булгарии.

Внутри страны происходили сложные процессы, которые вели к феодализации ее территории, а уже к XIV в. здесь достаточно заметны черты высокоразвитого феодализма, для которого именно характерны децентрализация владений и власти (Федоров-Давыдов 1973: 109-138). Долгое время эта система уравнивалась сильной центральной властью и была достаточно стабильной, но в неблагоприятных условиях она стала быстро трансформироваться и распадаться.

По письменным источникам явно заметен рост могущества как улусбеков, так и татарской знати — владельцев более мелких ленных владений — икта и суйургалов. Экономическая мощь их базировалась на развитом скотоводстве и земледелии, а также на участии в дележе государственных налогов и других доходов. Значительная судебная и административная власть в пределах подчиненных им областей давала им для этого важные политические рычаги. Кроме того, многие крупные феодалы становились во второй половине XIV в. тарханами, то есть владельцами безусловных держаний, освобожденных практически от всех налогов и повинностей в пользу хана (Федоров-Давыдов 1973: 124-134). Материальные ресурсы некоторых из них были просто колоссальными. Так, арабские источники указывали, что некоторые эмиры крупных владений, получая от них доход до 100-200 тысяч золотых динаров, могли содержать войско в 5 тысяч хорошо вооруженных всадников (Тизенгаузен 1884: 244). Городская столичная знать и чиновничество также имели солидные поступления от сбора налогов и пошлин, чему способствовала развитая внутренняя и международная транзитная торговля и ремесленное производство. В XIV в. все чаще бывали случаи превращения эмирами своих улусов, включавших города и кочевья, в полунезависимые владения. С одной стороны, мелкие

феодалы и города, бывшие опорой власти ханов, стали подпадать под власть более крупных эмиров и улусбеков, видя в этом единственную возможность ослабить влияние природных и социальных действий. С другой — эти объединения стали претендовать на прерогативы центральной власти, дабы поставить на службу себе ордынскую казну и вооруженные силы империи. Вопреки мнению ряда историков (Егоров 1985: 56-58), нельзя преувеличивать стремление к сепаратизму ордынских эмиров в середине XIV в., как бы то ни было, большинство из них боролось между собой именно за овладение сарайским престолом. Это ярко демонстрирует, что сила инерции к централизации страны была еще очень сильна. Однако, в развитых феодальных окраинах империи — в Булгарии, Крыму, Сибири и Кок-Орде — уже возникли и укрепились силы, стремящиеся бороться за сохранение власти в пределах своих владений, но получить перевес они смогли только в начале XV в. До тех пор, пока сохранялась единая политическая власть (хан и его администрация) и экономические связи (торговля, единая денежная система) — Улус Джучи оставался единым.

Поводом для взрыва дремавших центробежных сил послужила борьба за ханский престол сразу нескольких чингисидов, каждый из которых имел права на державу предков и многочисленные отряды сторонников. Ухудшение природных условий, упадок земледелия и скотоводства, затухание торговли и ремесла, уменьшение притока дани и военной добычи в Поволжье, разлад денежного обращения, ослабление власти и влияния центральных органов управления, служившие фоном для усиления мощи отдельных владельцев улусов и стремления их к рычагам центральной власти, все это стало чертами нарастающего кризиса. Именно эти причины неумолимо поставили вопрос о существовании империи, а все попытки ответа на вызов времени оказались неудачными.

В 60-е г. XIV в. в Золотой Орде закружилась кровавая карусель внутренней войны. Ханский престол, ставший объектом борьбы между различными группировками аристократии Сарая, Ак-Орды и Кок-Орды, переходил из рук в руки с калейдоскопической быстротой. За период с 1359 по 1380 гг. в Сарая сменилось, по меньшей мере, 17 ханов (некоторые занимали престол по несколько раз), причем о многих ханах того времени историки не знают практически ничего, кроме имен на чеканенных ими монетах и до сих пор спорят об их историчности и последовательности правлений. (Егоров 1980: 190-192; Мухамадиев 1983: 88-99; Григорьев 1983).

Наступил длительный период упадка, и начался распад единого государства. Заполыхавшая внутренняя война и отпадение развитых областей, таких как Булгария, Хорезм, несли с собой также ухудшение финансового положения и углубление спада в торговле и ремесленном производстве. Из-за военной опасности прекратилось регулярное функционирование караванных путей, и, как следствие, нарушился ввоз сырья и вывоз продукции ремесла. Происходил постепенный упадок земледелия и запустение оседлых поселений в Поволжье. Столичные города стали обносить стенами. На волне ослабления центральной власти укрепляли свою независимость правители Руси, Булгарии, Хорезма и других улусов. В условиях междоусобицы именно их довольно стабильно развивавшиеся области стали объектами борьбы ханов на выплату дани, манипулирования претендентами на власть и карательных набегов враждующих сторон. Все эти действия разрушали привычный порядок и вызвали желание отстоять свои земли от посягательств самозванных ордынских правителей. Наиболее яркими свидетельствами этого стали появление своей правящей династии Суфи в Хорезме (Федоров-Давыдов 1965: 183-184), фактическая независимость Болгара при Булат-Тимуре (1360-1366 гг.) и правителях Хасане и Мухаммед-Султане (1370-1376 гг.), а также война московского князя Дмитрия Ивановича против Мамаея (1378-1380 гг.) (Фахрутдинов 1984: 119-123; Кучкин 1980; Мухамадиев 1983: 88-99).

Между тем, стремление к объединению страны и возрождению ее великодержавия не потеряло своей исторической инерции. Выразителем этих интересов стал хан Токтамыш (1380-1396 гг.), опиравшийся на знать Кок-Орды и Сарая. Он не только завоевал ханский престол, разметав своих врагов, в том числе грозного Мамаея, но и укрепил власть центра над улусами, подавив сепаратизм Руси и других регионов (разорение Москвы и Булгарии в 1382 г.). Но спустя некоторое время все реформы опять вылились в гонения на знать, отстранение ее от управления страной и подавление недовольных провинций, без коренных перемен, что привело к возникновению недовольства и открытых выступлений аристократии против усиления централизации. Кроме того, его иллюзорные желания вернуть дряхлеющей Золотой Орде былую военную славу эпохи «бури и натиска» привели к военным катастрофам в войнах с Аксак-Тимуром (1391 и 1395 гг.).

Новые попытки вернуть стабильность Улусу Джучи путем успешных государственных, идеологических и экономических реформ (укрепление централизации, монетная реформа, внедрение ислама и т.д.),

предпринятые талантливым военачальником и дипломатом улу карачи беком Идегеем (*Бартольд* 1963а: 797-804; *Якубовский* 1947: 30-45; *Сафаргалиев* 1960: 178-195, 227-229; *Измайлов* 1992а: 1: 51-59, 2: 63-71; 1994), на некоторое время действительно укрепили страну и сняли внутреннее напряжение. Его правление при номинальных ханах ознаменовалось рядом внешнеполитических успехов (особенно яркими были разгром Витовта на р. Ворскла в 1399 г., осада Москвы в 1408 г. и поход на Мавераннахр в 1405 г.). Но его усилия оказались напрасны. Развязка наступила в 1420 г., когда великий эмир Идегей потерпел поражение и погиб в борьбе за объединение государства против мятежных Джучидов. Час великодержавной Золотой Орды пробил и ее падение стало неизбежным.

Но даже после распада Улуса Джучи, его историческая судьба не прекратилась, поскольку остался переживший становление в этот период татарский народ, сохранились лучшие образцы ее богатой культуры, а на ее территории возникли поздnezолотоордынские татарские ханства, продолжавшие ее этнополитические и культурно-цивилизационные традиции.

Среди важнейших консолидирующих факторов было сохранение прежних социально-политических структур, клановой системы, восходящей к истории Улуса Джучи и объединявшей военно-служилую татарскую знать, а также мифологемы этнополитического единства и общая религия — ислам. Понятно, что мусульмане Золотой Орды, особенно, видимо, аристократия и кочевое население, были объединены не только самим фактом принятия ислама, но и через особый институт сейидов (сеидов). Далекое не случайно, что в ряде поздnezолотоордынских татарских ханств, сейиды (сеиды) — главы местного мусульманского духовенства — возводили свои генеалогии к общим предкам, жившим в эпоху Улуса Джучи (*Исхаков* 1997: 21). Перечисленные вполне реальные связи и механизмы социального и конфессионального единства, несомненно, основывались на золотоордынских этнополитических мифологемах и символах единства, основой которых на всей территории Улуса Джучи было представление о единстве «татар» как знати, «белой кости» общества.

Литература

Абдуллин И.А. 1974. Армяно-кыпчакские рукописи и их отношение к диалектам татарского языка // Материалы по татарской диалектологии 3. Казань. С.166-184.

Агаджанов С.Г. 1969. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв. Ашхабад.

1991. Государство Сельджукидов и Средняя Азия в XI-XII вв. М.

Алишев С.Х. 1985. К вопросу об образовании булгаро-татарской народности // Исследования по исторической диалектологии татарского языка. Казань. С.109-117.

1995. Образование татарской народности // Материалы по истории татарского народа. М. 201-223.

2000. Историки. Татарский народ. Казань.

Амброз А.К. 1971. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. I-II // Советская археология 3. С.96-123; 4. 106-134.

Аннинский С.А. 1940. Известия венгерских и миссионеров XIII и XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив т.3.

Арсланова А.А. 1990. Кыпчаки и термин Дашт-и Кыпчак (по данным персидских источников XIII-XIV вв.) // Национальный вопрос в Татарии дооктябрьского периода. Казань. С.4-20.

1997. К вопросу об этнониме «татары» // *Tatarica* 1. С.30-41.

Артамонов М.И. 1962. История хазар. Л.

Арутюнов С.А. 1989. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М.

Ахинжанов С.М. 1989. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алма-Ата.

Ашмарин Н.И. 1902. Болгары и чувашаи. Казань.

Багаутдинов Р.С., А.В. Богачев, С.Э. Зубов. 1998. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). Самара.

Байпаков К.М. 1986. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI — начало XIII в.). Алма-Ата.

Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. 1971. Древние города Казахстана. Алма-Ата.

Баллод Ф.В. 1923. Старый и Новый Сарай, столицы Золотой Орды. Казань.

1924. культура Золотой Орды // Новый Восток 6. С.336-349.

Барбаро и Контарини... 1971. Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Л.

Бартольд В.В. 1963. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Сочинения т. I.

1963а. Отец Едигея // Сочинения. т. II. ч.1. М. С.797-804.

1964. Улугбек и его время // Сочинения. т. II. ч.2. М. С.25-196.

- 1964а. О христианстве в Туркестане в домонгольский период // Сочинения. т. II. ч.2. М. С.265-302.
1968. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // Сочинения. Т.V. С.17-192.
- 1968а. История турецко-монгольских народов // Сочинения. Т.V. С.192-229.
1686. Древнетюркские надписи и арабские источники // Сочинения. Т.V. С.284-311.
- Баскаков Н.А.* 1969. Введение в изучение тюркских языков. М.
1985. Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». М.
- Белавин А.М.* 1999. Об этнической принадлежности так называемых «булгарских эсегел» // Проблемы древней и средневековой археологии Волго-Камья. Казань. С.73-84.
- Березин И.Н.* 1850. Ярлык Токтамыш хана к Ягайлу. Казань.
1851. Ханские ярлыки II. Тарханные ярлыки Тохтамышша, Тимур-Кутлука и Саадет-Гирея. Казань.
- Бернштам А.Н.* 1940. Из истории гуннов I в. до н. э. (Ху-хань-е и Чжи-чжи-шаньюй) // Советское востоковедение 1. С.51-77.
1946. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрков VI-VIII веков. М., Л.
1951. Очерк истории гуннов. Л.
1952. Историко-археологический очерк Центрального Тянь-Шаня и памиро-Алая // Материалы и исследования по археологии СССР. №26. М., Л.
- Блок М.* 1998. Короли-чудотворцы. Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии. М.
- Богуславский С.А.* 1925. К литературной истории «Памяти и похвалы князю Владимиру» // Известия Отделения русского языка и словесности АН СССР. Т.XXIX. С.141-153.
- Бромлей Ю.В.* 1983. Очерки теории этноса. М.
- Вайнер И.С., Г.А. Федоров-Давыдов.* 1963. О надписи и рисунке на кости из Нового Сарая // Советская археология 3. С.245-246.
- Вайнштейн С.И.* 1991. Мир кочевников центра Азии. М.
- Вайнштейн С.И., М.В. Крюков.* 1966. Об облике древних тюрков // Тюркологический сборник. 1966. М. С.177-187.
- Васильев Д.Д., М.В. Горелик, С.Г. Кляшторный.* 1993. Формирование имперских культур в государствах, созданных кочевниками Евразии // Из истории Золотой Орды. Казань. С.33-44.
- Вернадский Г.В.* 1997. Монголы и Русь. Тверь, М.
- 1997а. Россия в средние века. Тверь, М.
- Владимирцов Б.Я.* 1992. Чингис-хан. Горно-Алтайск.
- Волкова Н.Г.* 1985. Этническая история: содержание понятия // Советская этнография 5. С.16-25
- Гадло А.В.* 1979. Этническая история Северного Кавказа IV-X вв. Л.
1983. Этническая группа *барсилы* // Историческая этнография: традиции и современность. Л. С.79-91.

1994. Этническая история Северного Кавказа X-XIII вв. СПб.
- Газиз Г.* 1994. История татар. М.
- де Галонифонтибус И.* 1980. Сведения о народах Кавказа (1404 г.). (из сочинения «книга познания мира»). Баку.
- Галстян А.* 1977. Завоевание Армении монгольскими войсками // Татаро-монголы в Азии и Европе. М. С.166-185.
- Галляутдинов И.Г.* 1990. «Тарих нама-и Булгар» Таджетдина Ялчигулова. Уфа.
- Гандзакеци...* 1976. Гандзакеци Киракос. История Армении. М.
- Гарипов Т.М., Р.Г. Кузеев.* 1985. Волго-Уральский регион культурно-языкового взаимодействия уральских и алтайских этносов // Урало-Алтаистика. Археология. Этнография. Язык. М. С.107-112.
- ал-Гарнати...* 1971. Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131-1153 гг.). М.
- Гарустович Г.Н.* 1988. Об этнической принадлежности раннемусульманских памятников Западной и Центральной Башкирии // Проблемы древних угров на Южном Урале. Уфа. С.130-139.
1992. Население лесостепной зоны Южного Урала в X — начале XIII вв. // Археология Южного Урала. Стерлитамак. С.208-214.
- Генинг В.Ф.* 1970. Этнический процесс в первобытности. Свердловск.
1989. Некоторые вопросы периодизации этнической истории древних болгар // Ранние болгары в Восточной Европе. Казань. С.4-15.
- Генинг В.Ф., А.Х. Халиков.* 1964. Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский могильник. М.
- Герасимова М.М., Н.М. Рудь, Л.Т. Яблонский.* 1987. Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. М.
- Герберштейн С.* 1988. Записки о Московии. М.
- Гмыря Л.Б.* 1995. Страна гуннов у Каспийских ворот. Прикаспийский Дагестан в эпоху Великого переселения народов. Махачкала.
- Голден П.Б.* 1997. Половцы дикие // *Tatarica* 1. С.13-25.
- Гольман М.К.* 1988. Изучении истории Монголии на Западе (XIII — середина XX вв.). М.
- Горелик М.В.* 1983. Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV — начала XV вв. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М. С.244-269.
1987. Ранний монгольский доспех (IX — первая половина XIV вв.) // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск. С.163-208.
- Город Болгар...* 1987. Город Болгар. Очерки истории и культуры. М.
- Город Болгар...* 1988. Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. М.
- Город Болгар...* 1996. Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань.
- Горский А.А.* 1996. Русские земли в XIII-XIV веках. Пути исторического развития. М.
- Грач А.Д.* 1972. Вопросы датировки и семантики древнетюркских тамгообразных изображений горного козла // Тюркологический сборник. 1972. М. С.316-333.

- Греков Б.Д., Н.Ф. Калинин.* 1948. Булгарское государство до монгольского завоевания // Материалы по истории Татарии. Вып. 1. Казань. С.97-185.
- Греков Б.Д., А.Ю. Якубовский.* 1950. Золотая Орда и ее падение. М., Л.
- Греков И.Б.* 1975. Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV-XV вв.). М.
- Григорьев А.П.* 1981. Официальный язык Золотой Орды XIII-XIV вв. // Тюркологический сборник. 1977. М. С.81-89.
1983. Золотоордынские ханы 60-70-х годов XIV в.: хронология правлений // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки VII. Л. С.9-54.
- Григорьев В.В.* 1842. О достоверности ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству. Историко-филологическое исследование. М.
- Гумилев Л.Н.* 1960. Хунну. Срединная Азия в древние времена. М.
1966. Гетерохронность увлажнения Евразии в древности (Ландшафт и этнос. IV) // Вестник Ленингр. ун-та 6. С.62-71.
- 1966а. Гетерохронность увлажнения Евразии в средние века (Ландшафт и этнос. V) // Вестник Ленингр. ун-та 18. С.81-90.
1967. Древние тюрки. М.
- 1967а. Роль климатических колебаний в истории народов степной зоны Евразии // История СССР 1. С.53-66.
1974. Хунну в Китае. Три века войны Китая со степными народами III-VI вв. М.
1989. Этногенез и биосфера земли. 2-е изд. Л.
1992. Древняя Русь и Великая степь. М.
1993. О термине «этнос» // Этносфера: История людей и история природы. М.
1994. Поиски вымышленного царства. Легенда о «Государстве пресвитера Иоанна». М.
- Гусева Т.В.* 1985. Золотоордынский город Сарай ал-Джадид. Горький.
- Давлетишин Г.М.* 1990. Волжская Булгария: духовная культура. Казань.
1991. Биляр-Булгар в устном народном творчестве // Биляр — столица домонгольской Булгарии. Казань. С.60-69.
- Далай Ч.* 1983. Монголия в XIII-XIV веках. М.
- Димитриев В.Д.* 1984. О последних этапах этногенеза чувашей // Болгары и чуваша. Чебоксары. С.23-58.
1997. Опустошение болгарской земли в конце XIV — начале XV веков // Вопросы истории народов Поволжья и Приуралья. Чебоксары. С.7-44.
- Добродомов И.Г.* 1978. О половецких этнонимах в древнерусской литературе // Тюркологический сборник. 1975. М. С.102-129.
1995. К вопросу о «серебряных булгарах» // Древнейшие государства Восточной Европы. 1992-1993. М. С.149-154.
- Дробижева Л.М.* 1985. Национальное самосознание: база формирования и социально-культурные стимулы развития // Советская этнография 5. С.3-16.
- Дробинский А.И.* 1948. Русь и Восточная Европа во французском средневековом эпосе // Исторические записки 26. С.95-127.

- Думан Л.И.* 1968. Общественный строй сяньби и тоба III-IV вв. н.э. // Вопросы истории и историографии Китая. М.
- Егоров В.Л.* 1969. Причины возникновения городов у монголов в XIII-XIV вв. // История СССР 4. С.39-49.
1980. Золотая Орда перед Куликовской битвой // Куликовская битва. М. С.174-213.
1985. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. М.
- Ермолаев И.П.* 1982. Среднее Поволжье во второй половине XVI-XVII вв. Управление Казанским краем. Казань.
- Ермолова И.Е.* 1999. Кочевники европейских степей эпохи Великого переселения народов // Буданова В.П., Горский А.А., Ермолова И.Е. Великое переселение народов. Этнополитические и социальные аспекты. М. С.222-311.
2000. Сообщение Приска Панийского о передвижениях племен в V в. (фрагмент 30) // Восточная Европа в древности и средневековье. Историческая память и формы ее воплощения. XII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто. Материалы к конференции. М. С.133-137.
- Ефимова С.Г.* 1991. Палеоантропология Поволжья и Приуралья. М.
- Закиев М.З.* 1986. Проблемы языка и происхождения волжских татар. Казань.
1995. Проблемы этногенеза татарского народа // Материалы по истории татарского народа. Отв. ред. С.Х. Алишев. М.
- Закиев М.З., Я.Ф. Кузьмин-Юманади.* 1993. Волжские булгары и их потомки. Казань.
- Закиров С.* 1966. Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом (XIII-XIV вв.). М.
- Зарубежная тюркология.* 1986. Сост. С.Г.Кляшторный. Вып. 1. М.
- Засецкая И.П.* 1994. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV-V вв.). СПб.
- Заходер Б.Н.* 1967. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т.2. М.
- Зяблин Л.П.* 1955. О «татарских» курганах // Советская археология XXII. С.83-96.
- Ибн-Фадлан...* Ковалевский А.П. 1956. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. Харьков.
- Иванов В.А.* 1988. Magna Hungaria — археологическая реальность? // Проблемы древних угров на Южном Урале. Уфа. С.53-66.
- Иванов В.А., В.А. Кригер.* 1988. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII-XIV вв.). М.
- Идегей.* 1990. Идегей. Татарский народный эпос. Казань.
- Иерусалимская А.А.* 1967. О северокавказском «шелковом пути» в раннем средневековье // Советская археология 2. С.55-78.
1972. Великий шелковый путь и Северный Кавказ. Л.
- Известия...* 1890. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т 1. СПб.
- Измайлов И.Л.* 1988. Из истории домонгольского и раннезолотоордынского защитного доспеха волжских булгар // Волжская Булгария и монгольское нашествие. Казань. С.87-102.

1992. Татары средневековья (этнополитическое самосознание населения Золотой Орды) // Татарстан 11/12. С.50-59.
- 1992а. Идегей: Жизнь, ставшая легендой // Татарстан 1. С.51-59; 2. С.63-71.
1993. Некоторые аспекты становления и развития этнополитического самосознания населения Золотой Орды в XIII-XV вв. // Из истории Золотой Орды. Казань. С.17-32.
- 1993а. Улус Джучи: взгляд на историю средневековой империи // Татарстан 7. С.39-48; 8. С.37-44.
1994. Битва на Ворскле. 1399. Звездный час эмира Идегея // Цейхгауз. № 3 (№ 1/1994). С.80-83.
1996. Этнополитические аспекты самосознания булгар X-XIII вв. // Панорама-Форум 1(4). С.97-113.
- 1996а. «Не дано марксистской оценки Золотой Орде...» // Эхо веков/ Гасырлар авазы 3/4. С.96-101.
- 1996б. Мозаика из осколков истории // Татарстан 12. С.68-82.
1997. Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X — начала XIII в. Магадан.
- 1997а. «Идегеево побоище» ЦК ВКП(б) // Родина 3/4. С.116-118.
- 1997б. Лукавое обаяние дилетантизма // Татарстан 12. С.30-44.
1999. «Безбожные агаряне»: Волжская Булгария и булгары глазами русских (X-XIII вв.) // Восточная Европа в древности и средневековье. Контакты, зоны контактов и контактные зоны. XI Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто. Материалы к конференции. М. С.69-75.
2000. 1183 год. Крестовый поход на Волге // Родина 3. С.38-43.
- Именник...* 1981. Именик на българските ханове. Критично издание с коментар и обяснителни бележки от Ив. Богданов. София.
- Иностранцев К.* 1926. Хунну и гунны. Л.
- Иордан.* 1997. О происхождении и деяниях гетов («Getica»). 2-е изд. Пер. и коммент. Е.Ч. Скржинской. СПб.
- Исхаков Д.М.* 1980. Татаро-бесермянские этнические связи как модель взаимодействия болгарского и золотоордынского этносов // Изучение преемственности этнокультурных явлений. М. С.16-38.
1988. Об этнической ситуации в Среднем Поволжье в XVI-XVII вв. (критический обзор гипотез о «ясачних чувашах» Казанского края // Советская этнография 5. С.140-146.
1997. Ключевой этап татарской истории // Татарстан 3. С.14-19.
- 1997а. Этнополитическая история татар // Идел 1/2. С.36-43.
- 1997б. Сеиды в поздnezолотоордынских татарских государствах. Казань.
1998. От средневековых татар к татарам нового времени. Казань.
- Исхаков Д.М., И.Л. Измайлов.* 1999. Татары // Из истории Альметьевского региона. Отв. ред. Д.М. Исхаков. Казань. С.8-26.
- Кадырбаев А.Ш.* 1990. Тюрки и иранцы в Китае и Центральной Азии XIII-XIV вв. Алма-Ата.

1992. Казахстан в эпоху Чингиз-хана и его преемников. XII-XIV века. Алма-Ата.
1993. Очерки истории средневековых уйгуров, джалаириров, найманов и керейтов. Алма-Ата.
1997. За пределами Великой степи. Алматы.
- Казаков Е.П.* 1991. О взаимодействии волжских болгар с тюркоязычным населением юго-восточной Европы в IX-XI веках (по археологическим данным) // Булгарское село X-XIII веков низовий Камы. Казань. С.167-176.
1992. Культура ранней Волжской Болгарии. М.
1997. Волжская Болгария и финно-угорский мир // *Finno-Ugrica* 1. С.33-53.
1999. Новые археологические материалы к проблеме ранней тюркизации Урало-Поволжья // Татарская археология 1/2. С.23-38.
- 1999а. К вопросу о хазарском и угорском компонентах в культуре ранней Волжской Болгарии // Проблемы древней и средневековой археологии Волго-Камья. Казань. С.64-73.
- Каргалов В.В.* 1967. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. М.
- Каримуллин А.Г.* 1988. Татары: этнос этноним. Казань.
- Карпов С.П.* 1990. Итальянские морские республики и южное Причерноморье в XIII-XV вв.: Проблемы торговли. М.
- Каховский В.Ф.* 1965. Происхождение чувашского народа. Основные этапы этнической истории. Чебоксары.
1984. Археология Волжской Болгарии и вопросы этногенеза чувашской народности // Болгары и чуваша. Чебоксары. С.58-75.
- Киселев С.В.* 1949. Древняя история Южной Сибири // Материалы и исследования по археологии СССР №9. М., Л.
- Клавихо...* 1990. де Клавихо Руи Гонсалес. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1463-1406). М. С.72, 143-146.
- Клейн Л.С.* 1991. Археологическая типология. Л.
1993. Феномен советской археологии. СПб.
- Кляшторный С.Г.* 1964. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М.
1981. Мифологические сюжеты в древнетюркских памятниках // Тюркологический сборник. 1977. М. С.117-138.
1982. Гуннская держава на Востоке (III в. до н. э. — IV в. н. э.) // История древнего мира. Т. 3. М. С.243-255.
1993. Государства татар в Центральной Азии (дочингисова эпоха) // *Mongolica*. К 750-летию «Сокровенного сказания». М. С.139-147.
1995. Первый Тюркский каганат // История Востока. Т.2: Восток в средние века. М. С.60-67
- 1995а. Второй Тюркский каганат // История Востока. Т.2: Восток в средние века. М. С.151-155
- Кляшторный С.Г., Д.Г. Савинов.* 1994. Степные империи Евразии. СПб.

- Кнабе Г.С.* 1959. Вопрос о соотношении археологической культуры и этноса в современной зарубежной литературе // Советская археология 3. С.243-257.
- Ковалевская В.Б.* 1970. К изучению орнаментики наборных поясов VI-IX вв. как знаковой системы // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М. С.144-155.
- Козлов В.И.* 1999. Этнос. Нация. Национализм. Сущность и проблематика. М.
- Козин С.А.* 1941. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. М., Л.
- Коновалова И.Г.* 1999. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. М.
- Кононов А.Н.* 1947. Опыт анализа термина *тжрк* // Советская этнография 1. С.40-47.
1958. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-гази хана хивинского. М., Л.
- Константин Багрянородный...* 1989. Константин Багрянородный. Об управлении империей. Под ред. Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. М.
- Кортеева В.В.* 1999. Теории национализма в зарубежных социальных науках. М.
- Костюков В.П.* 1997. Памятники кочевников XIII-XIV вв. Южного Зауралья (к вопросу об этнокультурном составе Улуса Шибана). Автореф. дисс. канд. ист. наук. Уфа.
1999. Кыпчаки и Золотая Орда // XIV Уральское совещание. 21-24 апреля 1999 г. Тезисы докладов. Челябинск. С.155-156.
- Крамаровский М.Г.* 1999. О доблести и пряжке у Чингисидов (в связи с новой находкой воинского пояса первой половины XIII в.) // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского. Тезисы докладов. СПб. С.38-46.
- Крюков М.В.* 1976. Эволюция этнического самосознания и проблема этногенеза // Расы и народы 6. М. С.42-63.
- Крюков М.В., Л.С. Переломов, М.В. Софронов, Н.Н. Чебоксаров.* 1983. Древние государства в эпоху централизованных империй. М.
- Крюков М.В., В.В. Малявкин, М.В. Софронов.* 1979. Китайский этнос на пороге средних веков. М.
- Крюков М.В., В.В. Малявкин, М.В. Софронов.* 1984. Китайский этнос в средние века (VII-XIII вв.). М.
- Крюков М.В., В.В. Малявкин, М.В. Софронов.* 1987. Этническая история китайцев на рубеже средневековья и нового времени. М.
- Крюков М.В., В.В. Малявкин, М.В. Софронов, Н.Н. Чебоксаров.* 1993. Этническая история китайцев в XIX — начале XX века. М.
- Кубарев В.Д.* 1984. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск.
- Кузеев Р.Г.* 1992. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала (Этногенетический взгляд на историю). М.
- Кузеев Р.Г., В.А. Иванов.* 1983. Основные этапы этнической истории населения Южного Урала и Приуралья в эпоху средневековья (V-XIV вв.). Препринт доклада. Уфа.
1984. Этнические процессы в Волго-Уральском регионе в V-XVI веках и проблема происхождения чувашского этноса // Болгары и чуваша. Чебоксары. С.3-22.

- Кульпин Э.С.* 1998. Золотая Орда (Проблема генезиса российского государства). М.
- Кумекон Б.Е.* 1972. Государство кимаков IX-XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата.
- Кутлуков М.* 1977. Монгольское господство в восточном Туркестане // Татаро-монголы в Азии и Европе. М. С.85-106.
- Кучкин В.А.* 1980. Русские княжества и земли перед Куликовской битвой // Куликовская битва. М. С.26-112.
1991. Русь под игом: как это было? М.
- Кычанов Е.И.* 1993. Кешектены Чингис-хана (о месте гвардии в государствах кочевников) // Mongolica. К 750-летию «Сокровенного сказания». М. С.148-156.
1995. Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир: Чингис-хан. Личность и эпоха. М.
1997. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М.
- Лебедев Н.С.* 1944. Византия и монголы в XIII веке (по известиям Георгия Пахимера) // Исторический журнал 1. С.91-94.
- Лимонов Ю.А.* 1967. Летописание Владимиро-Суздальской Руси. М.
- Литаврин Г.Г.* 1985. Формирование и развитие Болгарского раннефеодального государства (Конец VII — начало XI вв.) // Раннефеодальные государства на Балканах VI — XII вв. М. С.132-188.
- ЛПС... 1851. Летописец Переяславля Суздальского. М.
- Лубо-Лесниченко Е.И.* 1994. Китай на Шелковом пути (Шелк и внешние связи древнего и раннесредневекового Китая). М.
- Макаров Л.Д.* 1997. Славяне между волгой и Уралом в X-XV вв. (по археологическим данным) // Труды VI Конгресса славянской археологии. Проблемы славянской археологии. М. С.296-306.
- Малов С.Е.* 1951. Памятники древнетюркской письменности. М., Л.
- Малявкин А.Г.* 1974. Материалы по истории уйгуров в IX-XII вв. Новосибирск.
1980. Тактика Танского государства в борьбе за гегемонию в восточной части Центральной Азии // Дальний Восток и соседние территории в средние века. Новосибирск. С.103-126.
1983. Уйгурские государства в IX-XII вв. Новосибирск.
1984. Марионетки из дома Ашина // Восточный Туркестан и Средняя Азия. История. Культура. Связи. М. С.135-155.
1989. Танские хроники о государствах Центральной Азии. Новосибирск.
- Марджани Ш.* 1884. Очерк истории Болгарского и Казанского царств // Труды IV Археологического съезда. Казань. С.40-58.
1989. Мостэфадел — ахбар фи эхвали Казан вэ Болгар. Казань.
- Материалы...* 1984. Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. Введение, пер. и комментарии В.С.Таскина. М.
- Материалы...* 1989. Материалы по истории кочевых народов в Китае III-V вв. Выпуск 1. Сюнну. М.
- Матузова В.И.* 1979. Английские средневековые источники. М.: Наука.

Махмутова Л.Т. 1982. Татарский язык в его отношении к древнеписьменному памятнику Codex Cumanicus по данным лексики (краткий анализ и приложение) // Исследования по исторической диалектологии татарского языка. Казань. С.68-153.

Мелетинский Е.М. 1983. Мифология // Философский энциклопедический словарь. М. С.377-378.

Мерперт Н.Я. 1957. К вопросу о древнейших болгарских племенах. Казань.

Мерперт Н.Я., В.Т. Пашуто, Л.В. Черепнин. 1962. Чингис-хан и его наследие // История СССР 5. С.92-119.

Михайлов Т.М. 1993. Развитие этнического самосознания монголов в XII-XIV вв. // Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск. С.179-198.

Мункуев Н.Ц. 1977. Заметки о древних монголах // Татаро-монголы в Азии и Европе. М. С.377-408.

Мургулия М.П., В.П. Шушарин. 1998. Половцы, Грузия и Венгрия в XII-XIII веках. М.

Мухамадиев А.Г. 1983. Булгаро-татарская монетная система XII-XV вв. М.

1995. Золотая Орда // Материалы по истории татарского народа. Казань. С.134-185.

Мэн-да бей-лу 1975. (Полное описание монголо-татар). М.

Наджип Э.Н. 1979. Историко-сравнительный словарь тюркских языков XIV в. Кн.1. М.

1989. Исследования по истории тюркских языков XI-XIV вв. М.

Народы Поволжья... 1985. Народы Поволжья и Приуралья: Историко-этнографические очерки. М.

Насонов А.Н. 1940. Монголы и Русь (история татарской политики на Руси). М., Л.

Неклюдов С.Ю. 1981. Мифология тюркских и монгольских народов (Проблемы взаимосвязей) // Тюркологический сборник. 1977. М. С.183-202

1984. Героический эпос монгольских народов. Устные и литературные традиции. М.

1991. Монгольских народов мифология // Мифы народов мира. М. С.170-174.

Новгородова Э.А. 1981. Памятники изобразительного искусства древнетюркского времени на территории МНР // Тюркологический сборник. 1977. М. С.203-218.

Новосельцев А.П. 1990. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.

Памятники... 1955. Памятники русского права. Вып. III. М.

Память и похвала... 1988. Память и похвала Владимиру Иакова мниха // «Крещение Руси» в трудах русских и советских историков. М. С.286-290.

Панкратов Б.И. 1993. Образцы переводов из «Юань-чао би-ши» (подготовка к печати и предисловие Ю.Л. Кроля) // Mongolica. К 750-летию «Сокровенного сказания». М. С.103-125.

- Пашуто В.Т.* 1956. Героическая борьба русского народа за независимость (XIII век). М.
1977. Монгольский поход в глубь Европы // Татаро-монголы в Азии и Европе. 2-е изд. М. С.210-227.
- Петров А.М.* 1995. Великий шелковый путь (о самом простом, но мало известном). М.
- Петрухин В.Я.* 1995. Начало этнокультурной истории Руси IX-XI веков. Смоленск, М.
- Петрухин В.Я., Д.С. Раевский.* 1998. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М.
- Плетнева С.А.* 1958. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // Материалы по археологии СССР. №62. С.151-226.
1967. От кочевий к городам // Материалы по археологии СССР 142.
1974. Половецкие каменные изваяния. М.
1982. Кочевники Средневековья. Поиски исторических закономерностей. М.
1986. Хазары. 2-е изд., доп. М.
1990. Половцы. М.
- Поло...* 1990. Книга Марко Поло. Алма-Ата.
- После Марко Поло.* 1968. После Марко Поло. М.
- Поляк А.Н.* 1964. Новые арабские материалы позднего средневековья в Восточной и Центральной Европе // Восточные источники по истории народов Юго-восточной и центральной Европы. М. С.29-66.
- Поппе Н.Н.* 1941. Золотоордынская рукопись на бересте // Советское востоковедение II. С.81-134.
- Потапов Л.П.* 1973. Умай — божество древних тюрков в свете этнографических данных // Тюркологический сборник. 1972. М. С.265-286.
- Поэзия...* 1993. Поэзия древних тюрков VI-XII веков. (Переводы А. Преловского; стих. реконстр., научн. перев., сост., вступ. Статья, комментарии И.В. Стеблевой). М.
- ПСРЛ. Полное собрание русских летописей. Т. I-XLI. СПб. — М. Л., 1841-1999.
- Предания...* Татарское народное творчество: Предания и легенды. Казань, 1987. (на татар. языке).
- Приселков М.Д.* 1950. Троицкая летопись. М., Л.
1998. Образование великорусского государства. М.
- Путешествие...* 1967. Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М.
- Радкевич В.А.* 1990. Великий шелковый путь. М.
- Радлов В.В.* 1884. О языке куманов. По поводу издания куманского словаря // Записки Имп. Академии наук. Т. XLVIII. Прил. №4. С.52-53.
- Развитие...* 1982. Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья М.
- Развитие...* 1989. Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого средневековья М.

- Расовский Д.А.* 1933. Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии // *Seminarium Kondakovianum* 6. С.1-66.
- Рашид ад-Дин.* 1952. Сборник летописей. Т. I. кн.1-2. Пер. Л.А. Хетагурова. М., Л.
- Родионов В.Г.* 1984. Этнокультурные черты и история бесермян как свидетелства болгаро-чувашской преемственности // *Болгары и чуваши.* Чебоксары. С.140-154.
- Рыбаков Б.Н.* 1952. Русские земли по карте Идриси 1154 г. // *Краткие сообщения Института истории материальной культуры.* Вып. XLIII. С.3-44.
- Рязанов С.В.* 1997. Чугунолитейное ремесло в городах Золотой Орды (итоги предварительного исследования). Уфа.
- Савинов Д.Г.* 1984. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.
- Савич А.* 1936. Золотая Орда // *История в школе* 2. С.37-49.
- Сагитова Л.В.* 1998. Этничность в современном Татарстане. Воспроизводство этничности в татарском обществе на рубеже 1980-1990-х гг. (по материалам республиканской прессы и этносоциологических исследований). Казань.
- Самаркин В.В.* 1976. Историческая география Западной Европы в средние века. М.
- Самойлович А.* 1913. Среднеазиатская турецкая надпись на глиняном кувшине из Сарайчика // *Записки Восточного отделения Русского археологического общества.* Т.XXI. Вып. 1. С.038-047.
1927. К истории крымско-татарского литературного языка // *Вестник Научного общества Татароведения (Казань)* 7. С.27-33.
- 1927а. К истории культурных и этнических отношений в Волжско-Уральском крае // *Новый Восток.* Кн. 18. С.210-217.
- Сафаргалиев М.Г.* 1960. Распад Золотой Орды. Саранск.
- Седов В.В.* 1987. Венгры в Восточной Европе // *Финно-угры и балты в эпоху средневековья.* М. С.336-239.
- Скрынников Р.Г.* 1997. История Российская. IX-XVII вв. М.
- Скрынникова Т.Д.* 1997. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. М.
- Смирнов А.П.* 1951. Волжские булгары // *Труды Государственного исторического музея.* Вып. XIX.
- Смолин В.Ф.* 1921. К вопросу о происхождении народности камско-волжских болгар. Казань.
- Сочнев Ю.В.* 1993. Христианство в Золотой Орде в XIII веке // *Из истории Золотой Орды.* Казань. С.107-118.
- Спицын А.А.* 1927. Татарские курганы // *Известия Таврического Общества истории, археологии и этнографии (Симферополь).* Т.1 (58).
- Строева Л.В.* 1951. Борьба кочевой и оседлой знати в Чагатайском государстве в первой половине XIV в. // *Памяти академика Игнатия Юлиановича Крачковского.* Л. С.206-220.
- Судьба степей...* Мордкович В.Г., А.М. Гиляров, А.А. Тишков, С.А. Баландин. 1997. Судьба степей. Новосибирск.
- Султанов Т.И.* 1982. Кочевые племена Приаралья в XV-XVII вв. (Вопросы этнической и социальной истории). М.

- Татаро-монголы...* 1977. Татаро-монголы в Азии и Европе. 2-е изд. М.
- Тизенгаузен В.Г.* 1884. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. т.I. СПб.
- Тизенгаузен В.Г.* 1941. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. т. II. М., Л.
- Тихомиров М.Н.* 1969. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М.
1973. Бесермены в русских источниках // Тихомиров М.Н. Российское государство XV-XVI веков. М. С.84-90.
- Токарев С.А., Е.М. Мелетинский.* 1991. Мифология // Мифы народов мира. М. С.11-20.
- Толочко П.П.* 1999. Кочевые народы степей и Киевская Русь. Киев.
- Томилов Н.А.* 1993. Проблемы этнической истории (по материалам Западной Сибири). Томск.
- Трепавлов В.В.* 1993. Государственный строй Монгольской империи XIII в. Проблема исторической преемственности. М.
- 1993а. Традиции государственности в кочевых империях (очерк историографии) // *Mongolica*. К 750-летию «Сокровенного сказания». М. С.169-189.
- Трифонов Ю.И.* 1973. Об этнической принадлежности погребений с конем древнетюркского времени (в связи с вопросом о структуре погребального обряда тюрков-тугу) // Тюркологический сборник. 1972. М. С.351-374.
- Трофимова Т.А.* 1936. Краниологический очерк татар Золотой Орды // Антропологический журнал 2. С.166-192.
- Усманов М.А.* О языковых особенностях надписи из Нового Сарая // Советская археология 3. С.246.
1972. Татарские исторические источники XVII-XVIII вв. Казань.
1979. Жалованные грамоты Джучиева Улуса XIV-XVI вв. Казань.
- Успенский Ф.* 1992. Византийские историки о монголах и египетских мамлюках // Забвению не подлежит. Казань. (изд. по: Византийский временник 1924. Т.26).
- Утямыш-хаджи...* 1992. Утямыш-хаджи. Чингиз-наме. Пер. и исслед. В.П. Юдина. Алма-Ата.
- Фасеев Ф.С.* 1966. Краткий грамматический справочник татарского языка // Татарско-русский словарь. М. С.807-863.
- Фаттахов Р.М.* 1979. Антропологическая характеристика материалов из IV Биллярского могильника (по раскопкам 1972-1973 гг.) // Новое в археологии Поволжья. Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань. С.119-123.
- Фахрутдинов Р.Г.* 1975. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань.
1984. Очерки по истории Волжской Булгарии. М.
1992. Татар татармы, татар тугелме? // Мирас 12. С.53-58.
1993. Золотая Орда и ее роль в истории татарского народа // Из истории Золотой Орды. Казань. С.5-17.
- 1993а. Золотая Орда и татары. Что в душе у народа. Набережные Челны.

- Федоров-Давыдов Г.А.* 1965. Нумизматика Хорезма золотоордынского периода // Нумизматика и эпиграфика V. С.180-185.
1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.
1970. Кочевая Орда в Улусе Джучи // Вестник Московского университета 5. С.75-86.
1973. Общественный строй Золотой Орды. М.
1976. Искусство кочевников и Золотой Орды: Очерки культуры и искусства народов Евразийских степей и золотоордынских городов. М.
1994. Золотоордынские города Поволжья. М.
1998. Торговля нижневолжских городов Золотой Орды // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 1. Йошкар-Ола. С.38-59.
- 1998а. Раскопки Поволжской археологической экспедицией золотоордынских городов на Нижней Волге // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 1. Йошкар-Ола. С.3-15.
- Феннел Дж.* 1989. Кризис средневековой Руси. 1200-1304. М.
- Хакимзянов Ф.С.* 1978. Язык эпитафий волжских булгар. М.
1987. Эпиграфические памятники Волжской Булгарии и их язык. М.
- Халиков А.Х.* 1971. Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань.
1978. Происхождение татар Поволжья и Приуралья. Казань.
1985. О происхождении, этимологии и распространении имени «татары» в Среднем Поволжье и Приуралье // К вопросу этнической истории татарского народа. Казань. С.11-35.
1987. Памятники писеральско-андреевского типа в Волжском Правобережье и их этнокультурная интерпретация // Археология и этнография марийского края. Вып.12. С.8-24.
1988. Рунические знаки и надписи от Волжка България и техните дунавски паралели // Археология (София) 3. С.36-48.
- 1988а. Новые данные о пребывании древних венгров между Камой и Уралом // Проблемы древних угров на южном Урале. Уфа. С.67-78.
1989. Татарский народ и его предки. Казань.
- 1989а. Основные этапы истории и археологии ранних болгар в Среднем Поволжье и Приуралье // Ранние болгары в Восточной Европе. Казань. С.16-23.
1992. Кто мы: болгары или татары? Казань.
1994. Монголы, татары, Золотая Орда и Булгария. Казань.
- Халиков А.Х., Ф.С. Хакимзянов.* 1997. Об этнонимах и топонимах болгарского времени // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность. Т.1. С.94-96.
- Халикова Е.А.* 1975. Magna Hungaria // Вопросы истории 7. С.37-42.
1976. Ранневенгерские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья // Советская археология 3. С.141-156.
1979. IV Билярский некрополь // Новое в археологии Поволжья. Казань. С.114-118.
1986. Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X — начала XIII в. Казань.

- Халиуллин И.Х.* 1995. Среднее Поволжье и Нижнее Прикамье в XIII в. // Материалы по истории татарского народа. Казань. С.118-135.
- Хауссиг Г.В.* 1977. К вопросу о происхождении гуннов // Византийский временник. 38. С.59-71
- Хвольсон Д.А.* 1869. Известия о хазарах, бургасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омар Ибн-Дафта. СПб.
- аль-Холи Амин.* 1962. Связь между Нилом и Волгой в XIII-XIV вв. М.
- Худяков Ю.С.* 1986. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск.
- 1986а. Кыргызы на Енисее. Учебное пособие. Новосибирск.
1991. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск.
1998. Искусство средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск.
- Хузин Ф.Ш.* 1995. Булгары на Волге и Каме до монгольского завоевания (вторая половина VIII — XIII вв.) // Материалы по истории татарского народа. Отв. ред. С.Х. Алишев. Казань. С.95-117.
1997. Волжская Булгария в домонгольское время. (X — начало XIII веков). Казань.
- Чебоксаров Н.Н.* 1980. Значение данных антропологии для разработки проблем происхождения и этнической истории тюркских народов // Проблемы современной тюркологии. Алма-Ата. С.315-318.
- Черепнин Л.В.* 1977. Монголо-татары на Руси (XIII в.) // Татаро-монголы в Азии и Европе. 2-е изд. М. С.186-209.
- Чингис-наме...* 1934. Автобиография Тимура. Богатырские сказания о Чингис-хане и Аксак-Тимуре. М.
- Чичуров И.С.* 1980. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора (тексты, перевод, комментарий). М.
- Шамильоглу Ю.* 1991. Формирование исторического сознания татар: Шигабутдин Марджани и образ Золотой Орды // Татарстан 10. С.21-27.
1993. «Карачи беи» поздней Золотой Орды: заметки по организации монгольской мировой империи // Из истории Золотой Орды. Казань. С.44-60.
- Шарифуллин Р.Ф.* 1984. Исследования IV Билярского могильника в 1979 году // Археологические памятники Нижнего Прикамья. Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань. С.65-82.
- Шастина Н.П.* 1977. Образ Чингисхана в средневековой литературе монголов // Татаро-монголы в Азии и Европе. М. С.462-483.
- Шер Я.А.* 1966. Каменные изваяния Семиречья. М., Л.
- Шнирельман В.А.* 1984. Этноархеология — 70-е годы // Советская этнография 2. С.100-113.
1993. Археологическая культура и социальная реальность (Проблема интерпретации керамических ареалов). Препринт. Екатеринбург.
- Щавелева Н.И.* 1978. К истории второго нашествия монголо-татар на Польшу // Восточная Европа в древности и средневековье. М. С.307-314.

- Щербак А.Н.* 1959. Знаки на керамике и кирпичах из Саркела-Белой Вежи // *Материалы и исследования по археологии СССР.* №75. С.362-389.
- Эрдели И.* 1982. Исчезнувшие народы. Авары. // *Природа* 11. С.50-58.
1986. Археология Венгрии VI-XI вв. // *Археология Венгрии* конец II тыс. до н. э. — I тыс. н.э. М. С.310-346.
- Юдин В.П.* 1992. Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая... // *Утямыш-хаджи. Чингиз-наме.* Алма-Ата. С.14-56.
- Юсупов Г.В.* 1960. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. М., Л.
- Якубовский А.Ю.* 1947. Из истории падения Золотой Орды // *Вопросы истории* 2. С.
- Яминов А.Ф.* 1992. Кыпчаки на Южном Урале в XIII-XIV вв. // *Археология Южного Урала. Стерлитамак.* С.215-227.
1997. Монгольский «след» в Восточной Европе: итоги и реальность археологических поисков // *Россия и Восток: археология и этническая история.* Омск.66-69.
- Allsen T.T.* 1981. Mongol Census Taking in Rus 1245-1275 // *Harvard Ukrainian studies.* Vol. V. № 1. p.32-53.
- Bartha A.* 1975. Hungarian Society in the IXth Centuries. Budapest.
- Bregel Y.* 1982. Tribal tradition and dynastic history // *Asian and African studies (Journal of the Israel Oriental Society).* Vol. 16. p. 357-398.
- Decsy G.* 1998. The Turkic Protolanguage: a computational Reconstruction. Bloomington.
- DeWeese D.* 1994. Islamization and Native Religion in the Golden Horde. Baba Tukles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition. — Pennsylvania State University.
- Diplomatarium...* 1880. *Diplomatarium Veneto-Levantinum.* T.1. Ed. G.M. Thomas. Venetiis.
- Dobrovits M.* 1994. The turco-mongolian tradition of common origin and the historiography in fifteenth century Central Asia // *Acta Orientalia* T. XLVII (3). p. 269-277.
- Frank J. A.* 1998. Islamic Historiography and «Bulghar» Identity among the Tatats and Bashkirs of Russia. Leiden-Boston-Keln.
- Golden P.B.* 1980. Khazar studies. An historic-philological inquiry into origins of the Kazars. Vol. 1-2. Budapest.
- 1979/1980. The polovci Dikii // *Harvard Ukrainian studies.* Vol. III-IV. Part 1. p. 296-309.
1986. Cumanica II: The olberli (olperli): The Fortunes and misfortunes of Inner Asian clan // *Archivum Eurasiae medii aevi.* Vol.6. p. 5-30.
1992. An Introduction to the History of the Turkic Peoples. Ethnogenesis and State-Formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the Middle East. Wiesbaden.
- Gorelik M.V., M.G. Kramarovsky.* 1989. The Mongol-Tatar states of the thirteenth and fourteenth centuries // *Nomads of Eurasia.* Los Angeles. p.67-87.
- Halperin Ch. J.* 1985. Russia and the Golden Horde. The Mongol Impact on Medieval Russian History. Bloomington.

- Kramarovsky M. G.* 1989. The Culture of the Golden Horde and the Problem of the «Mongol legacy» // Rulers from the Steppe. State Formation on the Eurasian Periphery. Vol.2. Los Angeles. p. 255-290.
- Kristo. G.* 1996. Hungarian history in the ninth century. Szeged.
- Die Mongolien...* 1989. Die Mongolien und ihr Weltreich. Mainz am Rhein.
- Der Mongolensturm...* 1985. Der Mongolensturm: Berichte von Augenzeugen und Zeitgenossen 1235-1250 / übers., eingel. U. Erl. Von H. Gockenjan u. J. Sweeney. Graz; Wien; Koln.
- Moravcsik Gy.* 1958. Byzantinoturcica. Bd.I-II. Budapest.
- Nelson J.* 1986. Politics and Ritual in Early Medieval Europe. L.
- Noonan Th.* 1994. What can Archaeology tell us about the Economy of Khazaria // The Archaeology of the Steppes. Methods and Strategies. Ed. B. Genito. Napoli. p.331-345.
- Pegolotti F.B.* 1936. La Practica della Mercatura. Ed. by A. Evans. Cambridge-Massachusetts.
- Pritsak O.* 1981. Studies in medieval Eurasian history. L.
- 1981a. The Pecenegs // Studies in medieval Eurasian history. L.
- Radloff W.* 1887. Das türkische Sprachmaterial des «Codex Cumanicus». St.-Pb.
- Rorlich A.-A.* 1989. The Volga Tatars: Modern Identities of the Golden Horde // Rulers from the Steppe. State Formation on the Eurasian Periphery. Vol.2. Los Angeles. p. 274-290.
- Schamiloglu U.* 1976. The Formation of a Tatar Historical Consciousness: Sihabaddin Marcani and the Image of the Golden Horde // Central Asiatic Journal. XX. p.39-49.
1984. The Qaraci byes of the later Golden Horde: Notes on the Organization of the Mongol World Empire // Archivum Eurasiae medii aevi. Vol.4. p. 283-297.
1991. The End of Volga Bulgarian // Varia Eurasiatica. Festschrift für professor Andras Rona-Tas. Szeged. p. 157-163.
- Shnirelman V.A.* 1996. Who gets the Past? Competition for Ancestors among Non-Russian intellectuals in Russia. Washington D.C.
- Vasary I.* 1993. The Role of the Turkic Peoples in the Ethnic History of Eastern Europe // Ethnicity and Nationalism. Marburg. p. 27-34.
1995. Mongolian Impact on the Terminology of the Documents of the Golden Horde // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. T.XLVIII (3). p. 479-485.
- Vernadsky G.* 1953. The mongols and russia. New Haven.
- Zimonyi I.* 1990. The Origins of the Volga Bulgars. Szeged.
- 1992/3. The Volga Bulgars between Wind and Water (1220-1236) // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. T.XLVI (2/3). p. 347-355.

Содержание

Введение	3
Глава I. Теоретические предпосылки исследования этногенеза татар и важнейшие этапы их этнической истории.....	5
Глава II. Предыстория татарского этноса. Образование основных этнических компонентов татар (VI — середина XIII в.)	12
Глава III. Образование Золотой Орды и формирование средневекового татарского этноса (XIII — первая четверть XV в.)	52
Литература.....	119

Д. М. Исхаков, И. Л. Измайлов
**Этнополитическая история татар
в VI — первой четверти XV в.**

Оригинал-макет *Галеевой Д.Р.*